

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 1 (25)

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Москва
2017**

VESTNIK

MOSCOW CITY UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES

HISTORICAL STUDIES

№ 1 (25)

Published since 2008
Quarterly

Moscow
2017

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Реморенко И.М.

председатель

ректор ГАОУ ВО МГПУ,
кандидат педагогических наук, доцент,
почетный работник общего образования Российской Федерации
президент ГАОУ ВО МГПУ,

Рябов В.В.

заместитель председателя

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАО

Геворкян Е.Н.

заместитель председателя

первый проректор ГАОУ ВО МГПУ,
доктор экономических наук, профессор,
академик РАО

Агранат Д.Л.

проректор по учебной работе ГАОУ ВО МГПУ,
доктор социологических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Рябов В.В.

главный редактор

президент МГПУ, заведующий общеуниверситетской
кафедрой истории МГПУ, доктор исторических наук, профессор

Михайловский Ф.А.

заместитель главного редактора

заведующий кафедрой всеобщей истории МГПУ,

Андреев И.Л.

доктор исторических наук, профессор
заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Жиряков И.Г.

профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии
МГОУ, доктор исторических наук, профессор

Исаков В.А.

профессор кафедры всеобщей истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Кириллов В.В.

директор ИГНиУ МГПУ,
кандидат исторических наук, профессор

Малышева О.Г.

профессор кафедры отечественной истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Орлов А.А.

профессор кафедры новой и новейшей истории МГПУ,
доктор исторических наук, доцент

Ртищева Г.А.

доцент кафедры всеобщей истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Сорокин А.А.

заведующий кафедрой методики преподавания
истории, обществознания и права МГПУ,

Токарева Е.А.

кандидат исторических наук, доцент
доцент кафедры отечественной истории МГПУ,
кандидат исторических наук, доцент

Уколова В.И.

заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории
МГИМО, доктор исторических наук, профессор

Хаванов Е.И.

профессор кафедры всеобщей истории МГПУ,
доктор исторических наук, профессор

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ISSN 2076-9105

© ГАОУ ВО МГПУ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Исаков В.А., Квасов О.Н.* PR террористической борьбы в России на рубеже XIX–XX веков 8
- Гусева И.Е.* Женская пресса: отражение перемен в российском обществе начала XX века..... 18
- Кискидосова Т.А.* Общественно-политическая активность учащихся Красноярска в годы Первой русской революции 24
- Подшибякин С.С.* Репрессии против меньшевистской фракции российского парламента в 1906–1907 годах 36
- Фатеев А.В.* Вопросы государственного бюджета в деятельности партии конституционных демократов (1907–1917 годы) 42
- Ершова Т.В., Касаров Г.Г.* Протестное движение рабочих Москвы на этапе Первой мировой войны и Февральской революции 1917 года..... 48
- Багашвили И.Р.* Состояние химической промышленности Российской империи накануне 1917 года..... 55

Новейшая история России

- Юрьев А.И.* Борьба Партии социалистов-революционеров и большевиков за влияние на Советы крестьянских депутатов после Октябрьской революции 1917 года 61
- Амброше Т.В.* Соловецкая школа юнг ВМФ СССР в 1942–1945 годах: антропологический ракурс 67
- Иванов Г.С.* Развитие легкой промышленности и торговли в Москве и области в послевоенные годы..... 79

Всеобщая история

- Ляпустин Б.С.* Место экономических законов и фамилии в современных исследованиях экономики древнего Рима 87
- Барabanов М.В.* Вступление европейских сообществ и постсоциалистических восточноевропейских стран на путь создания объединенной Европы: замыслы и результаты 94

Критика. Рецензии. Публицистика

- Васин И.В.* Рецензия на книгу: Federalism in Greek Antiquity / Eds. Hans Beck and Peter Funke. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 636 p. 104

- Авторы «Вестника МГПУ», серия «Исторические науки», 2017, № 1 (25)..... 114**

- Требования к оформлению статей..... 118**

CONTENTS

History of Russia: from Ancient Times to 1917

<i>Isakov V.A., Kvasov O.N.</i> Revolutionary PR of Terrorist Struggle in Russia	8
<i>Guseva I.E.</i> Women's Press: a Reflection of Changes in Russian Society at the Beginning of XX Century.....	18
<i>Kiskidosova T.A.</i> Social and Political Activity of the Students of Krasnoyarsk in the Period of the First Russian Revolution	24
<i>Podshibyakin S.S.</i> Repressions Against the Menshevik Faction of the Russian Parliament in 1906–1907	36
<i>Fateev A.V.</i> Issues of the State Budget in the Activities of the Constitutional Democratic Party (1907–1917).....	42
<i>Ershova T.V., Kasarov G.G.</i> The Protest Movement of the Workers of Moscow during World War I and the February Revolution of 1917	48
<i>Bagashvili I.R.</i> State of Chemical Industry of the Russian Empire on the Eve of 1917	55

Modern History of Russia

<i>Yuriev A.I.</i> The Struggle between the Socialist Revolutionary Party and Bolsheviks for Influence on Soviets of Peasants' Deputies after the October Revolution of 1917	61
<i>Ambroche T.V.</i> Solovki Sea Cadet School of the Soviet Navy of USSR in 1942–1945: Anthropological Perspective	67
<i>Ivanov G.S.</i> The Development of Light Industry and Trade in Moscow and Moscow Region in the Postwar Years.....	79

Universal History

- Lyapustin B.S.* The Place of Economic Laws and Familia
in Modern Studies of the Economy of Ancient Rome 87
- Barabanov M.A.* Entering of the European Communities
and Post-Socialist Eastern European Countries the Path
of Creation of «United» Europe: Intentions and Results 94

Criticism. Reviews. Publicism

- Vasin I.V.* Review of the Book: Federalism
in Greek Antiquity / Eds. Hans Beck and Peter Funke.
Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 636 p. 104

- «MCU Vestnik» / Authors, Series «Historical Studies»,
2017, № 1 (25) 114

- Style Sheet..... 118

История России: с древнейших времен до 1917 года

**В.А. Исаков,
О.Н. Квасов**

PR террористической борьбы в России на рубеже XIX–XX веков

Статья посвящена PR-политике революционных партий царской России на рубеже XIX–XX веков в сфере террористической борьбы, особенно в годы революции 1905–1907 годов. На основе значительного фактического материала рассматриваются различные варианты действий революционеров в зависимости от конкретных обстоятельств. Выявляется степень реального воздействия PR-акций на общественное мнение.

Ключевые слова: теракт; информационное сопровождение; политическое убийство; пропагандистские цели; революция; эсеры.

Любая террористическая деятельность требует публичного информационного сопровождения теракта. Это было осознано еще народовольцами и продолжалось до событий 1917 года. В последнее время исследователи обратили внимание на это явление. Как отмечает, в частности, В.А. Федорцов, теракт «обладает большим символическим значением, несет в себе послание, которое часто адресовано даже не противнику, а широким слоям населения или мировой общественности. Смысл такого послания, как правило, заключается в информировании о ведущейся борьбе и привлечении на свою сторону целевой аудитории» [20: с. 20]. Иными словами, задача формулировалась в плоскости, схожей с современным пониманием PR. И деятелями революционного движения в целом и терроризма в частности эта сфера осознавалась как предельно значимая. Именно СМИ и партийная печать были способны значительно увеличить общественную значимость политического убийства, расставить определенные акценты, придать ему необходимую «сюжетность». Поэтому ЦК ПСР упрекал местные комитеты: «О целом ряде террористических актов и партизанских выступлений сведения в Организационное Бюро поступают лишь случайно и с сильным опозданием, вследствие

этого они теряют, благодаря отсутствию своевременного освещения и приведения их в связь с боевой тактикой партии с. р., часть своего агитационного значения. Организационное Бюро просит поэтому организации своевременно давать сведения как о своей работе и жизни партии на местах, так и о террористической и партизанской борьбе, в частности» (ГАВО. Ф. И-1. Оп. 2. Д. 1218. Л. 118–119). Своевременность PR-акции оказывалась, таким образом, едва ли не решающей для значимого пропагандистского эффекта от совершенного теракта. Надо признать, что революционеры были в этом случае последовательны в своих теоретических построениях и практических действиях, верно выделяя главные характеристики информационного сопровождения террористической борьбы и добиваясь максимальной эффективности.

Исходя из пропагандистских и агитационных целей, за годы революционных потрясений был разработан целый комплекс печатного сопровождения терактов, который включал в себя в первую очередь общественный призыв к наказанию или насилию. К примеру, тамбовская прокламация 1905 года прямо указывала: «Вот имена главных врагов народа, главных виновников насилий над забастовавшими рабочими и учащимися: губернатор фон-дер-Лауниц, вице-губернатор Богданович, полицмейстер Старынкевич, жандармские полковники Семенов и Эрнст. Они достойны смерти. С ними пусть погибнут и вожаки черной сотни Кишкин и Луженовский» [5: с. 132]. Из перечисленных лиц Н.Е. Богданович и Г.Н. Луженовский будут смертельно ранены в течение двух месяцев, а В.Ф. Лауниц убит через год, уже будучи столичным градоначальником. При определенных обстоятельствах и росте протестного движения не требовалось и призыва, достаточно было конкретизировать пример жестокости власти.

Общественно обсуждаемым стал случай с известным писателем и публицистом В.Г. Короленко. В печати он описал жестокость усмирения одного из крестьянских выступлений на Украине и прямо указал на ответственность старшего советника полтавского губернского правления Ф.В. Филонова [6]. Несколько дней спустя, 18 января 1906 года, Филонов был убит эсерами, а патриотические организации заклеили писателя как подстрекателя и провокатора (РГИА (СПб.). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л. 3–7) [2; 18: С. 22, 88–125]. Такую же «подстрекательскую» роль выполнил популярный в Сибири автор песен, романсов и собиратель каторжного фольклора В.Н. Хартвельт, рассказавший в печати о жестокостях и злоупотреблениях начальника Тобольской каторжной тюрьмы И.С. Могилева, застреленного в Тобольске 20 апреля 1909 года членом Летучего боевого отряда ПСР Н.Д. Шишмаревым. Помощник начальника Тобольского ГЖУ А.М. Поляков отмечал в своих воспоминаниях: «Ходившие на месте о его жестокостях слухи подтвердились в печати заявлением такого популярного, и, видимо, беспристрастного свидетеля, как Гартевельт. На основании этого заявления, как значилось в выпущенных прокламациях Уральской группы партии эсеров, и по постановлению последних,

Могилынский и был убит, или, как значилось в прокламациях, он был “казнен”» [10: с. 517].

Аналогичная ситуация сложилась с истязателями эсерки Марии Спиридоновой. Получившие благодаря откровенному письму Спиридоновой и многочисленным печатным статьям печальную известность подъесаул П.Ф. Абрамов и помощник пристава Т.С. Жданов были убиты в ходе терактов 3 апреля и 4 мая 1906 года. Общественным мнением эти убийства воспринимались как возмездие и справедливый суд за вопиющую жестокость. Также убийством закончилось «думское натравливание» кадетских депутатов на главного военного прокурора В.П. Павлова [7: с. 82]. Многочисленные критические замечания о деятельности военных судов в парламентских речах часто сводились к критике личности самого Павлова, который был в итоге застрелен террористом 27 декабря 1906 года.

Вторым видом печатного сопровождения являлись публичное партийное заявление о совершенном акте, описание ряда его фактических подробностей и указание, в меру конспиративной целесообразности, террористического подразделения и имени террориста. Для этого заблаговременно готовился текст, в подпольных типографиях заранее набирались гранки партийных прокламаций, чтобы по результатам теракта сразу выступить с печатным заявлением. Народоволец А.В. Тырков отмечал: «После 1 марта Исполнительный комитет выпустил ряд прокламаций к крестьянам, рабочим, обществу. Было организовано целое бюро, располагавшее грудой адресов, по которым оно рассылало эти прокламации во все концы и закоулки России. В самом Петербурге прокламации расклеивались на улицах: в центральных кварталах — с обращением к обществу, в рабочих — к рабочим» [17: с. 276]. Несомненным признаком масштабности акции и значимости ее воздействия на общественное мнение была, как видим, организация «целого бюро». Масштабность, системность и последовательность проявлялись и во многих других случаях, что показывает, насколько глубоко была понята революционерами задача информационного сопровождения своей деятельности. Практически идеальным образцом печатного сопровождения теракта является убийство В.К. Плеве. На смерть министра в 1904 году вышло огромное количество эсеровской литературы. ЦК издал специальный номер «Летучего листка революционной России» и прокламации: «Ко всем рабочим», «15-е июля», «Ко всему русскому крестьянству», «Надгробное слово временщику». «Боевая организация» издала прокламацию «15-е июля 1904 г.» и на французском языке – «Воззвание к гражданам цивилизованного мира». Почти все комитеты и группы издали или свои прокламации, или перепечатали воззвания ЦК и Боевой организации» [16: с. 143]. Кроме того, ЦК ПСР были одновременно или немногим позже изданы: «Событие 15-го июля», «Вячеслав Константинович Фон-Плеве (Обзор двухлетнего царствования)», «Смерть В.К. Фон-Плеве (впечатления и отклики)», «Отзывы иностранной прессы (РГАСПИ. Ф. 673. Д. 438. Л. 1–22).

Объем партийной печатной продукции и текстов, посвященных теракту, в определенной мере иллюстрирует его «революционное» значение. Так, на теракт в отношении генерал-майора П.В. Полковникова (4 ноября 1906 года) вышла информативная, но короткая партийная справка: «Прокламация ПСР. Объявление. 4 ноября 1906 г. казнен в г. Полтаве генерал Полковников за применение им, в бытность временным генерал-губернатором г. Читы, жестоких и репрессивных мер по отношению к деятелям освободительного движения и за пулеметный, без предупреждения из-за угла расстрел солдат Севского полка и артиллеристов в г. Полтаве вблизи арестантских рот 15 июля 1906 г. Товарищ, исполнивший приговор, вне опасности. Летучий отряд Боевой организации» [8: с. 9].

В меру необходимости и в прямой связи с реакцией на теракт, выходили последующие партийные прокламации, объясняющие содеянное. В зависимости от аудитории, общественный акцент теракта в прокламации мог значительно варьироваться, что в современном PR определяется как учет запросов адресной аудитории и что указывает на интенсивность осмысления революционерами теоретических аспектов и быстрой практической реализации выводов. В листовке для крестьянской массы в большей мере обращалось внимание на жестокость и несправедливость власти, для пролетарских слоев — на неотвратимость возмездия, сплоченность революционных рядов и героизм террориста, для интеллигенции и иностранной публики живописалась закономерность террористического насилия при невозможности иных мер политической борьбы. Даже в случае самочинных, без одобрения комитетов, организованных действий, боевики предпочитали оставлять сведения о причинах своих акций, тем самым информируя общественность и как бы перекладывая политическую ответственность на комитет вопреки его воле. Эмоциональные, безграмотно написанные, с незамысловатым текстом записки фиксировали политические причины экспроприаций или убийств. Независимые СМИ, газеты либерального направления иногда также использовались для передачи официальных заявлений: «Московский комитет партии с.-р. обратился в редакцию газеты «Путь» с заявлением, что к ограблению московского купеческого общества взаимного кредита социал-революционная партия никакого отношения не имеет, и что к экспроприации частного и общественного имущества упомянутая партия относится отрицательно» [13]. Имеется в виду ограбление максималистами банка на 875 тысяч рублей 7 марта 1906 года.

Отмежеваться от акции, способной стать причиной черного PR, значило все глубже погружаться в информационные технологии и видеть их нюансы и последствия применения, без чего ведение PR-кампании в частности и в целом информационной войны, контуры которой становились все более осязаемыми, было невозможно.

Газеты могли использоваться революционной оппозицией и в других целях. Так, либеральная газета «Речь» первой опубликовала известное письмо М. Спиридоновой, которое потом перепечатал ряд изданий. В конце 1907 года

в «Русских ведомостях» было помещено такое письмо: «В заседании военно-окружного суда, происходившего в Орле 17-го ноября 1907 года приговорен к смертной казни Краснощек, за убийство жандармского ротмистра Аргамкова в Брянске. Мы, политические заключенные, долго находясь с Краснощekom вместе в тюрьме, как через интимные разговоры с ним, так и другими путями были осведомлены об обстоятельствах этого дела и в настоящем письме констатируем и категорически заверяем факт происшедшей судебной ошибки. Краснощек не только не участвовал в самом убийстве, но ни прямо, ни косвенно не был к нему прикосновенен» [8: с. 68–69]. Письмо было написано в день суда, имело 50 подписей, но, несмотря на это коллективное письмо и личное обращение Е. Краснощека в Государственную думу по поводу несправедливого приговора, он был 5 января 1908 года повешен (ГАРФ. Ф. 124. Оп. 45. Д. 2009. Л. 35. ГАОО. Ф. 580. Ст. 1. Д. 4958. Л. 1–8).

В 1906 году с резким ростом экспроприаций и числа жертв революционно-насилия у комитетов возникла необходимость объяснять общественности непричастность революционных партий к наиболее жестоким и вопиющим фактам революционного или псевдореволюционного экстремизма. Текст извещений в таком случае был предельно коротким. Курский комитет ПСР в марте 1907 года сообщал общественности: «В виду циркулирующих по городу слухов о том, что экспроприация на Милентьевской улице совершена ПСР, Курский комитет ПСР заявляет, что означенная экспроприация никакого отношения к ПСР не имеет и лица, ее совершившие, членами ПСР не состоят» (ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 168. Л. 54). Имеется в виду ограбление максималистами в Курске кареты губернского казначейства 10 марта 1907 года. В ходе экспроприации был убит один из счетчиков казначейства, другой ранен, похищено 2,5 тысячи рублей. В ходе преследования было арестовано шесть боевиков. Батумскому комитету РСДРП в период 1906–1908 годов пришлось издать не менее пяти извещений о непричастности к грабегам и с критикой анархистов [22: с. 224]. Подчас такого заявления требовала революционная конъюнктура. Так, ЦК ПСР отрещивался от убийства Г. Гапона. Партийное заявление ПСР было сделано и после взрыва максималистами премьерской дачи на Аптекарском острове 12 августа 1906 года, в ходе которого было огромное число погибших: «1) ни “Боевая Организация” партии, ни какой либо из других ее боевых отрядов никакого отношения к этому делу не имеет, и 2) что способ совершения этого акта (взрыв в квартире в часы приема посетителей) совершенно противоречит тем принципам, которые партия считала и считает для себя морально и политически обязательными» [14: с. 14]. По поводу убийства начальника Петербургской охранки С.Г. Карпова агентом А.А. Петровым 19 декабря 1909 года эсеры выпустили несколько разъясняющих ситуацию печатных изданий [3]. Позже ЦК опубликовал заявление о своей непричастности и к убийству премьера П.А. Столыпина [3].

Данные примеры показывают, что террор, приобретя особое дискурсивное поле, стал важным компонентом общественной жизни России, центральной темой

информационного противостояния. Причем первоначальная семантика, смысловое значение этого феномена имело в большей степени положительные характеристики, за которые партиям, по мере «деформации» и криминализации террора, приходилось бороться. Как ни парадоксально звучит, но именно деятели революционного лагеря в силу потребностей борьбы были лидерами в освоении и даже наработке того, что сегодня определяется как PR-технологии и информационные войны. Отсутствие сдерживающих формальных норм и потребности исходить из закона, оперативность, бесцензурность — все это способствовало высокой продуктивности информационного сопровождения терактов даже в неблагоприятных для революционеров обстоятельствах.

Стараясь оправдаться в глазах общества, комитеты выпускали отдельные объемные прокламации, где вступали в софистские рассуждения о жертвах террора. В народовольческой прокламации по поводу гибели солдат Финляндского полка во время взрыва Зимнего дворца (5 февраля 1880 года) глубокомысленно замечалось: «С глубоким прискорбием смотрим мы на погибель несчастных солдат царского караула, этих подневольных хранителей венчанного злодея. Но пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны» [12: с. 223–224]. А севастопольскому комитету ПСР вслед за неудачным покушением на генерала В.С. Неплюева (14 мая 1906 года), во время которого погибло много невинных людей, пришлось выпускать отдельную листовку, где прямо говорилось: «Наше кровавое правительство старается всех убедить, что революционеры опасны не только ему и его верным холопам, но что они угрожают всему обществу, и лицемерно печалится о пострадавших в Севастополе при покушении на Неплюева и на Столыпинской даче. Но в печальном случае 14-го мая повинны охранители Неплюева: они схватили нашего товарища в толпе, сжали ему горло и ударили по рукам, — он, изнемогая в борьбе с околоточными и сыщиками выронил бомбу, и так охранники ценой многих жизней спасли гнусную жизнь Неплюеву. На Столыпинской же даче из массы пострадавших, невинных мирных граждан было три-четыре, остальные же: сыщики, чины охранного отделения и помощники Столыпина из генералов. Но если даже и признать эти два печальные факта, где были лишние жертвы, то ведь их всего-то два, хотя правительство не поскупилось бы, конечно, перечислить больше, если бы можно» (ГАОО. Ф. 883. Оп. 1. Д. 385. Л. 557).

Третьим элементом информационного комплекса была обширная литература, возвеличивающая террористический акт и самопожертвование боевика. Исследователь эсеровской печати М.В. Федоров указывает: «Поскольку непосредственные исполнители теракта почти всегда погибали на месте его проведения или на эшафоте, вокруг их имен создавался ореол жертвенности, высокой чистоты и нравственности» [19: с. 13]. Для этого использовались как приемы, освоенные народовольцами, в виде описаний казни революционеров,

публикаций судебных речей террористов или отдельных эпизодов судебных процессов, так и новые жанры в форме предсмертных писем или писем-завещаний террористов партийным товарищам и родным [11]. Среди таких агитационных материалов наибольшей известностью пользовались, в частности, письмо С. Перовской матери, последние письма И. Каляева, «мученическое» письмо М. Спиридоновой. Некоторые письма из тюрем родным писались с пониманием их возможной дальнейшей публикации. В свою очередь, имея такой материал, комитеты старались его обязательно опубликовать в виде отдельных прокламаций или статей в партийных газетах. При необходимости партийные редакторы рукописные источники подвергали необходимой корректуре, однако старались сохранить, насколько это возможно, полнее первоисточник. Поэтому трудно принять сарказм жандармского полковника А.И. Спиридовича, утверждавшего: «Сколько таких писем и речей казненных революционеров, которых они никогда не писали и не произносили, выдаются за подлинные» [15: с. 132].

Таким образом, аффективное содержание акта имело огромное значение и реализовывалось не только фактом смерти террориста, но и подчеркиванием его человеческого облика — доброго сына или дочери, заботливого отца или матери, нежно любимого или любимой. Целенаправленно конструировался мифологический, «общественный» образ террориста, образ, который во многом определял отношение к революционному террору и формировал общественную поддержку террористов [1]. В целом же это свидетельствовало об активном и постоянном осмыслении способов ведения борьбы и использовании всех возможных средств и путей.

В разгар революции появляются, наряду с многочисленными портретами революционных идеологов, фотокарточки террористов. Комитеты фотографии эти активно и в большом количестве продавали, что было не только популяризацией партийных идей и символов, но и важным партийным доходом (РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–5). Нельзя не увидеть очевидной переклички этого явления с гораздо более поздними ситуациями, например, вокруг имени Че Гевары, что доказывает достигнутую еще российскими радикалами высокую продуктивность данного метода. Подрастающие поколения использовали эти фотографии в виде книжных закладок, а в крестьянских избах встречались они и в красных углах, рядом с иконами. Так, участник революционных событий К.В. Островитянов отмечал: «Я помню какое огромное впечатление тогда произвело дело Спиридоновой на нас, учащуюся молодежь. По рукам ходили в большом количестве ее портреты, с них смотрела девушка с пышными темными волосами, расчесанными на прямой пробор, и с упрямым взглядом серых глаз, в которых светились воля и убежденность, доходящая до фанатизма» [9: с. 14, 19].

Четвертым видом печатного сопровождения было отмечание юбилейных дат наиболее известных терактов. Это создавало возможность напомнить о партийных заслугах, в очередной раз активизировать фактор террористического

участия для политических противников, отметить тяжелую каторжную или тюремную участь революционеров. Классическим образцом этого являются ежегодно выходившие в эсеровской печати статьи, посвященные покушению на В.К. Плеве. Резко увеличилось количество этой литературы после жертвенного самоубийства на Зерентуйской каторге в 1910 году убийцы Плеве, террориста Е.С. Сазонова.

Итак, за годы революционных потрясений партийными комитетами были основательно разработаны пропагандистско-агитационные приемы сопровождения террористической деятельности, которые в совокупности представляли собой полноценный информационно-коммуникативный комплекс. Действенность и влияние элементов этого комплекса во многом определили сочувственный характер общественного восприятия революционно-террористических акций начала XX века. Это вело к деформации общественной морали и самих этических ценностей. Агрессия политической борьбы разрушительно влияла на общественные устои, которые и так были поколеблены процессом модернизации. Общество погружалось в состояние перманентного насилия. Борьба продолжалась на всех направлениях, в том числе информационном.

Литература

1. *Баранов А.С.* Образ террориста в русской культуре конца XIX – начала XX века (С. Нечаев, В. Засулич, И. Каляев, Б. Савинков) // *Общественные науки и современность.* 1998. № 2. С. 181–191.
2. *Васильев П.* Митя Кириллов // *Каторга и ссылка.* 1928. № 12 (49). С. 163–168.
3. *Знамя труда.* Центральный орган ПСР. 1911. № 38.
4. *К убийству полковника Карпова* // *Знамя труда.* 1909. № 25. Отдельный оттиск.
5. *Квасов О.Н.* Террористическая деятельность революционеров Центрального Черноземья в начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2000. 222 с.
6. *Короленко В.Г.* Открытое письмо статскому советнику Филонову // *Короленко В.Г. Собр. соч.:* в 10 т. Т. 9. М.: Гослитиздат, 1955. С. 435–447.
7. *Курлов П.Г.* Гибель императорской России: воспоминания товарища министра внутренних дел. М.: Захаров, 2002. 301 с.
8. *Малиновский И.А.* Кровавая месть и смертные казни. Вып. 1–2. Томск: Типо-литография Сибирского товарищества Печатного дела, 1908. 537 с.
9. *Островитянов К.В.* Думы о прошлом (из истории первой российской революции, большевистского подполья и октябрьских боев против контрреволюции в Москве). М.: Наука, 1967. 315 с.
10. *Поляков А.* Записки жандармского офицера // *Жандармы России /* сост. В.С. Измозик. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 482–542.
11. *Последние слова казненных* [А.А. Квятковского, А.И. Желябова, И.И. Кибальчича, С.Л. Перовской, Н.Е. Суханова, Н.Н. Мышкина, А.И. Ульянова, Н.Л. Зотова, А.Л. Гаусмана, Л.М. Коган-Бернштейна, С.В. Балмашова, И.П. Каляева]. СПб.: Современник, 1906. 80 с.
12. *Революционное народничество 70-х годов XIX в.* Т. 2: 1876–1882 гг. М.; Л., 1965. 471 с.
13. *Речь* (СПб.). 1906. 31 марта (13 апреля).

14. Солдатская газета. 1906. № 2.
15. *Спиридович А.И.* Записки жандарма. Харьков: Пролетарий, 1928. 205 с.
16. *Спиридович А.И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. 2-е изд. Пг.: Воен. типография, 1918. 626 с.
17. *Тырков А.В.* К событиям 1 марта 1881 г. // «Народная воля» и «Черный передел»: Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. / сост. В.Н. Гинев, А.Н. Цамутали. Л.: Лениздат, 1989. 415 с.
18. 1905 год на Полтавщине. Полтава, 1925. 125 с.
19. *Федоров М.В.* Эсеровская печать 1900–1928 гг.: учебное пособие. СПб.: СПб. гос. ун-т, 2005. 104 с.
20. *Федорцов В.А.* Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 22 с.
21. *Б.* Терроризм — взгляд изнутри. М.: Ультра. Культура, 2003. 264 с.
22. *Чулок И.С.* Очерки истории батумской коммунистической организации (1890–1921 гг.). Батуми, 1970. 224 с.

Literatura

1. *Baranov A.S.* Obraz terrorista v russkoj kul'ture koncza XIX – nachala XX veka (S. Nechaev, V. Zasluch, I. Kalyaev, B. Savinkov) // *Obshhestvenny'e nauki i sovremenost'*. 1998. № 2. S. 181–191.
2. *Vasil'ev P. Mitya Kirillov* // *Katorga i ssy'lka*. 1928. № 12 (49). S. 163–168.
3. *Znamya truda*. Central'ny'j organ PSR. 1911. № 38.
4. *K ubijstvu polkovnika Karpova* // *Znamya truda*. 1909. № 25. Otdel'nyj ottisk.
5. *Kvasov O.N.* Terroristicheskaya deyatelnost' revolyucionerov Central'nogo Chernozem'ya v nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk. Voronezh, 2000. 222 s.
6. *Korolenko V.G.* Otkry'toe pis'mo statskomu sovetniku Filonovu // *Korolenko V.G.* *Sobr. soch.*: v 10 t. T. 9. M.: Goslitizdat, 1955. S. 435–447.
7. *Kurlov P.G.* Gibel' imperatorskoj Rossii: vospominaniya tovarishha ministra vnutrennix del. M.: Zaxarov, 2002. 301 s.
8. *Malinovskij I.A.* Krovavaya mest' i smertny'e kazni. Vy'p. 1–2. Tomsk: Tipolitografiya Sibirskogo tovarishhestva Pечатnogo dela, 1908. 537 s.
9. *Ostrovityanov K.V.* Dumy' o proshlom (iz istorii pervoj rossijskoj revolyucii, bol'shevistskogo podpol'ya i oktyabr'skix boev protiv kontrrevolyucii v Moskve). M.: Nauka, 1967. 315 s.
10. *Polyakov A.* Zapiski zhandarmskogo oficera // *Zhandarmy' Rossii* / sost. V.S. Izmozik. SPb.: Neva; M.: OLMA-PRESS, 2002. S. 482–542.
11. *Poslednie slova kaznenny'x* [A.A. Kvyatkovskogo, A.I. Zhelyabova, I.I. Kibal'chicha, S.L. Perovskoj, N.E. Suxanova, N.N. My'shkina, A.I. Ul'yanova, N.L. Zotova, A.L. Gausmana, L.M. Kogan-Bernshtejna, S.V. Balmashova, I.P. Kalyaeva]. SPb.: Sovremennik, 1906. 80 s.
12. *Revolucionnoe narodnichestvo 70-x godov XIX v.* T. 2: 1876–1882 gg. M.; L., 1965. 471 s.
13. *Rech'* (SPb.). 1906. 31 marta (13 aprelya).
14. *Soldatskaya gazeta*. 1906. № 2.
15. *Spiridovich A.I.* Zapiski zhandarma. Har'kov: Proletarij, 1928. 205 s.
16. *Spiridovich A.I.* Partiya socialistov-revolucionerov i ee predshestvenniki. 1886–1916. 2-e izd. Pg.: Voen. tipografiya, 1918. 626 s.

17. *Ty'rkov A.V.* К событиям 1 марта 1881 г. // «Narodnaya volya» i «Cherny'j peredel»: Vospominaniya uchastnikov revolyucionnogo dvizheniya v Peterburge v 1879–1882 gg. / sost. V.N. Ginev, A.N. Camutali. L.: Lenizdat, 1989. 415 s.
18. 1905 god na Poltavshhine. Poltava, 1925. 125 s.
19. *Fedorov M.V.* E'serovskaya pechat' 1900–1928 gg.: uchebnoe posobie. SPb.: SPb. gos. un-t, 2005. 104 s.
20. *Fedorczov V.A.* Negosudarstvenny'j terrorism kak forma politicheskoy bor'by': avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2007. 22 s.
21. *B.* Terrorism — vzglyad iznutri. M.: Ul'tra. Kul'tura, 2003. 264 s.
22. *Chulok I.S.* Ocherki istorii batumskoj kommunisticheskoy organizacii (1890–1921 gg.). Batumi, 1970. 224 s.

*V.A. Isakov,
O.N. Kvasov*

Revolutionary PR of Terrorist Struggle in Russia

This article focuses on PR-policy of the revolutionary parties of Tsarist Russia at the turn of XIX–XX centuries, in the sphere of terrorist struggle, especially during the revolution of 1905–1907. On the basis of considerable factual material the authors considered various variants of revolutionaries' actions, depending on the specific circumstances. The extent of the real impact of PR — actions on public opinion are revealed.

Keywords: terrorist attack; information support; political assassination; propaganda purposes; the revolution; the SRs.

И.Е. Гусева

Женская пресса: отражение перемен в российском обществе начала XX века

В статье рассматриваются предпосылки появления женских общественно-литературных и общественно-политических журналов, их роль в развитии женского движения в России в начале XX века.

Ключевые слова: женская пресса; женское движение в России.

В начале XX века под влиянием экономических и социальных факторов в российской женской прессе происходили значительные изменения. Быстрая капитализация страны, усложнение общественной мысли вызывали быстрый рост периодики. «Процесс шел неравномерно, на увеличение числа журналов и газет оказывали влияние особенности политической и культурной жизни страны конкретного исторического момента» [7: с. 75]. Периодика начала XX века отличалась разнообразием женских журналов. Произошло разделение женской прессы на массовую — журналы мод, домоводства, литературно-общественные — и специальную — общественно-политические женские издания.

В то же время коммерциализация прессы привела к ее количественному росту и увеличению читательской аудитории. Появляются новые издания мод, домоводства и рукоделия, рассчитанные на массовую аудиторию: «Ворт» (1905–1913), «Домашняя портниха» (1906–1908), «Парижанка» (1908–1910), «Женский мир» (1909–1911), «Белье и вышивки» (1909–1916), «Моды для всех» (1910–1914) и другие.

Одновременно формируется тип универсального журнала, освещающего разные стороны жизни женщин. Литературно-общественный тип журнала начал вытеснять литературный. Литературно-общественный журнал учитывал социальные интересы читателей. Его главной задачей было распространение в обществе идей о женском образовании и труде. Таким образом пресса стремилась изменить мировоззрение женщины. Издаются массовые женские литературно-общественные журналы: «Женщина» (1907–1917), «Дамский мир» (1907–1917), «Женское дело» (1910–1918), «Журнал для хозяек» (1912–1926), «Мир женщины» (1912–1917), «Журнал для женщин» (1914–1918) и другие.

Журналы формировали определенный женский образ. Для данного периода это образ женщины-хозяйки, жены, матери, гражданки. Издания отличались

наличием многочисленных рубрик. Они имели схожую структуру, которая включала разделы литературы, моды, домоводства, рукоделия [12: с. 90]. Именно такая структура стала ориентиром при создании новых женских изданий, которая актуальна и сегодня. Журнал «Женщина» видел свое предназначение в укреплении семьи. Журнал «Дамский мир» ставил своей целью делать мир прекрасным, содержал много модных новостей с рисунками и выкройками, новинки приходили непосредственно из Парижа, Лондона, Нью-Йорка.

Одним из самых ярких был «Журнал для хозяек». Основная задача этого издания — помогать женщине-хозяйке. В обращении редакции подчеркивалось: «Наша цель — своими советами и указаниями помочь женщине наиболее рационально поставить свое домашнее хозяйство» [8: с. 1]. При журнале работали различные курсы: модисток, кройки и шитья и др., — которые помогли многим женщинам открыть свои мастерские и самостоятельно зарабатывать. Таким образом, он способствовал воплощению в жизнь некоторых феминистских идей. Журнал публиковал письма читательниц с различными взглядами на роль женщины в семье. Статья П. Калинина «Еще успех» посвящена вопросу допущения женщин к активной деятельности, в частности, к должности фабричных инспекторов [4: с. 17]. Постепенно «Журнал для хозяек» приобретал феминистскую окраску.

С 1914 года издание переименовано в «Журнал для хозяек и женская жизнь». Теперь ведение домашнего хозяйства не рассматривалось как единственное женское занятие. Новое издание дополнилось освещением женской жизни с общественной точки зрения, стремясь пробудить у представительниц прекрасного пола сознательность и вдумчивость. Журнал хотел вывести женщину из пассивного состояния. В редакционном обращении отмечалось: «Мы убеждены, что всё, что доступно мужчине, может быть и должно быть доступно женщине... Мы верим в скорое осуществление равноправности полов» [9: с. 1–2].

Вскоре раздел «Женская жизнь» вышел из состава «Журнала для хозяек и женской жизни» и стал отдельным изданием. Первая мировая война послужила стимулом развития женской активности и явилась причиной появления нового журнала. Его задачей стало воспитание «новой» женщины, самостоятельной, просвещенной, добивающейся равноправия с мужчинами. Первый раздел «Женской жизни» открывался статьей «Новая женщина», в которой автор писал: «...уменье дорожить своей свободой и независимостью вместо покорности и безличности... перед нами личность, “человек-женщина”!» [3: с. 19]. Журнал публиковал на своих страницах высказывания женских активисток, материалы о жизни женщин за рубежом. Материалы о развлечениях и моде также присутствовали в его номерах. Но редакция видела свою задачу в том, чтобы «будить женскую мысль, развивать женское самосознание, возбуждать живой интерес женщины по всевозможным общественным вопросам» [10]. Теперь традиционная роль женщины как жены, матери и домохозяйки становится недостаточной. В этом отличие издания «Женская жизнь» от других женских журналов.

С началом Первой мировой войны в женских журналах появились военные хроники, публикации о сестрах милосердия, благотворительных обществах. Журнал «Женская жизнь» приветствовал на своих страницах женщин-солдат, добровольно ушедших на фронт. Например, статья Ив. Анского «Новые ценности», где он пишет: «Мы видели женщин, выросших духовно до высшего понятия гражданского долга. Женщина входит в жизнь, как равная всем, как гражданка своего отечества. Она становится солдатом, с той лишь разницей, что солдат призван, а она пришла сама. Она доброволец» [2: с. 1]. Таким образом, война дала возможность многим женщинам обрести новый смысл жизни, который раньше ограничивался семьей и домашним бытом.

Свидетельством серьезных перемен в российском обществе начала XX века служило появление первых женских общественно-политических журналов, которые посвящались политической и гражданской эмансипации женщины, решали задачи по обеспечению женского равноправия. Феминистское движение заявило о себе выходом журналов «Женский вестник» (1904–1917) и «Союз женщин» (1907–1909). Эти издания стали идеологической основой для активизировавшегося женского движения. «Активистки стремились донести свои идеалы до широкой общественности» [6: с. 76]. И если идеалом большинства женских журналов была женщина — хранительница домашнего очага, то новые журналы отличались от них принципиально. Они стремились пробудить сознание женщины, заставить ее задуматься над своим положением и искать выход из него. В основе деятельности авторских коллективов лежал взгляд на женщину как социального субъекта, имеющего собственные интересы.

Большинство авторов журналов «Женский вестник» и «Союз женщин» были интеллигентные женщины — врачи, учителя, писательницы и т. д. Среди них выделялись феминистки А.П. Философова, А.А. Кальманович и др. Своей деятельностью в журнале они подавали пример активной жизни. Журнал «Женский вестник» возглавляла М.И. Покровская — врач, общественный деятель, которая и придала журналу феминистскую направленность. Во главе «Союза женщин» стояла М.А. Чехова — ответственный секретарь «Союза равноправности женщин». Постоянными рубриками журналов были «Хроника женского движения в России и за границей», «Отдел для читательниц», «Вопросы и ответы». Журналы также печатали тексты речей зарубежных феминисток, стенограммы заседаний Государственной думы, касающиеся женского вопроса, а также небольшие рассказы и художественные произведения, рассказывающие о судьбах женщин.

В журналах «Женский вестник» и «Союз женщин» не было «никаких приманок в виде мод, рукоделий, кухни и т. д.» [11]. Они не попадали под традиционную категорию женских журналов, чтобы не отвлекать читательниц от основных задач, стоящих перед ними. Основное внимание «Женского вестника» и «Союза женщин» было сосредоточено на трех проблемах: расширение допуска женщин к образованию, наделение их правами избирать и быть

избранными, создание женских союзов и объединений для представления своих интересов в общественной и политической жизни. А.П. Философова выступала за среднее и высшее образование женщин, за всеобщее просвещение. Она призывала создать народный женский совет, цель которого «объединить женщин всех национальностей для совместной культурной работы», иметь в России свою прессу и свой печатный орган по примеру западных женщин [13: с. 4].

Каждый номер «Союза женщин» печатал материалы о женском высшем образовании, обращал внимание читателей на законопроекты, касающиеся женщин, освещал международное женское движение, фиксировал факты дискриминации женщин. А. Кальманович в статье «Несколько слов о феминизме» объясняет, за что должны бороться женщины. «Противники представляют себе под женским движением нечто вроде вооруженного восстания. Пора понять, что женское движение направлено не на борьбу с мужчинами, а на организацию женщин..., время безучастных существ прошло и что всякий взрослый человек, трудящийся на общую пользу, имеет право на участие в делах общества и государства» [5].

Надо отметить, что журнал «Союз женщин» приглашал к сотрудничеству и мужчин, разделяющих взгляды феминисток. Например, муж М.А. Чеховой — Н.В. Чехов — сыграл активную роль в издании журнала. Он опубликовал статьи по проблемам высшего женского образования, отчеты о заседаниях феминистских организаций и др. М.А. Чехова считала мужчин товарищами женщин на пути к гражданским правам. «Это в их интересах, так как без женского равноправия невозможна демократизация общества и коренные социальные реформы» [14: с. 307].

Следовательно, общественно-политические журналы «Женский вестник» и «Союз женщин» отразили на своих страницах зарождение и развитие феминистской идеологии в России начала XX века. В феминистских изданиях основной проблемой было самостоятельное существование женщины и ее общественная деятельность. Общественность слабо поддерживала журналы, так как мало еще было женщин, готовых воспринять новые идеи.

К началу Первой мировой войны отечественное женское движение добилось определенных успехов. В связи с этим появились женские общественно-политические журналы, являющиеся рупором определенной политической партии. Так, в 1914 году по инициативе В.И. Ленина был основан журнал «Работница», первый большевистский массовый легальный журнал, ставивший своей целью защиту интересов женского рабочего движения. Программа журнала состояла из нескольких разделов: статьи по вопросам политики, материалы об участии женщин в рабочем движении и о деятельности зарубежных работниц, а также материалы по охране женского труда, хроника рабочего движения. Журнал вел пропаганду реорганизации трудового законодательства, присоединения женских организаций к социал-демократии. Издание

распространялось среди пролетарок и выходило в печать на добровольные взносы рабочих. В 1914 году вышло всего семь номеров, из них три были конфискованы полицией, а 26 июня издание журнала было вообще прекращено из-за полицейских преследований. Возобновлено издание было только после победы Февральской революции 10 мая 1917 года как еженедельный журнал ЦК РСДРП (б) [1: с. 120–125]. В дальнейшем именно модель журнала «Работница» стала образцовой на несколько десятилетий для советской женской периодики.

Таким образом, появление новых женских литературно-общественных и общественно-политических журналов, расширение круга проблем, которые они освещали, явилось отражением в женской прессе перемен в российском обществе начала XX века.

Литература

1. Алферова И.В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма (первое десятилетие советской власти. 1917–1927 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 496 с.
2. Анский Ив. Новые ценности // Женская жизнь. 1915. № 4. С. 1–2.
3. А.С. Новая женщина // Журнал для хозяек. 1913. № 21. С. 19–21.
4. Калинин П. Еще успех // Журнал для хозяек. 1913. № 6. С. 16–17.
5. Кальманович А. Несколько слов о феминизме // Союз женщин. 1907. № 5. С. 24.
6. Крадецкая С.В. «Женский вестник» (1904–1917). Опыт издания феминистского журнала в России // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 72–81.
7. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта; Наука, 2002. 368 с.
8. От редакции // Журнал для хозяек. 1912. № 1. С. 1–2.
9. От редакции // Журнал для хозяек и женская жизнь. 1914. № 1. С. 1–2.
10. От редакции // Женская жизнь. 1915. № 1. С. 1.
11. Покровская М.И. Десять лет // Женский вестник. 1914. № 9. С. 16.
12. Смеюха В.В. Процессы идентификации и женская пресса. Ростов-н/Д: Ростиздат, 2012. 318 с.
13. Философова А.П. К русскому обществу и к русским женщинам // Союз женщин. 1907. № 5. С. 3–4.
14. Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб.: Алетейя, 2007. 539 с.

Literatura

1. Alferova I.V. «Zhenskij vopros» v teorii i praktike bol'shevizma (pervoe desyatiletie sovetskoy vlasti. 1917–1927 gg.): dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 2011. 496 s.
2. Anskij Iv. Novy'e cennosti // Zhenskaya zhizn'. 1915. № 4. S. 1–2.
3. A.S. Novaya zhenshhina // Zhurnal dlya hozyaek. 1913. № 21. S. 19–21.
4. Kalinin P. Eshhe uspex // Zhurnal dlya hozyaek. 1913. № 6. S. 16–17.
5. Kal'manovich A. Neskol'ko slov o feminizme // Soyuz zhenshhin. 1907. № 5. S. 24.
6. Kradeczkaya S.V. «Zhenskij vestnik» (1904–1917). Opy't izdaniya feministского zhurnala v Rossii // Zhenshhina v rossijskom obshhestve. 2013. № 1. S. 72–81.

7. *Maxonina S.Ya.* Istoriya russkoj zhurnalistiki nachala XX veka. M.: Flinta; Nauka, 2002. 368 s.
8. Ot redakcii // Zhurnal dlya xozyaek. 1912. № 1. S. 1–2.
9. Ot redakcii // Zhurnal dlya xozyaek i zhenskaya zhizn'. 1914. № 1. S. 1–2.
10. Ot redakcii // Zhenskaya zhizn'. 1915. № 1. S. 1.
11. *Pokrovskaya M.I.* Desyat' let // Zhenskij vestnik. 1914. № 9. S. 16.
12. *Smeyuxa V.V.* Processy' identifikacii i zhenskaya pressa. Rostov-n/D: Rostizdat, 2012. 318 s.
13. *Filosofova A.P.* K russkomu obshhestvu i k russkim zhenshinam // Soyuz zhenshin. 1907. № 5. S. 3–4.
14. *Yukina I.I.* Russkij feminizm kak vy'zov sovremennosti. SPb.: Aletejya, 2007. 539 s.

I.E. Guseva

**Women's Press:
a Reflection of Changes in Russian Society
at the Beginning of XX Century**

The article deals with the prerequisites for appearance of women's social and literary and social and political magazines, their role in the development of women's movement in Russia in the early twentieth century.

Keywords: women's press; the women's movement in Russia.

Т.А. Кискидосова

Общественно-политическая активность учащихся Красноярска в годы Первой русской революции

Статья посвящена общественно-политической активности учащихся в годы Первой русской революции. На примере учащихся Красноярска рассмотрена роль и деятельность молодежи в демократическом движении в революционный период.

Ключевые слова: учащиеся; гимназия; Красноярск; Первая русская революция.

События Первой русской революции затронули все слои российского общества. Непосредственными участниками революционных событий стали воспитанники учебных заведений. Системный кризис в стране способствовал тому, что участие учеников в общественно-политическом движении страны было закономерным и неизбежным.

В отечественной историографии общественно-политической активности учащихся в годы Первой русской революции был посвящен ряд исследований [15; 16; 17; 19]. Интерес представляет работа С.И. Беленцова о школьных беспорядках в крупных городах России. По мнению автора, в революционное время в наибольшей степени обнажились все упущения в работе с подрастающим поколением. Для общественного движения школьников была характерна асоциальность поведения. Вызывает сомнение вывод С.И. Беленцова о том, что «учащиеся, сами того не желая, оказались втянутыми в политические интриги и дразги различных группировок и партий»¹.

В современной исторической литературе появился ряд работ, посвященных региональным особенностям общественно-политической активности учащихся на рубеже XIX–XX веков [2–5; 8–11]. Авторы также обратили внимание на участие воспитанников учебных заведений в общественно-политическом движении в период Первой русской революции. Н.В. Малышева на примере молодежного движения в Среднем Поволжье пришла к выводу, что в 1905–1907 годах во взглядах и действиях молодежи произошли значительные изменения, для ученических организаций характерны тщательная подготовка, организованность и сплоченность [8: с. 808]. Л.Н. Метелкина рассмотрела ученические организации Восточной Сибири в начале XX века

¹ *Беленцов С.И.* Школьные беспорядки в годы Первой русской революции [Электронный ресурс]. URL: http://nsportal.ru>v_gody_pervoy-russkoy-revolyuicii (дата обращения 17.09.2015).

и пришла к выводу, что во всем общественном движении учащихся ученические организации с политической направленностью составляли незначительный удельный вес [10: с. 22]. По мнению О.В. Ищенко, учащаяся молодежь Сибири в первую очередь выступала против массы запретов и ограничений, существовавших в ее академической жизни, но условия революции привели к неизбежности политизации требований учащихся. Академические и политические формы протеста в молодежной среде были тесно связаны между собой. В 1905–1907 годах академические выступления учащихся почти всегда носили политическую окраску [5: с. 148, 158].

В 1897 году в Красноярске насчитывалось 27 учебных заведений, в которых обучалось 2090 учащихся [13: Приложение 8]. Всего за несколько лет в городе появилось несколько общеобразовательных и специальных школ и более чем в два раза увеличилось число учащихся. К 1906 году в Красноярске было 38 учебных заведений, учащихся — 4224 человек [12: с. 73]. Несмотря на положительную динамику в количественном росте школ и учащихся в городе, ощущалась нехватка учебных заведений, далеко не все дети школьного возраста были охвачены образовательным процессом. В рассматриваемый период в Красноярске функционировали различные типы учебных заведений: мужская и женская гимназии, духовная и учительская семинарии, епархиальное, землемерное, ремесленное и железнодорожное училища, рисовальная, фельдшерская, еврейская и магометанская школы и т. д.

В условиях постепенного размывания сословий в России состав воспитанников учебных заведений неуклонно демократизировался. По социальному составу большая часть учащихся относилась к непривилегированным сословиям. Даже в гимназиях, учеба в которых ранее была прерогативой дворян, чиновников, купцов и почетных граждан, происходил рост удельного веса разночинцев. В начальных и средних специальных училищах, где почти отсутствовали сословные ограничения, в основном учились дети мещан и крестьян [4: с. 22]. В городском училище с более обширной программой обучения, чем в начальных школах, получали образование представители разных сословий и возрастов. В одном классе могли учиться десятилетние дети и юноши, достигшие 16–17 лет. Низкая плата за обучение (от 2 до 18 рублей в год) в городском училище была доступна для тех, кто не имел средств для обучения в гимназии. Более высокая плата за обучение (от 40 до 50 рублей в год) в гимназиях давала возможность поступить туда детям из обеспеченных семей. В то же время существование благотворительных и казенных стипендий открывало двери в гимназии для представителей непривилегированных и малоимущих слоев населения [6: с. 158]. В 1900 году в Красноярской мужской гимназии дети дворян и чиновников составляли 47,5 %, на долю детей мещан и крестьян приходилось 41,7 %. Число учащихся гимназий увеличивалось в основном за счет городских сословий [18: с. 69]. Представительницы мещанского сословия составляли почти половину учениц фельдшерской школы. Так, например, в начале XX века среди учениц четвертого класса числилось детей мещан — 47,9 %; крестьян — 19,0 %; чиновников и лиц духовного звания — по 11,6 %;

купцов и почетных граждан — 5,8 % и военных — 3,3 %. Отсутствие национального ценза в фельдшерской школе обусловило высокий процент учащихся еврейской национальности. В 1900 году ученицы иудейского вероисповедания составляли 31 %, в последующие годы на их долю приходилось до 33 % и выше (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 465. Л. 1).

Несмотря на то, что в стране получили развитие различные виды образования, система преподавания в большинстве типов учебных заведений не соответствовала требованиям времени и вызывала много нареканий со стороны различных кругов общества. Школьная программа не удовлетворяла умственные запросы школьников. Устарелость учебных программ, схоластические методы преподавания, формализм в оценке знаний учащихся в сочетании с реакционным воспитательным режимом и недоступность университетского образования для многих выпускников вызывали резко отрицательное отношение к казенной школе [8: с. 806].

В конце XIX – начале XX века формой протеста воспитанников учебных заведений против существовавшей системы образования являлись молодежные организации. Инициаторами их создания и руководителями были старшеклассники, студенты и политически неблагонадежные лица, члены народнических и марксистских групп. Основной формой ученического движения в российских городах стали кружки учащихся. В Томске, Омске, Иркутске, Красноярске, Чите и других сибирских городах появились самостоятельные кружки самообразования, состоявшие из старшеклассников. Основной целью кружков было саморазвитие, они не затрагивали политических вопросов. Как правило, в них учащиеся общались, занимались самообразованием, читали и обсуждали литературу, не предусмотренную рамками школьной программы.

В начале XX века в Красноярске наиболее известными стали две ученические организации академического характера. Сначала образовался в 1903 году «Луч», в следующем году появилось местное отделение всероссийской организации «Светоч». Эти организации носили просветительский характер и ставили целью оказывать содействие развитию учеников.

В декабре 1904 года директору мужской классической гимназии были переданы подготовленные организацией «Светоч» прокламации «К учащимся» и «Галерея педагогов». Вызванная руководством гимназии полиция не нашла авторов воззвания. В январе 1905 года подобная история повторилась в женской классической гимназии. Ее директор передала найденные бумаги в жандармское управление для разбирательства дела.

Какие крамольные идеи ученической организации вызывали беспокойство у педагогов мужской и женской гимназий? «Светоч» в прокламации «К учащимся» обращался к молодежи с предложением «проснуться и выступить против существующих порядков». В прокламации «Галерея педагогов» критике подверглись местные педагоги и чиновники (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 465. Л. 3). Свое мнение о существующем положении в школе ученическая организация высказала

следующим образом: «Во мраке утопала наша школа, так как нет лучше средства властвовать над массой, как держа ее в полном невежестве, или давая ей жалкие обрывки ни к чему не пригодных знаний. И школа давила и изгоняла все живое, все человеческое» (ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 465. Л. 4).

В отличие от кружков красноярских старшеклассников средних школ, не вышедших за рамки академизма, в других сибирских городах на ученические организации в большей или меньшей степени оказывали влияние деятели революционных партий. Например, в Иркутске с 1903 года действовала сеть ученических кружков социал-демократического направления под руководством Н. Добронравова. В этом же году в Верхнеудинском педагогическом городском училище появился ученический кружок эсеровского направления. Через год — кружки иркутских учащихся, изучавших программу эсеров [10: с. 16].

Изнурительная русско-японская война, нестабильная обстановка в стране, нарастание кризиса, подорожание и дефицит товаров первой необходимости ухудшили материальное положение многих горожан. Основная масса учащихся была из средне- и малообеспеченных слоев населения, соответственно тяжелые условия быта также коснулись их.

Так, например, газета «Енисей» накануне Первой русской революции писала: «С наступлением холодов многим ученикам начальных школ из-за отсутствия теплой одежды не в чем ходить в школу. Их родителям не на что купить им одежду, а жизнь страшно подорожала. Совет общества попечения об образовании ссылается на то, что нет средств» (Енисей. 1904. 7 ноября). Отсутствие теплой одежды и обуви приводило к тому, что ученикам приходилось поздней осенью ходить в летней одежде или пропускать занятия. Большинство учениц фельдшерской школы также находилось в бедственном положении. О том, что многие ученицы голодали, свидетельствуют следующие сведения: «Многим приходится кормиться кое-как. Некоторые совершенно не обедают и пробиваются на чай с селедкой. Вопрос о дешевой столовой для учениц остался нерешенным» (Енисей. 1904. 8 октября). Не в лучшем положении находились и некоторые учащиеся гимназий из малообеспеченных семей. С целью поддержки бедных гимназистов родительские комитеты периодически устраивали благотворительные театральные постановки, концерты и вечера (Енисей. 1904. 7 ноября).

Материальные трудности, социальная несправедливость и революционная ситуация в стране будоражили головы некоторым молодым людям, им не чужды были оппозиционные настроения, и именно на эту часть учеников могли оказать и оказывали влияние деятели революционно-демократического движения. Постепенно в молодежную среду проникала антиправительственная пропаганда.

С началом революционных событий в Красноярске ученическое движение постепенно активизировалось. В марте 1905 года учащимися старших классов гимназии был издан на гектографе первый номер журнала «Школа и жизнь». Всего за 1905 год вышло четыре номера журнала. Тираж и состав редакции

«Школы и жизни» остались неизвестны. Содержание статей журнала свидетельствует о влиянии эсеров и социал-демократов на их авторов: наряду с требованиями перестройки школьной системы выдвигались политические требования. Например, в четвертом номере журнала предлагалось передать промышленные предприятия, орудия производства, землю «в общую равную собственность трудящихся» (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5). Примерно в это же время под руководством ученицы женской гимназии Лидии Маковой стал выходить рукописный журнал «Заря». На страницах журнала пропагандировались идеи самообразования, также авторы призывали учащихся отходить от академической борьбы. Всего было подготовлено два номера рукописного журнала, последующих выпусков не было из-за преждевременной смерти идейного вдохновителя и руководителя Маковой [1: с. 69].

26 апреля в здании общественного собрания состоялось собрание родителей и опекунов учащихся. Заседание переросло в народный митинг, на котором выступили красноярские социал-демократы, они разоблачали представителей местной либеральной буржуазии и призывали бороться с самодержавием [14: с. 208].

Летние каникулы 1905 года стали для участников ученических организаций временем для обдумывания и подготовки основных требований к руководству учебных заведений. Ученицы женской гимназии — «светочницы», стремясь продемонстрировать свою аполитичность, предлагали объединить в своих рядах «всех учащихся независимо от их политических убеждений». 31 августа состоялось общее собрание учащихся мужской гимназии, от участия отказались только ученики восьмого класса. Кроме гимназистов присутствовали представители педагогического коллектива и их родители. Учащиеся выдвинули ряд требований академического характера перед руководством гимназии. Они предлагали обсудить вопросы свободы ученических кружков и организаций, уничтожения любого принуждения в области религиозных обрядов, права учащихся высказываться в случае чего-либо перед руководством гимназии в присутствии товарищей, возможности организовать свою библиотеку, неприкосновенности ученической корреспонденции и т. д. Если родители поддержали учеников, то педагогический совет отказывался принимать выдвинутые требования. В итоге собрание закончилось демонстративным уходом учащихся. Попытка учеников договориться с педагогическим коллективом, закончилась провалом (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5).

После выхода Манифеста 17 октября 1905 года воспитанники учебных заведений сибирских городов заметно активизировались. Политическая стачка, проходившая в Красноярске с 13 по 23 октября, вызвала волну митингов и собраний в Народном доме и железнодорожных мастерских. В них принимали участие ученики мужской и женской гимназий, фельдшерской и железнодорожной школ и т. д. Резолюции прошедших митингов издавались отдельными листками. В железнодорожном училище прошло несколько митингов учащихся, руководил ими социал-демократ и лесной ревизор В.П. Монюшко.

9 октября на митинге присутствовало около 500 человек, с 12 до 17 часов дня обсуждались разнообразные вопросы. На митинге отчетливо проявилась политизация ученического движения. Школа объявлялась продуктом политического и общественного строя: было отмечено, что только в демократическом обществе будут возможны всеобщее образование и свободная школа. Учащиеся предлагали вести на местах борьбу со школьным начальством, а общей и основной задачей всей страны должна была стать борьба с самодержавием. Преподавание некоторых предметов в учебных заведениях подверглось острой критике. Например, история России трактовалась как история тиранов, имеющая цель показать пользу монархизма. Преподавание истории возможно только в свободном государстве и свободной школе. В требовании отмены обязательности преподавания Закона Божьего отмечалось, что данный предмет «забывает головы учащихся с целью поддержки монархической власти». Со стороны собравшихся на митинге поступило предложение отделить от учебного процесса преподавание этого предмета, а вместо него ввести историю религий. Далее учащиеся выступили за вежливое обращение педагогов к учащимся, свободное посещение библиотек, театра и общественных собраний, отмену переводных экзаменов, преподавания славянского языка, форменной одежды и т. д. (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 5. Л. 2).

В середине октября произошло слияние «Луча» и «Светоча» в Союз учащихся. В уставе Союза признавалась необходимость отстаивать интересы учащихся, а также оказывать им материальную и нравственную помощь. В комитет Союза входили представители всех учебных заведений по одному делегату от каждых 20 человек. Первоначально в Союзе было около 400 человек, позднее число членов организации увеличивалось. Основными средствами борьбы признавались организация и проведение митингов, забастовок, объявление бойкота отдельным преподавателям, устройство библиотек и кружков взаимопомощи [1]. Союзы учащихся появлялись во всех сибирских городах, где существовали учебные заведения (Томске, Омске, Барнауле, Чите, Иркутске и т. д.). В Красноярске и Якутске союзы создавались вне зависимости от какой-либо политической партии, они не ставили никаких политических целей. В то же время в Иркутске Союз учащихся образовался по инициативе местных эсеров, в его состав вошли также учащиеся, придерживавшиеся социал-демократических взглядов и не имевшие политических убеждений. В Чите и Верхнеудинске у истоков союзов стояли социал-демократы [10: с. 18].

Осенью 1905 года руководство железнодорожного училища, испугавшись ослабления дисциплины, а также активного участия школьников в митингах и демонстрациях, решило временно прекратить занятия до 7 января 1906 года. Свои действия директор училища объяснял так: «Прекращение занятий связано с невозможностью спокойно продолжать школьное дело по причине усилившегося возбуждения состояния учеников, многократное проявление своевольия с их стороны» (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5).

Отношение политических партий Красноярска к проведению митингов учащихся было неоднозначным. Либеральные круги, если и не одобряли действия молодежи, то проявляли терпимость по отношению к ним. С ярко выраженным негативизмом приняли ученическое движение черносотенцы. После октябрьской манифестации черносотенцев Красноярска в мужскую гимназию поступило письмо, адресованное революционно настроенным гимназистам. В нем звучали предупреждения и угрозы: «Господа учащиеся! Наша партия решила для первого раза простить вас за ваши ученические митинги, главарем и язвой которых был развратитель Монюшко. Предупреждаем вас, юных граждан, что первое повторение митингов и забастовок с вашей стороны повлечет за собой поголовное избиение вас и кончину ваших главарей!» Помимо этого послания возле здания мужской гимназии были разбросаны листки, в которых черносотенцы продолжали угрожать ученикам: «...первое же повторение ваших митингов и забастовок с вашей стороны повлечет за собой поголовное избиение вас...» (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 6). Подобные предупреждения указывали на то, что черносотенцы ни перед чем не остановятся, в случае если молодежь будет продолжать принимать активное участие в революционном движении. Однако решительно настроенные и не испугавшиеся угроз ученики не собирались сворачивать активную деятельность.

19 ноября на заседании педагогического совета и родителей учащихся женской гимназии впервые была допущена ученица старших классов, которая должна была представить требования учащихся. В своем выступлении она заявила: «Школа — продукт современного государственного строя. Под лозунгом “Свобода и школа” молодежь ищет не произвола и безделья, а живого и интересного дела и дисциплины “строгой и разумной, а не бессмысленного гнета”». Педагоги выступили против участия учащихся в митингах, так как считали, что подобные мероприятия «вредны в физическом, нравственном и педагогическом отношении». Однако большинство родителей были не против участия их детей в митингах, опасения у них вызывало увлечение гимназисток крайне революционными кружками. Ученицам удалось убедить педагогический персонал в обоснованности почти всех пунктов своих заявлений. Руководство гимназии при рассмотрении требований учащихся приняло все пункты, кроме отмены преподавания Закона Божьего (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 5). 20 ноября состоялось собрание комитета Союза учащихся. На нем присутствовали представители мужской и женской гимназий, городских и технических училищ, духовной и учительской семинарий. К этому времени в организацию «Светоч» входило 600 членов (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 2).

9 декабря около 300 воспитанников различных учебных заведений Красноярска, собравшись у здания женской гимназии, направились к цеху железнодорожных мастерских и примкнули к общей демонстрации. Из 20 знамен демонстрантов одно знамя «Да здравствует революция!» несла учащаяся молодежь (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 2 об.). На следующий день ученики

мужской гимназии решили принять участие во всеобщей забастовке, полностью прекратив занятия. Кроме того, они обратились к ученицам женской гимназии с предложением примкнуть к забастовке. Кроме учениц 7–8 классов, гимназистки других классов ответили согласием. Отказавшиеся примкнуть к забастовке старшеклассницы выразили свое сочувствие освободительному движению, а свой отказ присоединиться объясняли тем, что не считают забастовку всеобщей. Возможно, что ученицы выпускного класса боялись, что за участие в забастовке они могут остаться без аттестата об окончании гимназии. На состоявшемся митинге учащихся, проходившем в железнодорожном училище 14 декабря 1905 года, приняли участие свыше 300 человек, т. е. большая часть Союза. Участники митинга подтвердили свое участие во всеобщей забастовке (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 382. Л. 6).

15 декабря 1905 года увидел свет первый номер печатного органа Красноярской ученической организации «Светоч». Всего за декабрь 1905 года вышло три номера «Светоча», с января по апрель 1906 года — 7 номеров. После подавления Красноярской республики в январе 1906 года журнал стал распространяться нелегально [7: с. 124]. В ходе революции учеников продолжала волновать нерешенность собственных академических вопросов. Поэтому в различных учебных заведениях Сибири вновь поднимались традиционные требования, касавшиеся внутреннего распорядка школьной жизни [5: с. 156].

Интерес представляют материалы учениц женской гимназии, которые позволяют рассмотреть, что беспокоило гимназисток, их отношение к учителям, к процессу обучения, к отдельным предметам и друг к другу. Отмечалось, что программа женской школы намного уступала мужской. Если выпускники мужской гимназии могли выбрать любой университет по желанию, то выпускницы женской гимназии такой возможности были лишены. Их совершенно не готовили к высшему образованию, как правило, они получали аттестат учительницы начальных классов. Дух школьного режима способствовал тому, что «ученица забудет те скудные знания, которыми ее наградила школа». Автор рассуждал о качестве преподавания в женской гимназии: «С учительской кафедры мы слышим изречение: “Об этом (т. е. научном вопросе) не стоит распространяться — ведь вам это в жизни все равно не понадобится. Вам надо уметь стряпать и шить, а эти все науки вы всерьез забудете потом”». На первом плане языки, танцы, рукоделие, вышивание и выжигание. Ученицы малоуспешны в математике и в русском языке, но могут рассчитывать на блестящее окончание курса из физики «дамская наука» или «занятные фокусы». По мнению одной из гимназисток, шаблонное преподавание отбивало всякий интерес к науке (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 2 об.). В январском номере «Светоча» за 1906 год критиковалось преподавание в современной школе: «Правительственная школа старалась забить наши головы Законом Божиим, славянской грамматикой, изучением Ломоносова и Карамзина, чтобы мы не могли приобрести другие знания, не могли познать идею правды и справедливости, идущих вразрез с идеями правительства» (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 380. Л. 4).

В молодежном движении воспитанников учебных заведений не обошлось без разногласий. В феврале 1906 года с выходом очередного номера журнала «Школа и жизнь» появилась угроза существованию Союза учащихся. Сорничество между двумя печатными органами «Школа и жизнь» и «Светоч» раскололо учащихся на две враждебно настроенные друг к другу группы — «школистов» и «светочистов». Изначально Союз учащихся в свои задачи ставил устройство кружков для самообразования, издание ученических журналов, пропаганду идей свободной школы в среде учащихся и т. д. Постепенно в организацию проникали революционные идеи. В выпусках «Светоча» и «Школы и жизни» публиковались революционные статьи и программы революционных партий. Оба печатных органа пропагандировали идеи социал-демократов (ГАКК. Ф. П. 64. Оп. 1. Д. 387. Л. 1). По мнению О.В. Ищенко, организация «Светоч» ставила целью объединить всех учащихся независимо от их политических убеждений, тогда как «Школа и жизнь» настаивала на политических требованиях в программе ученического союза. Автор пришла к выводу, что ученическая организация «Светоч» носила подчеркнуто беспартийный характер [2: с. 110].

Со спадом революции постепенно основная масса учащейся молодежи стала отходить от революционного движения. Их деятельность в основном была направлена на создание или сохранение собственных организаций. Основной формой организации учащейся молодежи вновь стали кружки. Воспитанники гимназий, фельдшерской школы и железнодорожного училища принимали участие в распространении революционных листовок и прокламаций. Наиболее активно проявили себя ученицы фельдшерской школы Сара Муниц, Лия Пандре, Елена Корсакова, Нина Салазкина и др. В дальнейшем они пополнили ряды социал-демократов и эсеров [1]. Руководство многих учебных заведений принимало решительные меры к ученикам, оказывавшим содействие революционерам. В начале октября 1906 года ученица пятого класса Когачевская была исключена из гимназии за распространение революционных прокламаций в городском театре. При этом отмечалось, что не было точных свидетельств того, что она являлась распространительницей листовок (Енисейский край. 1906. 1 октября).

В годы Первой русской революции в уездных городах Енисейской губернии учащиеся не были так активны, как красноярская молодежь, но и там ученики пытались выразить протест существовавшей системе образования. Старшеклассники уходили с уроков, отказывались отвечать на заданные учителем вопросы, устраивали баррикады, объявляли бойкот учителям, нарушали правила внешкольного поведения (открыто курили, посещали увеселительные мероприятия и т. д.). Учащиеся выпускного шестого класса Енисейской гимназии в отместку за придирки и притеснения со стороны директора и преподавателей объявили протест и покинули класс [19: с. 84]. В Минусинске в приходском и городском училищах учащиеся объявили бойкот нескольким

учителям. По этому поводу в «Енисейском крае» вышла заметка: «Отношения между учителями и бойкотирующими учениками сложились крайне неблагоприятно. В частности, преподавателю Раевскому была подброшена записка: “Бойкот Раевскому”, а в сиденье воткнута иголка» (Енисейский край. 1906. 22 сентября).

Таким образом, в период Первой русской революции учащая молодежь Красноярска не осталась безучастной и реагировала на политические события, происходившие в городе и в стране. Воспитанники красноярских учебных заведений, как и учащиеся других сибирских городов, активно влились в общедемократический поток. Основная масса учеников выступила против академического школьного строя, устарелой системы преподавания и воспитания. С развитием революции и воздействием революционных партий на ученические организации процесс политизации охватил учебные заведения. Часть учащейся молодежи вышла за рамки академизма, была втянута в круговорот политических событий и выдвигала требования политического переустройства страны.

Литература

1. Григорьев А. Учащая молодежь в 1905 году // Енисей. Красноярск: Красноярский рабочий, 1985. С. 67–69.
2. Ищенко О.В. Кружковая деятельность учащейся молодежи Сибири в начале XX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История. Политология». 2008. № 4/3 (60). С. 103–110.
3. Ищенко О.В. Студенческая и учащая молодежь как фактор общественного движения и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.). Омск: ОГУ, 2010. 499 с.
4. Ищенко О.В. Студенческая и учащая молодежь в общественном движении и культурной жизни Сибири (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2011. 43 с.
5. Ищенко О.В. Учащая молодежь Сибири в период Первой русской революции 1905–1907 годов: характер протестных движений // Вестник Челябинского университета. Вып. 27. Челябинск: ЧГУ, 2008. № 34 (135). С. 148–160.
6. Ким Е.В. Система образования в Енисейской губернии конца XIX – начала XX в.: дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2001. 198 с.
7. Красноярск. Очерки истории города. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1988. 371 с.
8. Малышева Н.В. Молодежное движение в провинциальной России в конце XIX – начале XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. Пенза: ПГПУ, 2012. № 27. С. 805–809.
9. Малышева Н.В. Общественно-политическое движение учащейся молодежи провинциальной России в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 1999. 26 с.
10. Метелкина Л.Н. Общественно-политическое движение учащейся молодежи Восточной Сибири и влияние на него партий демократического направления 1902 – февраль 1917 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1993. 22 с.

11. *Павленко Т.А.* Протестное движение православных семинарий в период Первой русской революции: 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 21 с.
12. Памятная книжка Енисейской губернии на 1907 г. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1907.
13. Статистический обзор Енисейской губернии за 1897 г. Красноярск, 1898. Приложение № 8.
14. 1905 год в Красноярске. Сборник документов и материалов. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1955. 228 с.
15. *Ушаков А.В.* Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М.: Мысль, 1976. 159 с.
16. *Ушаков А.В., Образцова О.Л.* Учащиеся средних учебных заведений России в общественно-политическом движении на рубеже XIX–XX вв. М., 1999. 144 с.
17. *Шамахов Ф.Ф.* Ученические волнения в средних учебных заведениях в годы первой русской революции // 50 лет первой русской революции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1958. С. 149–161.
18. *Шилов А.И.* Средняя школа Восточной Сибири конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1996. 289 с.
19. *Ядринцев В.П.* Рабочее движение и учащиеся средних учебных заведений юга России накануне первой русской революции. 1900–1904 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 19 с.

Literatura

1. *Grigor'ev A.* Uchashhayasya molodezh' v 1905 godu // Enisej. Krasnoyarsk: Krasnoyarskij rabochij, 1985. S. 67–69.
2. *Ishhenko O.V.* Kruzhkovaya deyatel'nost' uchashhejsya molodezhi Sibiri v nachale XX v. // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya. Politologiya». 2008. № 4/3 (60). S. 103–110.
3. *Ishhenko O.V.* Studencheskaya i uchashhayasya molodezh' kak faktor obshhestvennogo dvizheniya i kul'turnoj zhizni Sibiri (konecz XIX – nachalo XX v.). Omsk: OGU, 2010. 499 s.
4. *Ishhenko O.V.* Studencheskaya i uchashhayasya molodezh' v obshhestvennom dvizhenii i kul'turnoj zhizni Sibiri (konecz XIX – nachalo XX v.): avtoref. dis. ... d-r ist. nauk. Omsk, 2011. 43 s.
5. *Ishhenko O.V.* Uchashhayasya molodezh' Sibiri v period Pervoj russkoj revolyucii 1905–1907 godov: karakter protestny'x dvizhenij // Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Vy'p. 27. Chelyabinsk: ChGU, 2008. № 34 (135). S. 148–160.
6. *Kim E.V.* Sistema obrazovaniya v Enisejskoj gubernii koncza XIX – nachala XX v.: dis. ... kand. ped. nauk. Krasnoyarsk, 2001. 198 s.
7. Krasnoyarsk. Oчерки istorii goroda. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1988. 371 s.
8. *Maly'sheva N.V.* Molodezhnoe dvizhenie v provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX vv. (po materialam Srednego Povolzh'ya) // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo. Penza: PGPU, 2012. № 27. S. 805–809.
9. *Maly'sheva N.V.* Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie uchashhejsya molodezhi provincial'noj Rossii v konce XIX – nachale XX v.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Penza, 1999. 26 s.

10. *Metelkina L.N.* Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie uchashhejsya molodezhi Vostochnoj Sibiri i vliyanie na nego partij demokraticeskogo napravleniya 1902 – fevral' 1917 goda: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Irkutsk, 1993. 22 s.
11. *Pavlenko T.A.* Protestnoe dvizhenie pravoslavny'x seminarij v period Pervoj russkoj revolyucii: 1905–1907 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2009. 21 s.
12. Pamyatnaya knizhka Enisejskoj gubernii na 1907 g. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izd-vo, 1907.
13. Statisticheskij obzor Enisejskoj gubernii za 1897 g. Krasnoyarsk, 1898. Prilozhenie № 8.
14. 1905 god v Krasnoyarske. Sbornik dokumentov i materialov. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1955. 228 s.
15. *Ushakov A.V.* Demokraticeskaya intelligenciya perioda trex revolyucij v Rossii. M.: My'sl', 1976. 159 s.
16. *Ushakov A.V., Obrazczova O.L.* Uchashhiesya srednix uchebny'x zavedenij Rossii v obshhestvenno-politicheskom dvizhenii na rubezhe XIX–XX vv. M., 1999. 144 s.
17. *Shamaxov F.F.* Uchenicheskie volneniya v srednix uchebny'x zavedeniyax v gody' pervoj russkoj revolyucii // 50 let pervoj russkoj revolyucii. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1958. S. 149–161.
18. *Shilov A.I.* Srednyaya shkola Vostochnoj Sibiri koncza XIX – nachala XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 1996. 289 s.
19. *Yadrincev V.P.* Rabochee dvizhenie i uchashhiesya srednix uchebny'x zavedenij yuga Rossii nakanune pervoj russkoj revolyucii. 1900–1904 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1983. 19 s.

T.A. Kiskidosova

Social and Political Activity of the Students of Krasnoyarsk in the Period of the First Russian Revolution

The article is devoted to the social and political activity of the students during the First Russian Revolution. On the example of students of Krasnoyarsk the author examined the role and activities of young people in the democratic movement in the revolutionary period.

Keywords: students; gymnasium; Krasnoyarsk; First Russian Revolution.

С.С. Подшибякин

Репрессии против меньшевистской фракции российского парламента в 1906–1907 годах

В статье рассматривается роспуск Государственной думы I–II созывов и репрессии против меньшевистской фракции.

Ключевые слова: Государственная дума; меньшевистская фракция; репрессии.

Депутаты-меньшевики вместе с другими депутатами левых партий Государственной думы I–II созывов в полной мере испытали на себе последствия парламентского противодействия царской власти.

После роспуска 8 июля 1906 года I Государственной думы около 200 депутатов — кадетов, трудовиков и социал-демократов — собрались в Выборге, где приняли воззвание «Народу от народных представителей». В нем подданные российского императора призывались к гражданскому неповиновению. В воззвании говорилось, что правительство не имеет права без народного представительства собирать налоги и призывать солдат на военную службу, делать займы и т. п. «Выборгское воззвание» подписали 180 человек, в том числе девять депутатов-меньшевиков, членов социал-демократической фракции: И.И. Антонов, З.И. Выроев, И.Г. Гомартели, С.Д. Джапаридзе, П.А. Ершов, Н.Н. Жордания, В.И. Ишерский, И.И. Рамишвили, И.Ф. Савельев. Часть депутатов, приехав в Выборг, не поставила подпись под воззванием. Когда экземпляры воззвания были привезены в Санкт-Петербург, оно было подписано еще 55-ю депутатами [8: с. 20].

Несмотря на агитацию всех левых партий, народного возмущения, равного расстрелу демонстрантов 9 января 1905 года, не было. Против подписавших «Выборгское воззвание» правительство возбудило уголовное дело. В декабре 1907 года состоялся суд, который приговорил 166 депутатов I Государственной думы к тюремному заключению на сроки от трех до шести месяцев и к лишению права быть избранными на любые общественные должности. Трое депутатов были оправданы, часть успели скрыться, двое к 1907 году умерли. 55 депутатов, подписавших воззвание не в день его составления, а позднее, к суду не привлекались. Девять меньшевиков, членов социал-демократической фракции вместе с другими депутатами отбывали наказание в Таганской тюрьме в Москве [8: с. 22]. В дальнейшем большинство из них отошли от политической деятельности за исключением И.И. Рамишвили и Н.Н. Жордания, которые продолжили активную деятельность в составе меньшевистской фракции РСДРП [5: с. 10].

Роспуск I Государственной думы был учтен депутатами II Думы, деятельность которых проходила под лозунгом «Бережь Думу!». Однако политический процесс во время работы II Государственной думы стал складываться в пользу царизма. Конфронтация революционных и контрреволюционных сил обострилась до предела. В этих условиях правительство приняло решение распустить II Государственную думу, арестовать социал-демократическую фракцию и отдать ее под суд. Недовольство II Думой со стороны членов правительства было столь велико, что ее разгон был предопределен. Ключевую роль в этом сыграл известный российский государственный деятель и реформатор, председатель Совета министров, министр внутренних дел П.А. Столыпин.

29 апреля 1907 года меньшевик Л.Ф. Герус присутствовал на собрании солдат Петербургского гарнизона, которое было инициировано Временным бюро боевых и военных организаций при Петербургском комитете РСДРП. Собрание решило составить «солдатский наказ» социал-демократическим депутатам Государственной думы с тем, чтобы они рассказали в Думе о тяготах солдатской жизни: «как запирает начальство солдат в каменные клетки-казармы, как мучает их непосильной и ненужной работой, как терзает их бессмысленными учениями». Наказ был составлен и оказался в руках провокатора Е.Н. Шорниковой, которая передала его в полицию. Начальник Петербургского охранного отделения полиции А.В. Герасимов проинформировал премьер-министра, министра внутренних дел П.А. Столыпина о наличии «солдатского наказа». Ознакомившись с документом, Столыпин отдал распоряжение арестовать депутатов от РСДРП с личным непосредственно в момент визита к ним солдатской делегации [1: с. 65].

5 мая солдатская делегация пришла на квартиру депутата II Государственной думы от города Риги, члена ЦК Латышской социал-демократической рабочей партии, меньшевика И.П. Озола. В это время в ней находились 35 депутатов — членов социал-демократической фракции. Полиция ворвалась в квартиру И.П. Озола, но солдаты к тому времени ушли, а наказ депутат успел при появлении полиции уничтожить. Тем не менее вопреки положениям закона о депутатской неприкосновенности полицией были обысканы И.П. Озол, И.Л. Лопаткин, И.П. Марев, Ф.И. Приходько, К.Д. Белановский и был произведен обыск в квартире. Полиция обнаружила некоторые революционные документы. Затем полиция арестовала в казармах солдат — участников делегации, один из которых дал подробные показания о событиях и передал полиции свой экземпляр наказа [1: с. 66].

Социал-демократы восприняли обыск у И.П. Озола как удобный предлог для атаки против правительства. 7 мая депутаты левых фракций внесли два срочных запроса правительству с требованиями объяснений по поводу обыска 5 мая. В них был сделан акцент на нарушении депутатской неприкосновенности, которое объяснялось полицейским произволом [4: стб. 203–207].

Премьер-министр П.А. Столыпин, который присутствовал в этот день на заседании Государственной думы и уже выступил с ответом на запрос,

внесенный правыми партиями об обнаружении заговора против императора Николая II и П.А. Столыпина, не стал уклоняться от ответа. Он выступил повторно с предварительным разъяснением, что проведенные на следующий день дополнительные действия полицейских и следственных властей подтвердили отношение квартиры члена Государственной думы И.П. Озола к военно-революционной организации, поставившей цель вызвать восстание в войсках. Он сказал, что «...полиция и впредь будет также действовать, как она действовала», что «...кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителях власти, лежит еще другая ответственность — ограждение общественной безопасности. Долг этот свой мы сознаем и исполним его до конца» [4: стб. 207–209; 6: с. 48–50].

20 мая 1907 года министр юстиции И.Г. Щегловитов доложил премьер-министру П.А. Столыпину и правительству о нахождении при обыске 5 мая документов, свидетельствующих о групповом участии социал-демократов — членов Думы в противоправительственном заговоре. Поскольку передачу депутатам «солдатского наказа» не удалось использовать в полной мере, наличие этих «обличающих» документов должно было стать предлогом для ультиматума Думе. 20–29 мая 1907 года подготовка к роспуску Думы шла в двух направлениях: прокуратура готовила следственные документы, доказывающие преступления социал-демократов, а правительство разрабатывало новый избирательный закон. К 31 мая 1907 года было подготовлено постановление о привлечении 55 депутатов — членов социал-демократической фракции в качестве обвиняемых в совершении государственного преступления [9: с. 104].

1 июня в закрытом заседании Государственной думы выступил премьер-министр П.А. Столыпин с заявлением о необходимости немедленно принять постановление Государственной думы о привлечении к уголовной ответственности 55 депутатов [4: с. VII, стб. 1481].

После выступления П.А. Столыпина прокурор Санкт-Петербургской судебной палаты П.К. Камышанский огласил постановление судебного следователя по важнейшим делам о привлечении к уголовной ответственности 55 членов Государственной думы, о приводе к следствию и заключению под стражу 16 из них [4: с. VII, стб. 1481].

Дума категорически отказалась ответить на правительственный ультиматум, а для этого имелись формальные процедурные предлоги. Она создала под председательством кадета А.А. Кизеветтера специальную комиссию из 22 депутатов, которой следовало разобраться в деталях обвинения социал-демократов и доложить свое суждение Думе [4: с. VIII, стб. 1517, 1561, 1563, 1568].

2 июня комиссия начала свою работу. В комиссию прибыл представитель прокуратуры. Он и члены комиссии приступили к внимательному рассмотрению множества документов, изъятых у социал-демократов, и актов следствия. К вечеру А.А. Кизеветтер доложил в Думе, что комиссия не успевает закончить работу и просит отсрочку для доклада до следующего заседания [4: стб. 1606].

В этот день председатель социал-демократической фракции, меньшевик И.Г. Церетели прозорливо сказал в прениях: «Мы, господа народные представители, стоим накануне государственного переворота» [4: стб. 1591]. Дума постановила собраться вновь в понедельник 4 июня [4: стб. 1610].

Утром 3 июня 1907 года из высочайшего указа Николая II страна узнала о роспуске II Государственной думы. Одновременно с указом «О роспуске Государственной Думы и о времени созыва новой Думы» 3 июня были опубликованы указ «О приостановлении деятельности Государственного совета до 1 ноября 1907 г.» и Высочайший манифест «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную Думу» [12: с. 58]. В ночь со 2 на 3 июня 37 депутатов были арестованы, когда вступил в силу императорский указ о роспуске Государственной думы и они лишились депутатской неприкосновенности. Часть депутатов успела перейти на нелегальное положение и скрыться. То, что большинство депутатов не успело скрыться, явилось следствием секретности, с которой правительство сумело подготовить переворот. Правительственный ультиматум 1 июня оказался настолько неожиданным, что большинство обвиняемых не приняли никаких мер безопасности. Некоторые из них только что приехали с V съезда РСДРП из Лондона, не догадываясь, что их ждет тюрьма. Меньшевики Л.Ф. Герус и И.П. Озол эмигрировали в США. Успели скрыться два большевика — А.А. Шпагин и И.Р. Романов. Меньшевик Г.А. Алексинский остался в Лондоне для консультаций с В.И. Лениным и также избежал ареста. Часть социал-демократической фракции не подверглась ни арестам, ни преследованиям: 10 человек, которые пассивно участвовали в работе Думы или входили одновременно в две фракции, как например, И.П. Кумелис, А.М. Повиллюс, М.М. Муртэн и др. [7: с. 68].

Суд над депутатами открылся 22 ноября 1907 года. Так как судебный процесс был закрытым, обвиняемые отказались защищаться и вместе со своими адвокатами покинули зал суда. Суд закончился 1 декабря 1907 года. Из 37 депутатов 17 было приговорено к каторжным работам на срок 4–5 лет. Меньшевиков из них было 11: И.Г. Церетели, П.А. Аникин, В.М. Баташев, Г.Е. Белоусов, С.Н. Салтыков, И.Ф. Голованов, А.Г. Зурабов, А.Д. Джапаридзе, Г.Ф. Махарадзе, С.М. Джугели, И.И. Кириенко. Наиболее трагично сложилась судьба А.Д. Джапаридзе, который, даже не доехав до каторги, имея от роду всего 30 лет, скончался в Курской пересыльной тюрьме [3: с. 201].

По тому же приговору суда 10 социал-демократов было сослано на поселение, из них меньшевики: И.А. Лопаткин, Д.К. Белановский, В.Б. Ломташидзе, К.Е. Канделаки, Ф.И. Приходько, И.П. Марев; 10 социал-демократов было оправдано [2: с. 209].

Параллельно проходило и несколько судебных процессов над арестованными по делу Военной организации РСДРП: 32 солдата были приговорены к различным наказаниям в сентябре 1908 года [2: с. 213].

Итак, Дума была распущена, избирательный закон изменен, революция подавлена. Как переживали эту непростую в моральном отношении ситуацию меньшевики и как их идеи в это время были экстраполированы на деятельность социал-демократов в Государственной думе?

Естественно, что меньшевики, так же как и другие революционеры, очень тяжело переживали поражение революции 1905–1907 годов. «Их ряды сильно поредели, организации распадались, многие меньшевики вынуждены были снова уехать в эмиграцию. Широкое распространение получили настроения апатии, уныния, разочарования в революционных идеалах» [11: с. 235].

Подводя итоги Первой российской революции, меньшевики пришли к выводу, что выступление пролетариата в качестве гегемона революции и попытки сразу перевести буржуазно-демократическую революцию в пролетарскую, были ошибочными [10: с. 207]. В будущем меньшевики собирались направить свою работу на то, «чтобы способствовать победе буржуазии над самодержавием, открыть дорогу российскому капитализму и только потом, когда налицо будут все необходимые объективные и субъективные условия, осуществить в России социалистическую революцию. Пока же, по их мнению, необходимо было продолжать неторопливую будничную работу по организации и воспитанию пролетариата и ждать, когда либеральная буржуазия дорастет до настоящей оппозиционности самодержавному режиму» [11: с. 236].

Таким образом, парламентская работа признавалась меньшевиками очень важной. Они ставили себе в заслугу то, что сумели дезавуировать тактику бойкота большевиков по отношению к выборам в I Государственную думу и сумели провести туда своих кандидатов. Лидеры меньшевиков также высоко оценивали парламентский опыт социал-демократии во II Государственной думе.

Думская деятельность меньшевиков закончилась для многих из них судебным процессом, тюрьмой, каторгой и ссылкой. Именно депутаты-меньшевики приняли на себя удар правительства. Несмотря на это, парламентская деятельность меньшевиков была продолжена в Государственной думе III и IV созывов.

Литература

1. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж: ИМКА–Пресс, 1985. 120 с.
2. Гернет М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 5. М.: Юриздат, 1954. 340 с.
3. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / науч. ред. Б.Ю. Иванов, А.А. Комзолова, И.С. Ряховская. М.: РОССПЭН, 2008. 705 с.
4. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2: Заседания 31–53 (с 1 мая по 2 июня 1907 года). СПб.: Государственная типография, 1907. VIII с., 1610 стб.
5. Жордания Н. Моя жизнь / пер. с грузинского И. Жордания. Stanford (Calif.): The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. 130 с.
6. Избранные выступления П.А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы. М.: Издание Государственной думы, 2012. 228 с.
7. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 168 с.

8. Кузьмин-Караваев В.Д. Выборгский процесс. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1908. 262 с.
9. Лукоянов И.В. У истоков российского парламентаризма. СПб.: Лики России, 2003. 416 с.
10. Общественное движение в России в начале XX века. 1909–1914 гг.: в 4 т. / под ред. Л. Мартова, П. Маслова, А. Потресова. СПб.: Типогр. т-ва «Общественная польза», 1914. Т. 3. 651 с.
11. Политические партии России: история и современность / под ред. А.И. Зевелева, Ю.П. Свириденко, В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2000. 631 с.
12. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. М.: Юридическая литература, 1994. 352 с.

Literatura

1. Gerasimov A.V. Na lezvii s terroristami. Parizh: IMKA–Press, 1985. 120 s.
2. Gernet M.N. Istoriya czarskoj tyur'my': v 5 t. T. 5. M.: Yurizdat, 1954. 340 s.
3. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii: 1906–1917. E'nciklopeciya / nauch. red. B.Yu. Ivanov, A.A. Komzolova, I.S. Ryaxovskaya. M.: ROSSPE'N, 2008. 705 s.
4. Gosudarstvennaya дума. Vtoroj sozy'v. Stenograficheskie otchety'. 1907 god. Sessiya vtoraya. T. 2: Zasedaniya 31–53 (s 1 maya po 2 iyunya 1907 goda). SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. VIII s., 1610 stb.
5. Zhordaniya N. Moya zhizn' / per. s gruzinskogo I. Zhordaniya. Stanford (Calif.): The Hoover inst. on war, revolution and peace, 1968. 130 s.
6. Izbranny'e vy'stupleniya P.A. Stoly'pina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 gody'. M.: Izdanie Gosudarstvennoj dumy', 2012. 228 s.
7. Kir'yanov I.K., Luk'yanov M.N. Parlament samodержавnoj Rossii: Gosudarstvennaya Дума i ee deputaty', 1906–1917. Perm': Izd-vo Perm. un-ta, 1995. 168 s.
8. Kuz'min-Karavaev V.D. Vy'borgskij process. SPb.: Tipogr. t-va «Obshhestvennaya pol'za», 1908. 262 s.
9. Lukoyanov I.V. U istokov rossijskogo parlamentarizma. SPb.: Liki Rossii, 2003. 416 s.
10. Obshhestvennoe dvizhenie v Rossii v nachale XX veka. 1909–1914 gg.: v 4 t. / pod red. L. Martova, P. Maslova, A. Potresova. SPb.: Tipogr. t-va «Obshhestvennaya pol'za», 1914. T. 3. 651 с.
11. Politicheskie partii Rossii: istoriya i sovremennost' / pod red. A.I. Zeveleva, Yu.P. Sviridenko, V.V. Sheloxaeva. M.: ROSSPE'N, 2000. 631 s.
12. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. / pod obshh. red. O.I. Chistyakova. T. 9: Zakonodatel'stvo e'poxi burzhuazno-demokraticeskix revolyucij. M.: Yuridicheskaya literatura, 1994. 352 s.

S.S. Podshibyakin

Repressions against the Menshevik Faction of the Russian Parliament in 1906–1907

The article deals with the dissolution of the State Duma of the I and the II convocations and repressions against the Menshevik faction.

Keywords: the State Duma; the Menshevik faction; repressions.

А.В. Фатеев

Вопросы государственного бюджета в деятельности партии конституционных демократов (1907–1917 годы)

В статье рассматриваются финансово-экономические вопросы в деятельности партии конституционных демократов Государственной думы III и IV созывов.

Ключевые слова: Государственная дума; парламентаризм; партия кадетов; государственный бюджет.

В современных условиях интерес к истории российского парламентаризма в XX веке продолжает возрастать. Это обусловлено в том числе становлением института современного российского парламентаризма. Либеральные партии начала XX века в период «думской монархии» накопили определенный опыт законодательной деятельности нижней палаты российского парламента. Изучение и осмысление этого опыта имеет большое научное и практическое значение. Третьей Государственной думе предстояло стать первопроходцем в деле налаживания конструктивной работы с правительством, возглавляемым Столыпиным. Первая попытка объединения усилий правительства и Думы на законодательном поприще относится к рассмотрению бюджета страны на 1908 год. Вопрос о необходимости спешного рассмотрения бюджета встал буквально в первый день работы Думы третьего созыва, 20 ноября 1908 года [10: с. 265].

III Дума была решительно настроена поставить бюджет страны под свой контроль. Год за годом она настойчиво требовала от Министерства финансов предъявить отчет по расходным статьям бюджета. Кроме того, нижняя палата настаивала на предоставлении обоснования структуры доходной и расходной части. Объяснительные записки к бюджетам превратились в результате в ежегодные обзоры экономического положения страны [10: с. 273].

Немаловажным аспектом деятельности либеральной партии конституционных демократов стал вопрос правовой компетенции, а также юридической регламентации Государственной думой бюджетного регулирования государственной казны. Государственная дума располагала бюджетными полномочиями сравнительно меньшими, нежели европейские парламентарии начала XX века [4: с. 59].

Важным этапом в развитии российского либерализма становится работа последних двух думских созывов, когда либеральные парламентарии

постепенно утрачивали возможность оказывать определяющее значение на ход происходящих событий — они не упускали возможность обращать внимание на разрешение вопросов государственного финансирования. Большое внимание они уделяли работе бюджетной комиссии и выступлениям в ходе пленарных заседаний нижней палаты парламента.

Правовые финансовые полномочия парламентариев были определены законодательством Российской империи. Бюджетные полномочия регулировались статьями 114–117 Основных законов и Правилами о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью не предусмотренных [12: с. 864].

Сферы компетенций нижней палаты парламента во многом брали свои истоки из первоначально разрабатываемого проекта законосоветательного учреждения. Этим объясняется отсутствие в полномочиях Думы права бюджетного регулирования, инструментов для его изменения. Тем не менее возможности бюджетной инициативы у Государственной думы имелись.

Ограничивалась степень участия парламента в формировании бюджета. Это выражалось в выведении части финансовых средств страны из сферы полномочий представительной власти. В бюджет не включались специфические средства правительственных ведомств [4: с. 41].

Депутаты могли разрешать и одобрять займы, но не было определено, что подлежит одобрению — сумма или условия выпуска размещения займа. Данная неточность в толковании российского права давала дополнительную возможность для императора в корректировке финансового состояния России вне зависимости от степени лояльности и ориентации финансовой политики депутатов.

Все расходы государства делились на три группы. В первой группе бюджета содержались расходы царского двора, размер которых был утвержден 29 декабря 1905 года [9: с. 120].

Вторая группа расходов представляла собой платежи по государственному долгу и иным долговым обязательствам. Дума только проверяла эти расходы при наличии достаточного основания. В случае возникновения предложения по пересмотру нормативно-правового акта это должно было осуществляться в традиционном законодательном порядке [9: с. 117].

Третья группа представляла собой остальные расходы. Вокруг данных статей происходило противостояние между парламентом и правительством, а также между думскими фракциями. Первая группа расходов не подлежала ведению нижней палаты парламента и составляла около 1,5 % бюджета. Удельный вес этих расходов обнаруживал тенденцию к уменьшению [2: с. 361].

Вторая группа расходов связана с государственными и кредитными обязательствами. Считается, что подобные кредиты принимаются парламентом формально. Следовательно, «запрет на их сокращение Государственной думой ограничивал ее право лишь в принципе, а на деле она и так не должна была сокращать подобные расходы» [4: с. 59].

Предполагалось, что около 60 % расходов бюджета в полной мере подлежали контролю Думы, соответственно можно говорить о наличии полномочий в регулировании бюджетной политики государства.

По мнению современного исследователя Д.В. Аронова, подобная оценка бюджетных полномочий Думы тяготеет к несколько неоправданному оптимизму. «Даже если абстрагироваться от реалий во взаимоотношениях исполнительной и законодательной власти в России начала XX в., которые характеризуются явным преимуществом власти исполнительной, вряд ли можно говорить о наличии у парламента бюджетных прав, если их объем во многом зависит от доброй воли других властных органов. Отмеченные возможности правительства ограничить объем бюджета, подлежащего ведению Думы, сам факт установления этих ограничений подзаконным актом говорит о многом» [2: с. 362].

Достаточно важным был вопрос участия партии конституционных демократов в обсуждении государственного бюджета [5: стб. 3563]. В комиссии по исполнению бюджета был подготовлен ряд обращений о представлении необходимых данных, однако со стороны правительства последовал отказ, был передан лишь прошедший государственный контроль кассовый отчет.

Законопроект косвенного налогообложения времен второй Думы и впоследствии третьей Думы был передан в бюджетную комиссию, где был передан в пленарное заседание Думы, после чего он был принят, однако позже отклонен Государственным советом [7: стб. 1971–1990].

Либеральная часть Государственной думы неоднократно вносила предложения по уменьшению числа неподконтрольных нижней палате парламента статей бюджета по изменению правил о порядке рассмотрения государственной росписи расходов и доходов. В мае 1911 года законодателями был разработан радикальный проект «реформирования порядка бюджетной процедуры». Он предусматривал отмену расходов из фонда на «непредвиденные нужды», отмену права Совета открывать срочные кредиты. Депутатами данный проект был принят, однако Государственный совет по требованию министра финансов его отклонил. Он упорно доказывал, что бюджетные права нижней палаты парламента совершенно достаточны, что их расширять вовсе не нужно [1: с. 43]. Неотъемлемыми сторонами обсуждения партией кадетов бюджетных вопросов были вопросы организации государственного контроля, реформирование экономической системы страны и налогообложения. Однако до внесения в Думу законопроектов не дошло: как и большинство законопроектов они оставались в редакционных комиссиях [8: стб. 931].

В Думе третьего созыва партия конституционных демократов получила возможность доказать реальность совместной работы с правительством над государственным бюджетом. Был внесен законопроект о расширении бюджетных прав парламента. Была принята формула перехода, подтверждавшая желательность расширения бюджетных прав парламента и направления законопроекта в бюджетную комиссию. Документ был подвергнут жесткой критике

со стороны депутатов с тезисами о «резком преобладании в росписи непроизводительных расходов и бедность доходов, отсутствие у финансового ведомства какого-либо определенного плана необходимых финансовых реформ, крайне тяжелого развития для неимущих классов косвенного обложения и недостаточное развитие прямых налогов». Главные недостатки бюджета, по мнению депутатов, заключались в том, что «без оздоровления политического — немыслимо оздоровление русских финансов» [3: с. 23].

Думой было принято предложение о расширении полномочий государственного контроля и изменения его подчиненности в структуре исполнительной власти [3: с. 25].

Во время проведения первой сессии кадеты инициировали выступление умеренно-правых с «конституционным рублем». С точки зрения либералов, принятие государственного бюджета, который бы отвечал перспективам развития страны, ознаменовалось множеством проблем и трудностей. Прежде всего это объясняется пассивностью проправительственного большинства, которое не видело особых перспектив конструктивного сотрудничества с либеральными фракциями [11: с. 28].

К числу новых мер, которые были предложены депутатами кадетской партии, относится перераспределение финансовых ресурсов в пользу органов местного самоуправления, расширение прав местного самоуправления, а также передача финансовых вопросов в их сферу ведения. Более подробную программу развития кадеты предложат в финансовой комиссии во время четвертой сессии Думы.

В течение работы третьей Думы кадеты отстаивали позицию, в соответствии с которой нормальный бюджет в России возможен в случае изменения базовых основ финансово-экономических отношений в стране, к каковым в первую очередь они относили преимущественно прямой, а не косвенный налог, а также расширение прав Думы в области принятия и контроля над государственным бюджетом [13: с. 192].

Кадеты отмечали такое достижение либеральных фракций, как завершение в третью сессию профильной подкомиссии законопроекта о подоходном налоге [3: с. 34–35].

Происходит усиление акцента на пропагандистскую составляющую, что явно будет прослеживаться в период работы парламента четвертого созыва, где основным вопросом будут выступать сроки и объемы предоставления военных кредитов. В деятельности партии конституционных демократов произошло смещение акцента с одного направления на другое. Но в целом кадеты оставались в рамках конструктивного подхода при обсуждении вопросов бюджета [6: стб. 1615].

В период Первой мировой войны в бюджетной деятельности кадетов прослеживается смещение акцентов на финансирование военных действий, но правительство не видело перспектив в развитии сотрудничества с депутатами, что впоследствии привело к созданию Прогрессивного блока. Большое

внимание уделялось правовому регулированию государственных займов, совершенствованию подоходного налога, налога на роскошь. Однако многие инициативы не были приняты правительством и были отклонены на стадии обсуждения в Государственном совете.

Литература

1. *Аврех А.Я.* П.А. Столыпин и судьбы реформ в России М.: Политиздат 1991. 290 с.
2. *Аронов Д.В.* Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Юрист, 2005. 412 с.
3. Бюджет и финансы // Третья Государственная дума. Фракция народной свободы в период 10.10.09–5.06.10. Отчет фракции. СПб., 1910. 85 с.
4. *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. 216 с.
5. Государственная дума. Созыв III. Сессия I. Стенографический отчет. Ч. 1. СПб., 1907. 4529 стб.
6. Государственная дума. Созыв III. Сессия III. Стенографический отчет. Ч. 2. СПб., 1910. 3781 стб.
7. Государственная дума. Созыв III. Сессия IV. Стенографический отчет. Ч. 2. СПб., 1911. 3721 стб.
8. Государственная дума. Созыв III. Сессия V. Стенографический отчет. Ч. 2. СПб., 1912. 4336 стб.
9. Законодательные проекты и предложения партии народной свободы. 1905–1907 гг. СПб., 1907. 386 с.
10. *Мальшева О.Г.* Государственная дума в системе власти Российской империи: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 450 с.
11. *Миллюков П.Н.* Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 637 с.
12. Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 26. Ч. 1–2. 1157 с.
13. *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. М.: Социум, 2010. 624 с.

Literatura

1. *Avrex A.Ya.* P.A. Stoly'pin i sud'by' reform v Rossii M.: Politizdat 1991. 290 s.
2. *Aronov D.V.* Zakonotvorcheskaya deyatel'nost' rossijskix liberalov v Gosudarstvennoj dume (1906–1917 gg.). M.: Yurist, 2005. 412 s.
3. Byudzhet i finansy' // Tret'ya Gosudarstvennaya дума. Frakciya narodnoj svobody' v period 10.10.09–5.06.10. Otchet frakcii. SPb., 1910. 85 s.
4. *Demin V.A.* Gosudarstvennaya дума Rossii (1906–1917): mexanizm funkcionirovaniya. M.: ROSSPE'N, 1996. 216 s.
5. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v III. Sessiya I. Stenograficheskij otchet. Ch. 1. SPb., 1907. 4529 stb.
6. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v III. Sessiya III. Stenograficheskij otchet. Ch. 2. SPb., 1910. 3781 stb.
7. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v III. Sessiya IV. Stenograficheskij otchet. Ch. 2. SPb., 1911. 3721 stb.
8. Gosudarstvennaya дума. Sozy'v III. Sessiya V. Stenograficheskij otchet. Ch. 2. SPb., 1912. 4336 stb.

9. Zakonodatel'ny'e proekty' i predlozheniya partii narodnoj svobody'. 1905–1907 gg. SPb., 1907. 386 s.
10. *Maly'sheva O.G.* Gosudarstvennaya дума v sisteme vlasti Rossijskoj imperii: dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2001. 450 s.
11. *Milyukov P.N.* Vospominaniya. M.: Vagrius, 2001. 637 s.
12. Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1906. T. 26. Ch. 1–2. 1157 s.
13. *Smirnov A.F.* Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii 1906–1917 gg. M.: Socium, 2010. 624 s.

A.V. Fateev

**Issues of the State Budget
in the Activities of the Constitutional Democratic Party (1907–1917)**

The article deals with the financial and economic issues in the activities of the Constitutional Democratic Party of the State Duma of III and IV convocation.

Keywords: the State Duma; parliamentarism; Cadet Party; the state budget.

**Т.В. Ершова,
Г.Г. Касаров**

Протестное движение рабочих Москвы на этапе Первой мировой войны и Февральской революции 1917 года

В статье рассматриваются экономические и политические стачки московских рабочих как массовая форма социально-политического протеста в период Первой мировой войны, их роль в осуществлении Февральской революции 1917 года.

Ключевые слова: московские рабочие; стачки; Февральская революция 1917 года.

В феврале 2017 года исполняется 100 лет со времени Февральской революции в России, свержения царской монархии и установления демократической республики. Этому событию посвящено значительное количество научной литературы. Однако к числу направлений, требующих дальнейшего изучения, относится «рабочая история» периода до-революционной России. Это важное направление, которое сегодня оказалось на обочине исторической науки [10: с. 125]. Речь идет прежде всего о стачках, хотя рабочее движение принимало и другие формы: волнения, предъявления требований, митинги, демонстрации и прочие. Среди разнообразных форм социально-политического протеста самой массовой формой сопротивления рабочих властям и буржуазии являлась стачка.

Применение исследователями не только традиционных исторических, но междисциплинарных методов, в том числе математического моделирования, способствует всестороннему изучению стачечного движения в России на рубеже XIX–XX веков [1; 7]. Требуется дальнейший анализ обновленной статистики, включение в нее новой исторической информации из архивных материалов, создание хроники стачечного движения. Необходимо продолжить работу по созданию наиболее полной статистической базы для изучения стачечного движения в России в годы Первой мировой войны и Февральской революции 1917 года. К сожалению, стачечная борьба московских рабочих этого периода изучена недостаточно.

С 19 июля 1914 года до 28 февраля 1917 года в России, по подсчетам И.М. Пушкаревой, прошло 5 794 стачек, в которых приняли участие 3 млн 239,8 рабочих [10: с. 126]. «Война внесла существенные изменения в региональное развитие рабочего движения. По объективным причинам рабочие некоторых районов резко снизили в годы войны свою активность: часть

Прибалтики, Белоруссии, Закавказья. Польша была захвачена немцами. Доля стачечников большинства регионов, таких как Сибирь, Урал и др. составляла всего несколько процентов от общероссийского уровня. Ведущую роль в рабочем движении играли Петроград и Москва. При этом участие рабочих обеих столиц в общероссийском движении стало даже более значительным, чем прежде — их доля увеличилась от 2/3 до 3/4 общего количества забастовщиков в стране. Это во многом объяснялось их высокой концентрацией на крупных промышленных предприятиях, а также повышенной активностью в столицах нелегальных организаций социал-демократов и эсеров» [7: с. 149].

Рабочее движение в Москве было в реальности стачечной борьбой, стачка считалась преступлением, за участие в ней карали в уголовном и административном порядке. По сведениям Московского охранного отделения, рабочие «открыто стали против войны, объявив своим лозунгом: «Войне — война»» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1914. Д. 5. Ч. 46. Л. 82 об.).

Война привела к усилению эксплуатации московских рабочих. Если их номинальная заработная плата росла, то реальная — сокращалась. Этот факт с наибольшей силой проявился в 1916 году [4: с. 184]. Дирекции многих предприятий открывали фабричные лавки, откуда отпускались товары по завышенным ценам. Особенно это было заметно по стоимости продуктов питания. Она обгоняла заработную плату [4: с. 184–185].

Зарплата рабочих довольно сильно сокращалась за счет многочисленных штрафов. Так, на заводе «Добровых и Набгольц» администрация ввела новые правила о штрафах за отлучку с работы. Возмущенные этими правилами рабочие объявили 14 декабря 1915 года стачку протеста. В ней приняли участие 1400 человек. Администрация завода смягчила положение о штрафах (ГАРФ. Ф. 63. 1915. Д. 1327. Л. 29). В борьбу со стачечным движением вмешался уполномоченный Особого заводского совещания Московского района генерал Чердынцев. По его указанию на стачечников был составлен «черный список» из 67 рабочих, которых он потребовал не принимать на промышленные предприятия (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2. Л. 29).

Жилищные условия рабочих были очень тяжелыми. Например, на Прохоровской Трехгорной мануфактуре сложилась для рабочих критическая ситуация. Во время эпидемии холеры забастовщики потребовали позаботиться о заболевших рабочих, улучшить жилищные условия в спальнях, работу бани, мыть полы и увеличить зарплату (ГАРФ. Ф. 63. 1915. Д. 1325. Л. 279, 282). Ежемесячная проверка фабричной инспекцией фабричных спален, казарм и домов показала, что на предприятиях «Товарищество мануфактур Н.Н. Коншина» неудовлетворительное состояние помещений, где жили и ночевали рабочие. Они не отвечали санитарным условиям, что вызывало массовые заболевания среди мужчин, женщин и детей [4: с. 186]. Антисанитарное состояние на фабрике «Новая мыза» привело к массовым заболеваниям рабочих [4: с. 186]. Аналогичные требования об улучшении жилищных условий были на многих промышленных предприятиях, где бастовали рабочие.

Их предъявляли администрации заводов «Динамо», Ю. Гужона, «Бари», «Гном» и других (ГАРФ. Ф. 63. 1915. Д. 1325. Л. 296, 305).

Основным требованием забастовщиков было увеличение заработной платы [12: с. 288–290]. В 1915 году забастовки носили в основном экономический характер. Бастующие рабочие требовали увеличить заработную плату, прибавить квартирные деньги, улучшить санитарные условия жизни рабочих (ГАРФ. Ф. 63. 1915. Д. 25 Т. 1. Л. 92).

После расстрела бастующих рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске летом 1915 года прошли стачки протеста в Москве и в Петрограде. В них участвовали более 88 тыс. рабочих на 231 предприятии [11: с. 95–97].

Была проведена политическая стачка протеста против суда над московскими трамвайщиками. Арестованные полицией, они в марте 1916 года предстали перед военно-полевым судом. Необходимо было предотвратить расправу. Подпольные организации выпустили листовки с призывом к политической стачке. Высокую сознательность проявили трамвайщики Москвы, собрав деньги в пользу арестованных товарищей (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Д. 341. Ч. 46. Л. 20–21, 23). Стачка московских рабочих спасла жизнь трамвайщикам. Военно-полевой суд вынес довольно мягкий приговор, но он не был утвержден командующим Московского военного округа (ГАРФ. Ф. 63. 1915. Д. 947. Т. 2. Л. 118, 132).

Весной 1916 года стачечная борьба охватила многие промышленные предприятия Москвы. Так, уполномоченный Особого заводского совещания Московского района генерал Н.С. Чердынцев в одном из своих донесений в Особое совещание по обороне государства весной 1916 года писал, что «забастовочное движение на заводах Москвы и Московского района, бывшее спорадическим все время, — особенно сильно и упорно начало проявляться весной текущего года после длительной забастовки на Путиловском заводе» (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2. Л. 118).

Московские рабочие готовились к Первому мая. В 1916 году праздник приходился на воскресенье, и многие предприятия в этот день не работали. Было решено провести стачки 1 и 2 мая, дополнив политические требования экономическими. 1 мая бастовали 188 рабочих Московского артиллерийского завода при фабрике Э. Цинделя (ГАРФ. Ф. 63. 1916. Д. 313. Л. 48) и 35 рабочих депо Брянских железнодорожных мастерских (ГАРФ. Ф. 63. 1916. Д. 313. Л. 18). 2 мая бастовали 30 рабочих кошелочной мастерской Гвоздева (ГАРФ. Ф. 63. 1916. Д. 24. Т. 1 А. Л. 47). В стачке участвовали все 1289 человек Электромеханического и подковного завода «Износков, Зуккау и кампания». Рабочие заявили, что они празднуют Первое мая и требуют увеличить на 70 % зарплату (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2. Л. 127).

2 мая бастовали рабочие мастерских Московско-Казанской железной дороги, Северной железной дороги и Курской железной дороги, предъявив администрации экономические требования [3: с. 482]. С 2 по 13 мая бастовали

на экономической почве 3085 рабочих Московского металлического завода Ю. Гужона. Забастовщики добивались увеличения зарплаты. Рабочим было отказано и их уволили (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 506, 806–806 об.).

Летом и осенью усилилась экономическая борьба рабочих Москвы. Она была связана с огромным ростом дороговизны жизни. В 1916 году большинство забастовщиков требовали повысить зарплату от 50 до 100 % и обеспечения их продуктами питания и в первую очередь хлебом (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 2. Л. 258). Бастовавшие рабочие во второй половине 1916 года и в начале 1917 года постоянно требовали у дирекции фабрик и заводов ликвидировать сверхурочные работы, предоставлять ежегодно оплачиваемые отпуска и разрешить создание профсоюзов (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Д. 341. Ч. 46. Л. 56, 56 об.).

Таким образом, стачечная борьба московских рабочих стала принимать массовый характер. Всего с апреля по сентябрь 1916 года в городе было 762 стачки, в которых участвовало 298 669 человек. Из них политических стачек было 411 (53,9 %) и экономических — 351 стачка (46,1 %). В политических стачках участвовали 138 072 рабочих и в экономических — 160 597 человек [6: с. 139].

С октября 1916 года до победы Февральской революции 1917 года стачечная борьба московских рабочих приняла массовый характер. Экономические и политические стачки переплелись. Основная масса экономических стачек начала принимать политическую окраску, так как они были направлены против продолжения войны [12: с. 291]. Начальник Московского охранного отделения полковник А.П. Мартынов в октябре 1916 года в донесении в Департамент полиции писал, что в данный момент настроение населения Москвы складывается «под влиянием двух решающих факторов, войны и продовольственных затруднений, связанных с крайней дороговизной». Он доложил, что «можно с уверенностью сказать, что подобного раздражения и озлобления масс мы еще не знали. В сравнении с настроением данного момента настроение 1905–1906 годов, несомненно, являлось для правительства более благоприятным» (ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1916. Д. 147. Ч. 46. Л. 71, 71 об.).

Осенью 1916 года в Москве политическая обстановка накалилась до предела. Наступательный характер носили стачки рабочих в октябре, ноябре и декабре 1916 года. В ноябре 1916 года в Москве состоялось несколько политических забастовок рабочих, выразивших солидарность с бастующими петроградскими рабочими. 19 ноября забастовали из чувства солидарности 2500 рабочих завода «Бр. Бромлей», 1450 человек Электромеханического и подковного завода товарищества «Износков, Зуккау и кампания» (РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 117. Л. 262), 1061 рабочих Снарядного и машиностроительного завода Михельсона [11: с. 197].

Из солидарности с петроградскими рабочими бастовали 19 ноября 2200 человек мастерских Сокольнического трамвайного парка (ГАРФ. Ф. 63. 1916. Д. 25, т. 1. Л. 222) и 3500 рабочих Новосокольнических мастерских (РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 141. Л. 30 об.).

3–4 декабря бастовали 5570 рабочих «Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры», предъявив ряд экономических требований (РГИА СПб. Ф. 23. Оп. 16. Д. 170. Л. 93 об. – 94.).

В начале 1917 года в Москве прошли массовые экономические и политические стачки. 9 января 1917 года московские рабочие провели политическую забастовку. Всего в этот день бастовали 36 779 рабочих на 76 предприятиях [2: с. 537–543]. Рабочие провели на улицах демонстрации с красными флагами и революционными песнями (ГАРФ. Ф.63. 1917. Д. 70. Л. 2, 2 об., 22; Д. 72. Л. 36, 44, 46).

12 января в Москве прошла массовая политическая стачка рабочих. Рабочие протестовали против политической линии правительства и невозможности приобрести в городе продукты питания и в первую очередь хлеб (ЦИАМ. Ф. 1294. Оп. 1. Д. 3. Л. 798). Всего бастовали 21 961 рабочий 47 предприятий (ГАРФ. Ф. 63. 1917. Д. 70 А. Л. 5; РГВИА. Ф. 369. Оп. 4. Д. 141. Л. 31 об., 32). Во второй половине января политическая стачка рабочих продолжалась. В эти дни, по сведениям Московского охранного отделения, было 25 забастовок, в которых участвовали около 15 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 90. Л. 5).

Особенно активный характер носило рабочее движение в Москве в феврале 1917 года. 14 февраля состоялись политические стачки рабочих. В них участвовали 12 550 человек 16 фабрик и заводов. Возглавили стачку рабочие заводов «Динамо» и «Бари» (ГАРФ. Ф. 102. ДП 4 Д. 1917. Д. 42, ч. 2. Л. 15).

Сложившийся в январе – феврале 1917 года в России революционный кризис перерос в буржуазно-демократическую революцию. 23 февраля 1917 года (по новому стилю 8 марта Международный женский день), 24–25 февраля стачечное движение в Петрограде усилилось. Началась борьба рабочих за солдатские массы. Переход солдат на сторону пролетариата привел 27 февраля к вооруженному восстанию в столице Российской империи. 28 февраля 1917 года революционные рабочие и солдаты победили. Прибывший в Псковскую губернию Николай II в ночь с 2 на 3 марта отрекся от престола за себя и своего сына. 3 марта подписал манифест об отречении от престола его брат Михаил [9: с. 172, 173–179, 207, 213; 13: с. 78–79, 80].

Информацию о революционной борьбе в Петрограде московские рабочие получили 25 февраля [2: с. 11]. Сведения о победе революции в Петрограде поступили в Москву вечером 27 февраля. Была выпущена листовка о революции в Петрограде, которая была распространена в рабочих кварталах Москвы [2: с. 16]. К 12 часам дня 28 февраля «почти все заводы забастовали», повсеместно проходили выборы депутатов в Московский совет. Рабочие города начали вести борьбу за солдат Московского гарнизона. Перешедшие на сторону народа солдатские массы обеспечили в Москве победу революции [5: с. 347–348].

Стачечная борьба рабочих явилась катализатором революционных событий в феврале – марте 1917 года в Москве, вслед за Петроградом, обеспечила победу революции в России и привела к крушению монархии.

Литература

1. *Бородкин Л.И.* Математическое моделирование истории протестного движения при изучении социальных конфликтов // Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX–XX вв. СПб.: Алетейя, 2012. С. 162–182.
2. *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М.: Наука, 1971. 463 с.
3. *Воинова К.* Рабочее движение в Москве в 1914–1917 гг. // Пролетарская революция. Исторический журнал. 1923. № 2 (14). С. 469–551.
4. Из истории фабрик и заводов Москвы и Московской губернии (конец XVIII – начало XX в.). Обзор документов. М.: ЦГИА, 1968. 335 с.
5. История Москвы: в 6 т. Т. 5: Период империализма и буржуазно-демократических революций. М.: Институт истории АН СССР, 1955. 818 с.
6. *Касаров Г.Г.* Московские рабочие в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917). М.: МАДИ, 1996. 163 с.
7. *Кирьянов Ю.И.* Социально-политический протест рабочих России в годы Первой мировой войны (июль 1914 г. – февраль 1917 г.). М.: ИРИ РАН, 2005. 217 с.
8. *Колтак Е.П., Бронникова А.И., Полежаев В.Ю.* Математическая модель стачечного движения в России в начале XX века // Молодой ученый. № 3 (83). Февраль. 2015 г. С. 4–14.
9. *Пушкарёва И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. М.: Наука, 1982. 320 с.
10. *Пушкарёва И.М.* Изучая «рабочую историю» периода Первой мировой войны // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2014. № 21 (192). Вып. 32. С. 125–133.
11. Рабочее движение в годы войны. М.: Вопросы труда, 1925. 362 с.
12. *Сидоров К.Ф.* Рабочий класс в годы империалистической войны и Февральской революции // Очерки истории пролетариата СССР. М.: Огонек, 1931. С. 281–317.
13. *Спирин Л.М.* Россия 1917 год: Из истории борьбы политических партий. М.: Мысль, 1987. 333 с.

Literatura

1. *Borodkin L.I.* Matematicheskoe modelirovanie istorii protestnogo dvizheniya pri izuchenii social'ny'x konfliktov // Trudovy'e konflikty' i rabochee dvizhenie v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. SPb.: Aletejya, 2012. S. 162–182.
2. *Burdzhalov E'.N.* Vtoraya russkaya revolyuciya. Moskva. Front. Periferiya. M.: Nauka, 1971. 463 s.
3. *Voinova K.* Rabochee dvizhenie v Moskve v 1914–1917 gg. // Proletarskaya revolyuciya. Istoricheskij zhurnal. 1923. № 2 (14). S. 469–551.
4. Iz istorii fabrik i zavodov Moskvy' i Moskovskoj gubernii (konecz XVIII – nachalo XX v.). Obzor dokumentov. M.: CGIA, 1968. 335 s.
5. Istoriya Moskvy': v 6 t. T. 5: Period imperializma i burzhuazno-demokraticeskix revolyucij. M.: Institut istorii AN SSSR, 1955. 818 s.
6. *Kasarov G.G.* Moskovskie rabochie v gody' Pervoj mirovoj vojny' (iyul' 1914 – fevral' 1917). M.: MADI, 1996. 163 s.
7. *Kir'yanov Yu.I.* Social'no-politicheskij protest rabochix Rossii v gody' Pervoj mirovoj vojny' (iyul' 1914 g. – fevral' 1917 g.). M.: IRI RAN, 2005. 217 s.

8. *Kolpak E.P., Bronnikova A.I., Polezhaev V.Yu.* Matematicheskaya model' stachechnogo dvizheniya v Rossii v nachale XX veka // Molodoj uchenyj. № 3 (83). Fevral'. 2015 g. S. 4–14.

9. *Pushkareva I.M.* Fevral'skaya burzhuazno-demokraticeskaya revolyuciya 1917 g. v Rossii. M.: Nauka, 1982. 320 s.

10. *Pushkareva I.M.* Izuchaya «rabochuyu istoriyu» perioda Pervoj mirovoj vojny' // Nauchny'e vedomosti. Seriya «Istoriya. Politologiya. E'konomika. Informatika». 2014. № 21 (192). Vy'p. 32. S. 125–133.

11. *Raboochee dvizhenie v gody' vojny'.* M.: Voprosy' truda, 1925. 362 s.

12. *Sidorov K.F.* Rabochij klass v gody' imperialisticheskoy vojny' i Fevral'skoj revolyucii // Oчерki istorii proletariata SSSR. M.: Ogonek, 1931. S. 281–317.

13. *Spirin L.M.* Rossiya 1917 god: Iz istorii bor'by' politicheskix partij. M.: My'sl', 1987. 333 s.

T.V. Ershova,

G.G. Kasarov

The Protest Movement of the Workers of Moscow during World War I and the February Revolution of 1917

The article deals with the economic and political strikes of Moscow workers as a mass form of social and political protest during the First World War and their role in the implementation of the February Revolution of 1917.

Keywords: Moscow workers; strikes; the February Revolution of 1917.

И.Р. Багашвили

Состояние химической промышленности Российской империи накануне 1917 года

Статья посвящена выявлению особенностей развития российской химической промышленности накануне 1917 года. Автором проанализированы ключевые вопросы состояния химической промышленности в контексте системного кризиса российского государства и общества. На примере химической промышленности проиллюстрированы основные проблемы экономического развития России начала XX века.

Ключевые слова: экономическая история России; химическая промышленность; экономика Российской империи; Россия накануне 1917 года.

Начало XX века в России — это период глубинных, системных проблем во всех сферах жизни, время, когда назрела острая, объективная необходимость модернизации российского общества и государства. Прежде всего, в сфере экономического и промышленного развития.

В этой связи события 1917 года в России стали поворотным, кульминационным пунктом длительного, многофакторного революционного преобразования. Истоки и генезис этого процесса были продиктованы целым комплексом причин, в том числе экономических.

Известно, что экономика России носила «догоняющий», экстенсивный характер. Общая технико-экономическая отсталость страны диктовала необходимость коренных, системных преобразований, отвечавших «вызовам» времени в экономической сфере, что ярко прослеживается на примере химической промышленности.

В условиях завершения промышленного переворота в России состояние химической промышленности приобретало стратегическое значение для экономического сектора тяжелой индустрии — металлургии, машиностроения, станкостроения, — что во многом детерминировало уровень развития военно-промышленного комплекса. Для дальнейшего социально-экономического развития общества велико было значение фармацевтики, производства удобрений, полимерной отрасли и т. д.

Организация высокотехнологичного производства способствует развитию топливно-энергетического комплекса, что, в свою очередь, позволяет достичь высокоиндустриального уровня развития промышленного и сельскохозяйственного производства. Известно, что накануне 1917 года Россия оставалась аграрно-индустриальной страной. В этой связи состояние химической промышленности для процесса модернизации имело ключевое значение.

Во-первых, в дореволюционной России богатый химический сырьевой потенциал был практически не освоен, часть отраслей химической промышленности существовала только на уровне промыслов, носила полукустарный характер, другая же часть — просто отсутствовала [8: с. 3]. В частности, Тентелевский химический завод был единственным предприятием в стране, производившим чистые химические реактивы [11: с. 14].

К 1912 году к химической промышленности относилось около 400 предприятий (не более 3 % от общего числа всех заводов России), на которых работало около 42,5 тысяч человек (менее 2,5 % от общего числа рабочих в России) [5: с. 72].

Во многом подобная ситуация стала следствием многоукладности российской экономики начала XX века, слабого развития капиталистических отношений в целом, проблем в сфере промышленного управления, небрежности государственной власти к развитию новых, перспективных отраслей экономики.

Второе обстоятельство заключается в том, что Россия значительно уступала странам Западной Европы по объемам выпускаемой химической продукции, по определенным видам химикатов в 30–50 раз [3: с. 12]. В целом химическая промышленность России к 1913 году составляла всего 4 % от общемирового производства [6: с. 180]. Для сравнения, лидирующие места в мире по объему химической продукции занимали США — 35 %, Германия — 24 %, Англия — 21 %, Франция — 9 % [13].

В-третьих, логично, что недостаток химического сырья активно компенсировался политикой импортозамещения, что, соответственно, способствовало оттоку российского финансового капитала за границу. В Россию химикаты импортировались из Германии (красители и калийные соли), Италии (сера), Испании (колчедан), Чили (селитра), Марокко (фосфориты). В России преимущественно производили вторичные химические продукты. Статистические источники указывают, что наибольшее развитие в России к 1912 году получило производство серной кислоты, соды, суперфосфата [7: с. 496–504].

Промышленное развитие начала XX века в России пестрит контрастами, отрасли развиваются крайне неравномерно, в том числе по экономико-географическому критерию, что весьма заметно по состоянию химической промышленности.

Львиная доля всех крупных химических предприятий (около 75 %) была сконцентрирована в Петербурге и Москве, в крупных портовых городах — пунктах доставки импортного сырья. В других регионах страны: на Урале, в Сибири, Средней Азии, Закавказье, на Дальнем Востоке — химическая промышленность развивалась крайне слабо.

Начало XX века в России прочно закрепилось в историческом сознании как период бурного развития системы образования и науки, «естественнонаучного бума», крупных научных открытий выдающихся российских ученых.

Начало XX столетия для химической науки в целом в мировом масштабе стало новой вехой в развитии: разработки в области органической химии являлись новым словом в естествознании. Российская химическая наука привнесла свой существенный вклад в этот процесс, в частности, работы Л.А. Чугаева по биохимии и химии комплексных соединений, В.В. Марковникова — в области нефтехимии, Г.С. Петрова — по синтезу карболита и других российских ученых.

Однако достижения в области российской химической науки «можно оценивать лишь как успехи талантливых одиночек» [2]. Следует отметить, что уровень развития научно-технического образования и наукоемких технологий в новых отраслях промышленности был явно неудовлетворяющим запросам времени, в том числе из-за недостаточного внимания царского правительства.

Что касается институционализации химической науки, то следует отметить, что в Российской империи химические научно-исследовательские институты не получили развития, не существовало ни одной крупной химической лаборатории. В России не было и специальных высших учебных заведений, готовящих кадры для химической промышленности. В этой сфере наблюдалась острая нехватка инженерно-технических работников.

Как отмечают современные исследователи, в условиях интенсивного интеллектуального поиска, переосмысления сциентизма и позитивизма в научном познании [9: с. 16] развитие научно-технической интеллигенции, как и всей отечественной интеллигенции в целом, в качестве «субъекта исторического действия» [10: с. 36] — один из наиболее актуальных вопросов начала XX века. В Российской академии наук существовала только одна химическая лаборатория, созданная еще в 1748 году М.В. Ломоносовым, а Русское физико-химическое общество насчитывало около четырехсот членов. В 1913 году общее число химиков с высшим образованием в России составляло лишь около 500 человек [2].

Названные недостатки состояния химической отрасли особенно наглядно вскрылись во время Первой мировой войны. Общеизвестны проявления продовольственного и транспортного кризисов, перебои в обеспечении российской армии военной продукцией.

Представляется, что нехватка вооружения в российской армии напрямую была связана с проблемами в области химической промышленности. В условиях войны нарушение и изменение торговых отношений между странами привели к недостатку серной и азотной кислоты, необходимых для производства пороха и взрывчатых веществ [12: с. 308].

Первая мировая война ярко продемонстрировала технико-экономическую отсталость России и слабость ее промышленной организации. Российская промышленность в целом и химическая отрасль в частности оказались не способны обеспечить фронт достаточным количеством боеприпасов, оружия и снаряжения.

Вместе с тем ситуация военного времени стала определенным толчком для развития российской химической промышленности. Российская империя лишилась своего главного поставщика химической продукции — Германии. Кроме того, многие химические предприятия, расположенные на территории Польши и Прибалтики, во время войны были захвачены немцами.

Положение осложнялась еще и тем, что в развитии российской экономики значительное участие принимал иностранный капитал. В частности, Германия до начала Первой мировой войны выступала в качестве кредитора в электрической и химической отраслях российской экономики [4]. Большая часть предприятий российской химической промышленности принадлежала немецкому и шведскому капиталам [1: с. 105].

В этих условиях царское правительство было вынуждено принять срочные меры по организации новых, собственных, химических производств. В частности, большой акцент был сделан на развитие коксобензольной промышленности на Донбассе: росло число и производственная мощность донбасских заводов. Кроме того, в годы войны был построен ряд заводов в Нижнем Новгороде, на Урале, в Перми. Строительство во время войны, очевидно, велось ускоренными темпами, заводы работали на большой износ, оборудование быстро приходило в негодность.

Важно, что в условиях военной необходимости государство было вынуждено активно вмешаться в развитие химического производства. Широкое применение с весны 1915 года на арене военных действий боевых отравляющих веществ ознаменовало новый этап в развития отечественной химической промышленности [12: с. 311], прежде всего в области разработки и производства взрывчатых веществ и химического оружия.

Мы видим, что Первая мировая война стимулировала процесс становления в России химической промышленности, что было связано преимущественно с военной химией.

Таким образом, развитие химической промышленности в целом к 1917 году значительно отставало от стран Западной Европы и зависело от мирового импорта химической продукции. Состояние системы научно-технического образования, организация и финансирование химических исследований не отвечали общемировым требованиям времени. Накануне событий 1917 года химическая промышленность России развивалась крайне медленно и неэффективно, фактически находилась в зачаточном состоянии, что усугубляло кризисные явления в экономике в условиях войны и нарастания революционного процесса.

Дореволюционное состояние промышленного развития порождало значительные экономические трудности и ставило серьезные сверхзадачи перед властью, связанные с проведением экономической модернизации, достижением конкурентоспособности многих отраслей производств, таких например, как химическая.

Литература

1. *Бродер А.* О противоречиях российской модернизации XIX–XX вв. // Экономическая история. Вып. 8. 2002. С. 105–107.
2. *Бурдейко Е.Н.* Химическая наука в XX столетии. 1900 г. – 1940-е гг. [Электронный ресурс] // Естествознание. 2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения: 23.09.2016).
3. *Бушуев М.В., Уваров Г.В.* Советская химическая промышленность в текущем столетии. М.: Экономиздат, 1962. 200 с.
4. *Васильева Л.В.* Участие иностранного капитала в экономике Российской империи и его влияние на торгово-промышленное развитие Западно-Сибирского региона в конце XIX – начале XX вв. [Электронный ресурс] // Налоги. Инвестиции. Капитал. 2014. URL: <http://www.nikolai2.ru> (дата обращения: 23.09.2016).
5. *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М.: Мосгорархив, 1996. 244 с.
6. *Зайцев А.В.* Становление Кемеровского химического узла // Социогуманитарный вестник. 2013. № 1 (10). С. 180–183.
7. *Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в.). М.: Эпифания, 1994. 848 с.
8. *Кравец В.П.* Научно-технические достижения химической промышленности за десять лет революции. Л.: Работник просвещения, 1928. 31 с.
9. *Набокина М.Е., Смирнова Ю.В., Токарева Е.А.* Российская религиозно-философская интеллигенция как социокультурный феномен начала XX века // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Т. 1. North Charleston, USA. 2016. С. 15–29.
10. *Токарева Е.А.* Российская художественная интеллигенция и власть: некоторые вопросы теории и истории исследований // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. № 1 (21). С. 36–43.
11. *Трофимова Е.В.* Деятельность военного министерства Российской империи по развитию химической промышленности в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: МГУ, 2006. 24 с.
12. *Трофимова Е.В.* Роль государственных учреждений России в развитии отечественной химической промышленности в 1914–1915 гг. // ИИЕТ РАН. Годичная научная конференция 2004 г. М.: Диполь-Т, 2004. С. 308–311.
13. *Швецов Д.Е.* Сравнительный анализ государственной инновационной политики стран мировой «триады», 2001. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.georpub.narod.ru> (дата обращения: 3.10.2016).

Literatura

1. *Broder A.* O protivorechiyah rossijskoj modernizacii XIX–XX vv. // E'konomicheskaya istoriya. Vyp. 8. 2002. S. 105–107.
2. *Burdejko E.N.* Himicheskaya nauka v XX stoletii. 1900 g. – 1940-e gg. [E'lektronny'j resurs] // Estestvoznanie. 2010. URL: <http://www.portal-slovo.ru> (data obrashheniya: 23.09.2016).
3. *Bushuev M.V., Uvarov G.V.* Sovetskaya himicheskaya promy'shlennost' v teku-shhem stoletii. M.: E'konomizdat, 1962. 200 s.

4. *Vasil'eva L.V.* Uchastie inostrannogo kapitala v e'konomike Rossijskoj imperii i ego vliyanie na torgovo-promy'shlennoe razvitie Zapadno-Sibirskogo regiona v konce XIX – nachale XX vv. [E'lektronny'j resurs] // *Nalogi. Investicii. Kapital*. 2014. URL: <http://www.nikolai2.ru> (data obrashheniya: 23.09.2016).
5. *Voronkova S.V.* Rossijskaya promy'shленnost' nachala XX veka: istochniki i metody' izucheniya. M.: Mosgorarxiv, 1996. 244 s.
6. *Zajcev A.V.* Stanovlenie Kemerovskogo ximicheskogo uzla // *Sociogumanitarny'j vestnik*. 2013. № 1 (10). S. 180–183.
7. *Kafengauz L.B.* E'volyuciya promy'shленного производства Rossii (poslednyaya tret' XIX v. – 30-e gody' XX v.). M.: E'pifaniya, 1994. 848 s.
8. *Kravec V.P.* Nauchno-texnicheskie dostizheniya ximicheskoy promy'shленnosti za desyat' let revolyucii. L.: Rabotnik prosveshheniya, 1928. 31 s.
9. *Nabokina M.E., Smirnova Yu.V., Tokareva E.A.* Rossijskaya religiozno-filosofskaya intelligenciya kak sociokul'turny'j fenomen nachala XX veka // *Aktual'ny'e napravleniya fundamental'ny'x i prikladny'x issledovanij*. T. 1. North Charleston, USA. 2016. S. 15–29.
10. *Tokareva E.A.* Rossijskaya xudozhestvennaya intelligenciya i vlast': nekotory'e voprosy' teorii i istorii issledovanij // *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 2016. № 1 (21). S. 36–43.
11. *Trofimova E.V.* Deyatel'nost' voennogo ministerstva Rossijskoj imperii po razvitiyu ximicheskoy promy'shленnosti v gody' Pervoj mirovoj vojny': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.: MGU, 2006. 24 s.
12. *Trofimova E.V.* Rol' gosudarstvenny'x uchrezhdenij Rossii v razvitiu otechestvennoj ximicheskoy promy'shленnosti v 1914–1915 gg. // *ИЕТ РАН. Godichnaya nauchnaya konferenciya 2004 g.* M.: Dipol'-T, 2004. S. 308–311.
13. *Shveczov D.E.* Sravnitel'ny'j analiz gosudarstvennoj innovacionnoj politiki stran mirovoj «triady'», 2001. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.geopub.narod.ru> (data obrashheniya: 3.10.2016).

I.R. Bagashvili

State of the Chemical Industry of the Russian Empire on the Eve of 1917

The article is devoted to revealing features of development of the Russian chemical industry on the eve of 1917. The author have analysed key issues of state of chemical industry in the context of system crisis of the Russian state and society. On the example of the chemical industry the main problems of economic development of Russia at the beginning of the XX century are illustrated.

Keywords: economic history of Russia; chemical industry; the economy of the Russian Empire; Russia on the eve of 1917.

А.И. Юрьев

Борьба Партии социалистов-революционеров и большевиков за влияние на Советы крестьянских депутатов после Октябрьской революции 1917 года

В статье на основе различных архивных документов и материалов рассматривается вопрос о борьбе Партии социалистов-революционеров и большевиков за влияние на Советы крестьянских депутатов после Октябрьской революции, в ноябре – декабре 1917 года.

Ключевые слова: Советы крестьянских депутатов; эсеры; большевики; левые эсеры; съезд.

После Октябрьской революции 1917 года и прихода к власти большевиков Партия социалистов-революционеров по-прежнему пользовалась большой поддержкой среди различных слоев населения России.

На состоявшемся в конце ноября 1917 года IV съезде Партии социалистов-революционеров эсеры обвинили большевиков в том, что они, опираясь «на грубую силу обманутых большевистскими обещаниями мира» солдат и на стихийное стремление «истощенных войною» рабочего класса и крестьянства, в политической области возвращаются к временам самодержавного режима и открывают широкую дорогу для социальной политической реакции и соединенной с ней контрреволюции. В резолюции съезда было подчеркнуто, что все это приводит лишь к дальнейшему продолжению и углублению гражданской войны. Съездом был выражен протест против «производимых насилий», и он призвал всех членов партии вступить в энергичную борьбу против применяющихся большевиками методов политической деятельности (Владимирская жизнь. 1917. 29 ноября).

Важное значение в развивающихся событиях имела позиция основной, наиболее многочисленной части населения России — крестьянства и в первую

очередь их представительных органов — Советов крестьянских депутатов, которые в своем большинстве были верной опорой партии эсеров.

С 10 по 25 ноября 1917 года в Петрограде проходил Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. Большинство на нем имели левые эсеры и большевики. Правые эсеры охарактеризовали этот съезд как «созванный большевиками» и объявили его «неправомочным». За подписью Чернова как почетного председателя исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов на местах, всем губернским и уездным Советам крестьянских депутатов была направлена телеграмма, где давалась такая оценка съезду и сообщалось, что «параллельно» с ним идет Всероссийское совещание исполкома крестьянских Советов по вопросам организации власти и текущему моменту. На совещании было признано необходимым расширить его представителями уездов и ввиду «чрезвычайных» обстоятельств провести 25 ноября в Петрограде Второй Всероссийский съезд крестьянских депутатов. Избранных депутатов приглашали «безотлагательно» выезжать в Петроград (Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 108).

Однако Чрезвычайный съезд, несмотря на заявления правых эсеров о его неправомочности, избрал Временный Исполком Советов крестьянских депутатов, который слился с ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, и уже 15 ноября, вечером, состоялось объединенное заседание ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Чрезвычайного Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. На нем была принята резолюция, которая подтвердила декреты II Всероссийского съезда Советов о мире и земле, а также декрет ВЦИК о рабочем контроле. Чрезвычайный съезд высказался за объединение Советов крестьянских депутатов с Советами рабочих депутатов и принял решение о созыве Второго съезда Советов крестьянских депутатов.

Большевики охарактеризовали решения съезда как «полный крах правых эсеров, полное бессилие соглашательства...» («Известия Центрального Исполнительного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов». 1917. 14 ноября...).

Второй съезд Советов крестьянских депутатов открылся 26 ноября 1917 года. На съезде присутствовало 790 делегатов с правом решающего голоса, из них правых эсеров — 305, левых эсеров — 350, большевиков — 91. В его состав полностью влился и Чрезвычайный съезд.

Большевики сделали все для того, чтобы съезд крестьянских депутатов прошел под их руководством. ВЦИК Советов даже отдал секретное распоряжение наркомуч. почт и телеграфов «подвергнуть тщательному контролю» телеграммы, исходящие от эсеровской части съезда (ГАРФ. Ф. Р-3875. Оп. 1. Д. 9. Л. 2).

По всем вопросам на съезде разгорелась ожесточенная борьба правых эсеров, с одной стороны, и левых эсеров и большевиков — с другой. В конце концов 4 декабря более 40 % делегатов, стоявших на позициях правых эсеров,

обвинив левых эсеров и большевиков в различных нарушениях при проведении съезда, в первую очередь в подтасовке мандатов, покинули его и до 11 декабря заседали отдельно, назвав себя Всероссийским съездом Советов крестьянских депутатов (в составе 347 делегатов, стоявших на защите Учредительного собрания). Они приняли несколько резолюций и воззваний, а на 8 января 1918 года назначили новый съезд [3: с. 54].

Второй съезд Советов крестьянских депутатов завершился 10 декабря, приняв по основным вопросам большевистские резолюции. Он также обвинил исполком Первого Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов в борьбе с советской властью и соглашательстве с буржуазией и помещиками [3: с. 55].

Борьба за влияние в руководящих органах Советов крестьянских депутатов шла не только в центре, но и на местах. В качестве примера можно привести Московский регион. На этой территории действовало Московское областное бюро Советов, в которое входили рабочая, солдатская и крестьянская секции. В Московскую область были включены 14 губерний центра России: Владимирская, Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Московская, Нижегородская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская и Ярославская.

11 ноября 1917 года крестьянская секция, состоявшая почти целиком из одних правых эсеров, заявила о своем выходе из бюро Центральной области Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, мотивируя это нежеланием работать с «виновниками гражданской войны», т. е. с большевиками. После этого оставшаяся часть бюро, по предложению большевиков, приняла резолюцию, в которой выражалось удовлетворение уходом крестьянской секции, поскольку «вся тактика правых с-р-ов есть тактика контрреволюционеров». В соответствии с резолюцией областное бюро Советов объявлялось информационным учреждением по созыву областного съезда для выборов нового руководящего органа Центральной области, который бы соответствовал «действительному направлению масс объединенных Советов». Решено было созвать съезд рабочих и крестьянских депутатов независимо от того, что крестьянская секция вышла из областного Совета и выступила против этого съезда и участия в нем Советов крестьянских депутатов.

В письме Московского областного бюро РСДРП (б) в Калужский губком большевистской партии 23 ноября 1917 года, а письмо такого содержания было направлено и в губкомы РСДРП (б) других губерний Центра России, ставилась задача: «Особое внимание необходимо обратить на Советы крестьянских депутатов, которые нигде почти не перевыбирались и находятся в руках правых с-р. Надо принять все меры к тому, чтобы эти Советы были перевыбраны, чтобы они перешли в наши руки». В письме отмечалась необходимость создания при Советах рабочих и солдатских депутатов специальных отделов для ведения работы среди крестьянства, ведения самой энергичной агитации за то, чтобы

крестьянские депутаты приняли участие в съезде. Подчеркивалось, что в крайнем случае «не надо останавливаться и перед расколом Советов крестьянских депутатов» (Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. П-1034. Оп. 1. Д. 5. Л. 4).

Во все Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Центральной области ушло обращение от имени областного исполкома этих Советов, в котором сообщалось, что на 10 декабря исполком Совета рабочих и солдатских депутатов созывает съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 14 губерний, входящих в состав Московской области, а также все солдатские организации Московского военного округа. На съезде предполагалось рассмотреть вопросы общеполитического характера: текущий момент, организационные вопросы, взаимоотношения Советской власти и Учредительного собрания, продовольственный вопрос и другие, — а кроме того, специальные, которые намечались для обсуждения на секциях. Так, на крестьянской секции должны были рассматриваться вопросы укрепления организации Советов крестьянских депутатов и о земельной реформе.

При выборах делегатов на съезд Советы рабочих и солдатских депутатов избирали их совместно на общих собраниях этих Советов согласно следующей норме: от 5 до 10 тысяч — один делегат, от 10 до 20 тысяч — два делегата и так далее. В письме подчеркивалось, что сохраняя одну и ту же норму представительства для солдат и рабочих облисполком, считаясь «со специально организационными задачами, стоящими перед солдатами», предлагает всем солдатским организациям кроме установленного числа делегатов согласно норме выбрать столько же делегатов с правом совещательного голоса. Эти делегаты, пользуясь правом совещательного голоса на пленарных заседаниях, в своей солдатской секции должны были иметь уже право решающего голоса. Норма представительства от крестьянства была другая: каждый уездный Совет крестьянских депутатов выбирал независимо от количества населения двух делегатов. Выборы наряду с уездным Советом крестьянских депутатов мог проводить и исполком Совета, если созвать Совет по какой-либо причине было невозможно. Кроме того, губернский Совет или его исполком могли послать еще двух делегатов.

В письме также говорилось о том, что Советы крестьянских депутатов в большинстве случаев были избраны несколько месяцев назад и поэтому их состав «в данный момент зачастую уже не отражает настроения и образа мыслей избирателей...» Поэтому Московский облисполком считал желательным проведение перевыборов как уездных, так и губернских Советов крестьянских депутатов. «Инициативу перевыборов, — указывалось в письме, — могли бы, в случае надобности, взять на себя местные Советы рабочих и солдатских депутатов...» Для этого им рекомендовалось ставить этот вопрос или перед Советами крестьянских депутатов, или непосредственно перед крестьянами путем направления представителей в волости, распространения в деревне своих воззваний (ГАСО. Ф. 383. Оп. 1. Д. 23. Л. 30).

В свою очередь Московский областной исполком Совета крестьянских депутатов также обратился с письмом к Советам крестьянских депутатов, где сообщал о своем выходе из состава объединенного областного исполкома Советов и о решении продолжать свою деятельность самостоятельно. При этом большевики были названы «самозванцами», так как они, не считаясь с данным решением, продолжали говорить от имени исполкома крестьянских депутатов. Большевиков обвинили в решении «расколоть крестьянские советы» путем созыва 10 декабря в Москве крестьянского съезда «в надежде создать свой большевистский областной Совет крестьянских депутатов».

В адрес большевиков прозвучали также обвинения в захвате власти и приведении страны в состояние распада и анархии, чинимых насилиях, арестах социалистов, подготовке «разгрома» Учредительного собрания, предательстве революции и свободы. Отмечалось, что спасение революционной демократии возможно «в стойкости, крепости и организации». Письмо заканчивалось призывами не позволять «разрушать никому единственные крестьянские Советы крестьянских депутатов» (ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 109).

На заседании областного исполкома крестьянских депутатов с участием представителей губернских Советов крестьянских депутатов, где обсуждался вопрос о созываемом большевиками 10 декабря съезде, было решено участие в его работе не принимать, а поэтому делегатов на съезд не посылать. Было отмечено, что областной крестьянский съезд может быть созван только правомочной крестьянской организацией, какой является Московский областной исполком Советов крестьянских депутатов. На заседании был выражен протест против наименования рабочих и солдатских секций областного исполкома Московским областным исполкомом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Президиуму облисполкома Советов крестьянских депутатов было поручено созвать «в ближайшее время» 2-й областной съезд Советов крестьянских депутатов. Его было намечено провести 19 декабря (ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 109).

Однако, несмотря на это, большевики созвали 10 декабря Московский областной съезд Советов. Среди его делегатов большевики составляли 72 %, левые эсеры — 18 %, прочие партии и беспартийные — 10 % [1: с. 104].

Съезд одобрил политику Совнаркома, признал неправомочным состав старого Московского областного бюро Советов и его правозэсеровской крестьянской секции. В сформированный съездом областной исполком Советов из 45 человек вошли 34 большевика, 10 левых эсеров и один меньшевик. В составе президиума исполкома из 15 человек было 11 большевиков и 4 левых эсера. Вновь созданная крестьянская секция Совета теперь состояла только из большевиков и левых эсеров. По аналогичному сценарию проходили и другие губернские съезды, где представители правых эсеров и других партий практически отсутствовали. Например, на Калужском губернском съезде, проходившем в декабре, среди 500 делегатов большевики составили 71 %, левые эсеры — 11 %, беспартийные — 18 % [1: с. 242].

В результате большевикам удалось сломить правозсеровские исполкомы Советов крестьянских депутатов Московской области в губернских и уездных центрах главным образом благодаря их изоляции, большей частью насильственной, на фоне пассивности основной массы крестьянства. Наиболее характерными методами, которыми пользовались при этом большевики, были расколы крестьянских съездов, созыв собственных съездов, не имевших правильного представительства. Такие съезды принимали резолюции, одобрявшие действия новой власти, избирали свои исполкомы и выносили решения о слиянии с Советами рабочих и солдатских депутатов. При этом к правозсеровским исполкомам «применялись нередко меры принуждения, приводившие к их ликвидации» [2: с. 19]. Аналогичным образом складывалась ситуация и в других регионах России.

Литература

1. *Марченкова Н.П.* Тактика блока партии большевиков с левыми эсерами в период подготовки победы и развития Октябрьской социалистической революции (на опыте Московской областной партийной организации): дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 252 с.
2. *Попов В.А.* Советы крестьянских депутатов Московской области в 1917 – начале 1918 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 20 с.
3. *Фельштинский Ю.Г.* Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 – июль 1918. Париж: ИМКА-Пресс, 1985. 288 с.

Literatura

1. *Marchenkova N.P.* Taktika bloka partii bol'shevikov s levymi e'serami v period podgotovki pobedy i razvitiya Oktyabr'skoj socialisticheskoj revoljucii (na opy'te Moskovskoj oblastnoj partijnoj organizacii): dis. ... kand. ist. nauk. M., 1977. 252 s.
2. *Popov V.A.* Sovety krest'yanskix deputatov Moskovskoj oblasti v 1917 – nachale 1918 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1993. 20 s.
3. *Fel'shtinskij Ju.G.* Bol'sheviki i levy'e e'sery'. Oktyabr' 1917 – iyul' 1918. Parizh: IMKA-Press, 1985. 288 s.

A.I. Yuriev

The Struggle between the Socialist Revolutionary Party and Bolsheviks for Influence on Soviets of Peasants' Deputies after the October Revolution of 1917

In the article on the basis of various archival documents and materials the issue of the struggle between the Socialist Revolutionary Party and Bolsheviks for influence on Soviets of Peasants' Deputies councils after the October revolution in November and December of 1917 is considered.

Keywords: Soviets of Peasants' Deputies; Socialist Revolutionaries; Bolsheviks; left Socialist Revolutionaries; congress.

Т.В. Амброше

Соловецкая школа юнг ВМФ СССР в 1942–1945 годах: антропологический ракурс

В статье рассматриваются социально-психологические факторы, оказавшие влияние на формирование личности соловецких юнг в годы Великой Отечественной войны. В публикации вводятся в научный оборот документы Центрального военно-морского архива, позволяющие реконструировать повседневную жизнь Школы юнг ВМФ на Соловецких островах в 1942–1945 годы.

Ключевые слова: Школа юнг ВМФ; Соловецкие острова; военно-историческая антропология; Великая Отечественная война; соловецкие юнги.

На современном этапе осмысления военного прошлого России выпускники Соловецкой школы юнг стали одним из символов военно-морского флота. Школа юнгов ВМФ¹ была основана по Приказу наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г. Кузнецова в мае 1942 года на базе Учебного отряда Северного флота (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2) и, просуществовав на Соловецких островах до осени 1945 года (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 4. Л. 52–53), подготовила за указанный период 3 выпуска специалистов для всех флотов и флотилий Советского Союза — всего 4111 человек (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 2. Л. 190). В Школе готовили рулевых, радистов, боцманов, электриков и мотористов (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 94). Четверо юнг стали Героями Советского Союза, семеро юнг награждены орденом Красного Знамени, более 150 человек — орденом Отечественной войны I и II степени, 130 человек — орденом Красной Звезды, сотни юнг — медалями Ушакова, Нахимова и другими боевыми наградами [11: с. 9]. В послевоенный период юнги становились Героями Социалистического труда, заслужили признание как ученые, писатели, деятели искусств, изобретатели, тренеры, общественные деятели. Само понятие «соловецкие юнги» благодаря выпускникам Школы юнг ВМФ вышло далеко за пределы возрастных, хронологических и географических рамок.

Первые во всеуслышание о соловецких юнгах заговорили в 1969 году, когда на уфимском телевидении прозвучал музыкальный привет бывшего соловецкого юнги Аркадия Ежова своим товарищам по Школе юнг. Это стало толчком для объединения юнг-ветеранов сначала в региональные советы,

¹ Именно так она именуется в приказах НК ВМФ, однако в исторической литературе чаще используется название «Школа юнг», а сами учащиеся значатся как «юнги», «юнгаши».

а затем в Центральный совет юнг-ветеранов в Москве [8: с. 12]. Они встретились на Соловках в 1972 году на 30-летию основания Школы, после чего началось широкое движение по сбору материала о юнгах. Краеведческие организации и школьные музеи славы стали местом накопления ценного фактического материала о земляках-юнгах.

Историю Соловецкой школы юнг начали освещать бывшие юнги, ставшие писателями [1–3; 6]. В основе произведений лежали воспоминания авторов — непосредственных участников событий. Данные повести предназначались для детско-юношеской аудитории, они носили патриотически-воспитательный характер, следовательно, акценты в них были смещены в сторону героики войны, события пропущены через фильтр внешней и внутренней цензуры и отражены через призму ценностей, идеалов и образцов поведения советского времени. Газетные публикации советского и постсоветского периода о соловецких юнгах носили разный характер: репортажные — фиксировали мероприятия, связанные с юбилейными встречами юнг-ветеранов на Соловках, биографические — описывали частные истории наиболее выдающихся выпускников школы юнг, мемуарные — обычно представляли собой интервью с бывшими юнгами.

Кроме того, тема соловецких юнг стала предметом научного осмысления, однако лишь на уровне выпускных квалификационных работ. В 1977 году в Петрозаводске была защищена дипломная работа студентки ПетрГУ Г.М. Мехниной «Школа юнг ВМФ в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.)» [8: с. 49–74]. Материалы этой работы представляли собой ряд статистических данных по выпускам — количество юнг, специальности, место распределения; одновременно уделялось много внимания роли партии в воспитательном и образовательном процессе, повседневная жизнь Школы юнг показывалась как безукоризненный учебный процесс.

Смена парадигмы изучения военного прошлого в конце XX века сделала возможным деидеологизированное освещение данного вопроса — историк получил право писать не только о мужестве и самоотверженности юных моряков в годы Великой Отечественной войны, но и о трудностях, с которыми им пришлось столкнуться при претворении в жизнь мечты о фронтовой службе. Открытые архивами новые документы и свидетельства позволяют путем их кропотливого изучения и анализа восстанавливать реальность — методично, без лозунгов, — такая реальность редко бывает красивой.

Современный этап развития исторической науки характеризуется усилением интереса к изучению проблемы «человек и война» в рамках новой отрасли — военно-исторической антропологии. В рамках этого подхода, абстрагируясь от «великих целей» войны и государственных задач, историки в первую очередь демонстрируют социокультурное измерение войны.

Объектом военно-исторической антропологии является человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты

жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия и пути преодоления. Это определяет взаимодействие дисциплины с психологией, социологией, культурологией; с некоторыми конкретными историческими дисциплинами — исторической демографией, этнологией и рядом других наук [7: с. 12–13].

Антропологические исследования неразрывно связаны с изучением повседневной жизни, позволяющим воссоздать условия, в которых происходит включение конкретной группы в определенный тип социальных отношений, формирование жизненных ценностей и целей, специальных умений и личных качеств.

Особую ценность в изучении повседневной жизни Соловецкой школы юнг представляют внутренние документы Учебного отряда СФ и ШЮ ВМФ, хранящиеся в ЦВМА, которые дают объемную, беспристрастную картину внутренней жизни школы юнг. Редким документом является дневник соловецкого юнга 1-го набора Б. Московского [5]. Записи охватывают период с 1 марта по 30 июля 1943 года, но даже этот отрывок дает моментальный снимок эпохи, передает впечатления, настроения и детали юнгашеской повседневной жизни. Дополняет общую картину множество воспоминаний и анкет юнг, собранных работниками Соловецкого музея-заповедника.

Первым шагом на пути к историческому бессмертию для этих подростков стали 11 месяцев обучения в Школе юнг УО СФ на Соловецких островах. К лету 1942 года в связи с тяжелой боевой обстановкой флот испытывал острейший дефицит кадров, срочно искали резервы. Приказ адмирала Н.Г. Кузнецова «О создании школы юнг ВМФ» (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2) уходил корнями в давнюю морскую традицию — набор юнг в корабельные экипажи. Согласно приказу Школа юнг должна была готовить кадры рядовых специалистов высокой квалификации для всех флотов и флотилий СССР. Штатная численность переменного состава определялась в 1500 человек. Школу планировалось укомплектовать юношами-добровольцами в возрасте 15–16 лет, имеющими образование 6–7 классов, через комсомольские организации в районах (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 1–2). Кроме заявления нужно было предоставить выписку из ЗАГС о рождении; справки об образовании, о состоянии здоровья, о несудимости; справку с места работы о согласии отпустить (для работающих); автобиографию. Предпочтение отдавалось детям-сиротам и членам семей военнослужащих (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 11).

Обучение юнг складывалось из 2-месячной общестроевой подготовки и 9-месячного обучения по специальности (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 7–10). С самого начала командованием решено было широкого оповещения о наборе в Школу юнг не производить (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 20. Л. 44.). Отбор кандидатов поручили городским комитетам ВЛКСМ (ЦВМА.

Ф. 864. Оп. 1. Д. 188. Л. 2). В ряде ГК ВЛКСМ отбор кандидатов был пущен на самотек, для отправки на сборный пункт брались случайные подростки с улицы без документов, без учета возраста и образования (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 71). Желаящих было много: «Жажда мести за сожженные города и села, за смерть тысяч мирных советских людей, родных наполняла наши юные сердца. Мы хотели с оружием в руках участвовать во всенародной битве с врагом» [4: с. 17].

Многие юноши шли на обман, чтобы осуществить мечту о военной службе: они подделывали документы об образовании, писали за родителей согласие на обучение в школе, проходили медкомиссию по чужим документам, скрывали наличие репрессированных родственников². Кроме того, через Управление подготовки и комплектования ВМФ присылались в качестве кандидатов в юнги сыны полков, воспитанники кораблей и партизаны-подростки из освобожденных районов (ЦВМА. Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 129). По распоряжению начальника Соловецкого гарнизона П.С. Броневицкого произвели набор в Школу юнг и в Соловецком гарнизоне из числа желающих подростков — детей вольнонаемного и военнотрудового составов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 2. Л. 29).

Окончательное комплектование состава учащихся происходило в Архангельске, где будущие юнги проходили мандатную, военно-врачебную и приемно-техническую комиссии (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 187. Л. 163). В итоге на обучение в Школу юнг зачислили подростков, возраст которых варьировался от 13 до 17,5 лет, уровень образования от 4 классов школы до 2 курсов техникума (ЦВМА.Ф. 864. Оп. 1. Д. 188. Л. 12). Зачисление в Школу юнг после прохождения многоэтапного отбора из множества кандидатов давало будущим морякам уверенность в своей «избранности». Об особом положении юнг и огромной ответственности, которая в связи с этим на них ложится, им постоянно напоминали на еженедельных политзанятиях и политинформациях (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 12. Л. 12).

Высокий статус юнг определялся не только тем, что они стали полноправными военнотрудовыми, не достигнув призывного возраста, но и тем, что они принадлежали к военно-морскому флоту. Этот род войск еще со времен Петра I в силу своего стратегического значения, специальных требований к личному составу, ореола романтики путешествий считался элитарным. Изучая историю русского флота, знакомясь с биографиями прославленных адмиралов Ушакова, Нахимова, Макарова, Лазарева и др., говоря о славе Гангута, Чесмы и Синопа, преподаватели подчеркивали, что советские моряки, в том числе и юнги, являются достойными преемниками традиций русского флота, наследниками его славы (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 12. Л. 10). В связи с этим юнги надеялись на уважительное отношение к себе со стороны

² Воспоминания Соловецкого юнга 1-го набора Рейнгольда Карловича Вида [Электронный ресурс] // Сайт ветеранов войны, юнг Северного флота, 2016. – URL:<http://nordflot.ru/pages/1514.php> (дата обращения: 24.12.2015.) – Загл. с экрана.

старших по званию, однако реалии повседневной жизни не соответствовали ожиданиям.

Школа юнг стала пятой школой в составе Учебного отряда Северного флота на Соловках. Приказом командира УО СФ П.С. Броневицкого на должность начальника Школы юнг был назначен капитан 3 ранга Н.И. Иванов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 2. Л. 2). Военным комиссаром школы стал полковой комиссар Ф.С. Щигорёв (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 2. Л. 3). Инструкторский и преподавательский состав был укомплектован частично за счет школ УО СФ, а также из резерва ВС СФ (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 9. Д. 10. Л. 283–284). Впервые в истории Военно-морских сил они должны были за короткое время обучить морскому делу подростков 13–17 лет (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 276). Боевой опыт и опыт воспитательной работы с таким контингентом военнослужащих у большинства из них отсутствовал (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 19. Л. 18).

Юнг разделили на два учебных батальона. В каждом батальоне — по три роты. Роты делились на смены в соответствии со специальностью. В смене по 20–25 юнг (ЦВМА. Ф. 2469. О. 4. Д. 2. Л. 30). Разница в возрасте, общеобразовательной подготовке и мотивации порождали серьезные сложности при комплектовании учебных смен, выработке учебных планов, организации быта юнг.

По прибытии на Соловки юнги столкнулись с трудностями, к которым многие были физически и морально не готовы, и крушением надежд: на бескозырках были не выпущенные ленты, а «бантики»; вместо винтовок в руках — лопаты; вместо штурвала — ручки и карандаши; вместо полноценного флотского пайка — недовес продуктов при раздаче; вместо уважения к будущим героям — в лучшем случае снисходительно-безразличное, а в худшем — оскорбительное отношение старшин смен.

«Необходимость помимо учебного процесса активно включаться в хозяйственную деятельность, заниматься самообслуживанием, выполнять различные воинские наряды утомляла юнг, которые в большинстве своём были непривычны к подобному режиму существования» [10: с. 46]. Действительно, подросткам приходилось стирать, ходить в наряды на камбуз, дневалить по кубрику, вскакивать ночью по тревоге, заготавливать дрова и ягоды. Местом размещения Школы юнг стал бывший Савватиевский скит (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 1. Л. 5). Подготовить жилые помещения для полутора тысяч человек к началу сентября в гарнизоне не успели, поэтому юнг поселили в палатках, и многие помещения Школы юнгам первого набора пришлось строить самим с помощью личного состава Учебного отряда СФ (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 2. Д. 3. Л. 40).

Участие в строительстве собственной Школы не освобождало юнг от обязанности постигать морскую и военную науку. Формально занятия в школе начались с 1 сентября 1942 года. «Учились в землянках, а на работу ходили поротно через два дня на третий. Суббота отводилась на уборку территории, штопку обмундирования, стирку белья. Развелось огромное количество вшей.

Их не ловили, а просто стряхивали. Всем есть хотелось. Треть роты лежала на госпитальных койках. Начальник школы, капитан II ранга Иванов, заменял педагогику жестокостью параграфа» [10: с. 48].

Проведенная 25 октября 1942 года проверка Школы командованием УО СФ выявила, что организация службы находится на низком уровне, командиры плохо ознакомлены с нуждами юнг, в ротах грязно, вшивость, не контролируется посещение бани, одежда и обувь нечистые, низкая требовательность к учебному процессу, на камбузе грязь, случается недостача пайков, территория школы захламлена, повседневной заботы о юнгах со стороны начальствующего состава нет, обнаружена значительная недостача вещевого имущества, в результате нарушения правил противопожарной безопасности сгорела землянка-кубрик (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4 Д. 7. Л. 7).

Положение юнг в этот период не совпадало с их представлениями о флотской службе: практических занятий на воде не проводилось, материально-технической базы и учебников не хватало, старшины и офицеры не воспринимали их всерьез как людей, которым через несколько месяцев придется встать на боевую вахту. Юнги мирились с таким положением, надеясь, что перемены к лучшему последуют после окончания строительных работ.

С 7 ноября 1942 года — дня принятия юнгами военной присяги — Школа юнг стала полноправной воинской частью № 30835, которой было вручено боевое знамя [9: с. 7–8]. Но бытовая неустроенность и дезорганизованность учебного процесса первых месяцев службы не исчезли, не исправил ситуацию и переезд юнг из палаток в землянки в начале ноября 1942 года (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 035611. Д. 1. Л. 19). Идеальных условий для учебы не было. Землянка обычно была рассчитана на 52 человека (2 смены юнг по 25 человек и 2 старшины), вдоль стен располагались 3-ярусные нары (Архив СГИАПМЗ. Ф. УО СФ и ШЮ ВМФ. Анкета юнги 1-го набора Ракова С.К., 06.03.1978 г.). В головах нар были полочки для мелочей. Конспекты хранили под подушкой или под матрасом (Архив СГИАПМЗ. Ф. УО СФ и ШЮ ВМФ. Анкета юнги 1-го набора О.Т. Копинского 21.05.1977 г.). Нередко один учебник приходился на целую смену в 20–25 человек (ЦВМА. Ф. 202. Оп. 024066. Д. 133. Л. 276). Сложно было достать электролампы, мел для досок, из-за недостатка дров замерзали чернила. Юнги делали себе тетради, сшивая скрепками канцелярские бланки (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 19. Л. 33).

Антисанитарное состояние камбуза и столовых приводило к возникновению желудочно-кишечных заболеваний. Основными причинами эпидемий назывались необеспеченность кипяченой водой, нехватка чистого белья, антисанитарное состояние галюнов, загрязненность территории фекальными массами (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 8. Л. 30). Рядовым явлением в Школе юнг была вшивость (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 6. Л. 17).

Как свидетельствуют документы, столкнувшись с подростковым стремлением к независимости и неуступчивостью, старшины зачастую применяли

рукоприкладство, подменяя воспитание грубостью и издевательствами (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10.). Имело место и девиантное поведение офицеров: они «нередко пьянствовали» (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. ЛЛ. 59,67) и «халатно относились к преподавательским обязанностям» (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 50, 55) в надежде, что их скоро отправят на фронт. Невыполнение командирами своих прямых обязанностей приводило к различным чрезвычайным происшествиям: юнги тонули (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 113), их забывали на островах во время учебных (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 70.) и трудовых выездов [10: с. 52], не забирали вовремя с гарнизонной гауптвахты после отбытия наказания (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 8. Л. 15). У подростков такое положение дел вызвало ответную реакцию, выражавшуюся в нарушении дисциплины, ставшее массовым явлением. Из-за недовеса хлеба и малых порций еды юнги отказывались выходить на занятия (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 84). Бунтарский характер подростков выразился в кражах (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 1), злостном непосещении занятий (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 30), невыполнении приказов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10).

Юнги практиковали разные способы сведения счетов со старшими по званию: «Однажды, когда наш старшина крепко уснул, четверо юнг, мстя за притеснения, вынесли койку вместе с ним к озеру и поставили ее в воду у глубокого места. Один из юнг отбил в рынду боевую тревогу. Старшина кубарем свалился с койки и, стоя по грудь в воде, никак не мог понять, где он, и что происходит» [11: с. 47]. Командира 5-й роты Курочкина забросали в столовой хлебом (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 20. Л. 36). Однако до военных трибуналов дело доходило лишь в самых исключительных случаях (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 50).

В сложившейся ситуации те из подростков, кто не имел достаточной внутренней мотивации к учебе и не обладал волевым характером, начали искать способы покинуть Школу. Некоторые юнги намеренно нарушали дисциплину, чтобы быть отчисленными (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 3. Д. 3. Л. 10.), других забирали родители или комиссовали по состоянию здоровья (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 1. Д. 1. Л. 30). Командованием УО СФ была зафиксирована попытка самоубийства юнгой, случившаяся из-за незаконной замены дисциплинарного ареста чисткой галюна (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 15. Л. 62). Проверка на 1 января 1943 года показала 38 % отстающих в учебе, что подтверждало общее неудовлетворительное состояние процесса обучения в Школе юнг (ЦВМА. Ф. 910. Оп. 1. Д. 12. Л. 42).

Командир УО СФ Броневицкий по результатам проведенных проверок сделал соответствующие оргвыводы и, чтобы создать нормальные условия для учебы, назначил комиссию для перемещения 2-го батальона Школы юнг в Кремлевский поселок (ЦВМА. Ф. 202. О. 024066. Д. 133. Л. 280). В результате Школа разделилась на две части, это дало возможность улучшить учебный процесс и быт юнг.

Общая ситуация в Школе юнг привела к кадровым решениям. В связи с тем, что выполнение задачи по подготовке специалистов высокой квалификации для ВМФ оказалось под угрозой срыва, с 15 января 1943 года на должность комиссара ШЮ УО СФ был назначен капитан 3 ранга С.С. Шахов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 6), а 10 марта 1943 года начальником Школы юнг УО СФ стал капитан 1 ранга Н.Ю. Авраамов (ЦВМА. Ф. 2469. Оп. 4. Д. 7. Л. 24). С появлением в Школе юнг Н.Ю. Авраамова ситуация начала меняться в лучшую сторону. Во-первых, Авраамов сам был юнгой: в 14 лет поступил в Морской кадетский корпус и прошел путь от кадета до капитана корабля. Во-вторых, Николай Юрьевич стал квалифицированным педагогом и организатором, получив опыт работы в учебных отрядах ВМФ, и написал ряд учебников для морских учебных заведений. В-третьих, в Школе юнг начинал учиться его сын Георгий. В-четвертых, Николай Авраамов — участник Гражданской и Великой Отечественной войн, кавалер множества орденов — пользовался авторитетом у личного состава. Под руководством Н.Ю. Авраамова в Школе юнг начал оформляться другой тип взаимоотношений, базирующийся на осознании командным и старшинским составом возложенной на них ответственности по подготовке юнг к участию в реальных боевых действиях. Авраамов из собственного опыта выбирает наиболее эффективные способы взаимодействия с таким сложным контингентом, как подростки. По воспоминаниям юнги первого набора Г. Тарашука: «Николай Юрьевич, талантливый педагог, сумел донести до юнг мысль, что без специальных знаний и умений в море нечего делать — врага не победить, а только рыб кормить. Среди смен начинается соревнование за отличную учебу» [8: с. 106]. Н.Ю. Авраамов показывал пример строгого, но обязательно корректного отношения к воспитанникам, уравнивал дисциплинарные требования к юнгам, старшинам, офицерам. Воплотил на практике педагогическую истину: «требуешь от других — начни с себя», поощрял в юнгах такие качества, как взаимопомощь, взаимовыручка, смекалка. Уважительное отношение со стороны начальника Школы вызывало у юнг стремление оправдать кредит доверия.

Юнги и по прошествии многих лет из всех своих преподавателей в первую очередь вспоминали Николая Юрьевича. Юнга первого набора В.С. Пикуль писал: «Авраамов заслужил нашу особую любовь, когда мы стали ходить в море. Он проделывал с нами убедительные фокусы. Бывало, идем под парусом в ветер, вода уже обтекает планширь, и кажется, что море вот-вот заплеснет внутрь, а капранг велит нам ложиться вдоль накрененного борта еще больше его накреняя. А впечатление незабываемое! У самых губ твоих, заколдовывая мраком, проносятся таинственная глубина. Благодаря ему, любовь к воде скоро стала доходить у нас до смешного» [10: с. 56]. С приходом Н.Ю. Авраамова в Школу в коллективе появляется тенденция к установлению позитивной рабочей атмосферы. Как в любой изолированной группе, обладающей специализированными, ценными в глазах окружающих, знаниями и умениями [12: р. 209–211], у юнг начинает

формироваться собственная субкультура. Эти процессы усиливаются наличием профессионального сленга, понятного только морякам, спецификой флотской одежды и романтикой морской стихии [13: р. 16].

Юнги приучались к морской терминологии, поэтому свои палатки, а позже землянки они по-флотски называли кубриками, пол — палубой, туалет — гальюном, вещевые склады — баталерками, кухню — камбузом, а поваров — коками. Складывался особый быт, тесно связанный с будущей службой, — отбивали склянки, горнист играл «Побудку» и «Отбой». [5: с. 34]. Форма как символ принадлежности к новой социальной группе стала предметом особой заботы и внимания. Например, из фанеры от ящика из-под консервов «выкраивали» нечто, похожее на штанины, намывливали складки на брюках, натягивали на фанерные листы — и под матрас, а утром брюки будто наглаженные [8: с. 130].

Морская стихия становится местом, где юноши во время занятий, соревнований, тренировочных выходов получают возможность самоутвердиться. В рамках предложенной государством формы социализации подростки активно усваивают нормы и ценности, диктуемые референтной частью группы (Н.Ю. Авраамов и другие боевые офицеры).

Подростковый кризис идентичности, совпавший по времени с обучением в Школе, благодаря тому, что приобретенные профессиональные навыки отвечали общей задаче советских людей победить врага любой ценой, у юнг, освоивших курс подготовки, прошел успешно. Впоследствии благодаря этому результативной была и профессиональная реализация в мирное время.

Для выпускников Школы юнг 11 месяцев, проведенных в ней, стали переходным этапом из детства во взрослую жизнь, когда, с одной стороны, была романтика старой крепости и фантазии на тему кладов и приведений [8: с. 81], а с другой — осознание того, что скоро им придется по-настоящему убивать, убивать ради того, чтобы не было больше войны, смерти, чтобы все могли жить счастливой жизнью, и принятие этой ответственности [5: с. 28]. Отражением этих настроений стал юнгашеский фольклор, главным образом стихи. Весной 1943 года у Школы появилась и своя песня-гимн «Мы, юнги флота, крепки, как бронь».

Мы сами строим нашу школу Юнгов
И видим радость в собственном труде,
Пойдем навстречу штормам, бурям, выгоям
За то, что нами создано в борьбе.

Припев: Мы, юнги флота, крепки, как бронь,
За честь народа пойдем в огонь.
Фашистским зверям мы отомстим,
В победу верим и победим [10: с. 49].

Материалы, связанные с историей повседневности Школы юнг и особенностями восприятия подростками экстремальных условий жизни на Соловках (налицо были все антропологические факторы: бытовая неустроенность,

необходимость самообслуживания, недоедание, неуставные взаимоотношения, климатические условия и т. п.), могут служить источником для осмысления военного прошлого с позиций новых исследовательских траекторий, например, гендерных аспектов исторической психологии или истории эмоций. Подросткам в отличие от взрослых присуще упрощенное восприятие категории смерти: по-настоящему они в нее не верят, часто расценивают, как нечто романтическое, яркое и впечатляющее. Такое восприятие усиливала официальная многолетняя советская пропаганда, утверждавшая наиболее героический вариант патриотизма — погибнуть «За Родину! За Сталина!» Кроме того, юнги требовали к себе отношения как к взрослым и, оказавшись в боевых условиях, стремились доказать, что достойны этого. С такими предпосылками распределившиеся на флота и флотилии юнги стали лидерами «групповых настроений». Их героическое поведение становилось мощным психологическим импульсом для окружающих, готовой моделью поведения. В Школу посылали благодарности, а юнг за подвиги отмечали правительственными наградами, часто посмертно.

Юнги быстро влились в общую флотскую культуру и в экипажи кораблей, растворились в массе краснофлотцев, разъехавшись по флотам и флотилиям. Растворились настолько, что до 1969 года не испытывали необходимости поддерживать особую, отдельную память о своем ученическом периоде, идентифицируя себя с военно-морским флотом в целом, а не изолированно со Школой юнг. Для них самих период действия долгие годы был значимее периода подготовки. И только мудрость возраста заставила по-другому взглянуть на месяцы, проведенные на Соловецких островах.

Школа юнг стала для своих выпускников промежуточным этапом из детства во взрослую жизнь, этапом неоднозначным, однако те юнги, кто преодолел «кризис» перехода, несмотря на все возникавшие внешние и внутренние препятствия, оценивали его всегда положительно, так как получили в итоге желаемый результат (попали на военный флот).

В борьбе с обстоятельствами юнги за месяцы учебы на Соловках выработали очень полезное качество — резильентность, т. е. способность с достоинством преодолевать жизненные трудности, способность добиваться успеха в сложных условиях, для чего необходимы стойкость и дух созидания. Этот дух в полной мере сначала проявлялся на боевых рубежах, где их отвага и самоотверженность вызвали справедливое восхищение у старших по возрасту и званию сослуживцев, а затем и в гражданской жизни, на которую они перенесли практику высокой степени личной ответственности, приоритета позитивных ценностей и эффективного целеполагания.

Опыт жизненного пути соловецких юнг, которые наравне со взрослыми осваивали корабельные специальности, героически воевали на всех флотах и флотилиях и показали пример того, как сохранять общечеловеческие ценности (совесть, честь, долг, любовь к Отечеству) в нечеловеческих обстоятельствах, уникален.

В России в честь соловецких юнг называют улицы и площади. Памятники флотским подросткам стоят на Соловках, в Архангельске, Москве, Саратове. Музеи юнг есть в Екатеринбурге, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. Все они, ушедшие на фронт, были героями, с наградами или без. Их подвиг равнозначен подвигу всех солдат, матросов и офицеров, прошедших Великую Отечественную войну. Однако многие аспекты темы остаются нераскрытыми, большой комплекс документальных и личных источников, хранящихся в российских архивах и музеях, не введен в научный оборот, а данная тема до настоящего момента не явилась предметом научного анализа на уровне диссертационных исследований или монографий.

Литература

1. *Афанасьев Е.Ф.* Воевали юнги на Севере: докум. повесть. Магадан: Книжное издательство, 1971. 87 с.
2. *Вишнев П.П.* Юнги. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 112 с.
3. *Гузанов В.Г.* Юнги Северного флота. М: Издательство ДОСААФ, 1977. 144 с.
4. *Клочев С.Ю.* Соловецкий юнга из Белоруссии (Воспоминания юнги 1-го набора В.Е. Парабковича) // Известия Русского Севера. 2013. № 6 (24). С. 16–19.
5. *Московский Б.Д.* Дневник соловецкого юнги первого набора // Школа юнг Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 гг.). Соловецкая школа юнг ВМФ (1942–1945 гг.) / сост. В.В. Коваль и др. Архангельск: АНО РИИЦ «ИМ-Пресс», 2002. С. 21–38.
6. *Пикуль В.С.* Мальчики с бантиками. Л.: Детская литература, 1979. 219 с.
7. *Сенявская Е.С.* Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология: ежегодник. 2002. М.: РОС-СПЭН, 2002. С. 5–22.
8. Соловецкая школа юнг ВМФ (1942–1945 гг.) / сост. В.В. Коваль и др. Архангельск: АНО РИИЦ «ИМ-Пресс», 2002. 170 с.
9. Соловецкая школа юнг ВМФ / сост. М.А. Луговая. Архангельск: Студия «Вектор», 2005. 16 с.
10. *Шамшурич В.А.* Морские волчата: Док. повествование о нижегородцах — выпускниках Соловецкой шк. юнг, лихих фронтовиков, написан. вместе с ними. Нижний Новгород: Книги, 2002. 160 с.
11. Школа юнг ВМФ на Соловецких островах 1942–1945 гг. / сост. Л.В. Литвинов, С.С. Шахов. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1981. 11 с.
12. *Jansen W.H.* The Esoteric-Exoteric Factor in Folklore//Fabula: Journal of Folklore Studies. 1959. Vol. 2. P. 205–211.
13. *Stewart, David J.* The Sea Their Graves: An Archaeology of Death and Remembrance in Maritime Culture (New Perspectives on Maritime History and Nautical Archaeology). Gainesville, University Press of Florida, 2011. 256 p.

Literatura

1. *Afanas'ev E.F.* Voevali yungi na Severe: dokum. povest'. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, 1971. 87 s.
2. *Vishnev P.P.* Yungi. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 112 s.
3. *Guzanov V.G.* Yungi Severnogo flota. M: Izdatel'stvo DOSAAF, 1977. 144 s.
4. *Klochev S.Yu.* Soloveczkij yunga iz Belorussii (Vospominaniya yungi 1-go nabora V.E. Parabkovicha) // *Izvestiya Russkogo Severa*. 2013. № 6 (24). S. 16–19.
5. *Moskovskij B.D.* Dnevnik soloveczkogo yungi pervogo nabora // *Shkola yung Voenno-morskogo flota v gody' Velikoj Otechestvennoj vojny' (1942–1945 gg.) // Soloveczkaya shkola yung VMF (1942–1945 gg.) / sost. V.V. Koval' i dr. Arxangel'sk: ANO RIIC «IM-Press», 2002. S. 21–38.*
6. *Pikul' V.C.* Mal'chiki s bantikami. L.: Detskaya literatura, 1979. 219 s.
7. *Senyavskaya E.S.* Voenno-istoricheskaya antropologiya kak novaya otrasl' istoricheskoy nauki // *Voenno-istoricheskaya antropologiya: ezhegodnik*. 2002. M.: ROSSPE'N, 2002. S. 5–22.
8. *Soloveczkaya shkola yung VMF (1942–1945 gg.) / sost. V.V. Koval' i dr. Arxangel'sk: ANO RIIC «IM-Press», 2002. 170 s.*
9. *Soloveczkaya shkola yung VMF / sost. M.A. Lugovaya. Arxangel'sk: Studiya «Vektor», 2005. 16 s.*
10. *Shamshurin V.A.* Morskie volchata: Dok. povestvovanie o nizhegorodczax — vy'pusknikax Soloveczkoj shk. yung, lixix frontovikax, napisan. vmeste s nimi. Nizhnij Novgorod: Knigi, 2002. 160 s.
11. *Shkola yung VMF na Soloveczkix ostrovax 1942–1945 gg. / sost. L.V. Litvinov, S.S. Shaxov. Arxangel'sk: Severo-Zapadnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1981. 11 s.*
12. *Jansen W.H.* The Esoteric-Exoteric Factor in Folklore // *Fabula: Journal of Folklore Studies*. 1959. Vol. 2. P. 205–211.
13. *Stewart, David J.* The Sea Their Graves: An Archaeology of Death and Remembrance in Maritime Culture (New Perspectives on Maritime History and Nautical Archaeology). Gainesville, University Press of Florida, 2011. 256 r.

*T.V. Ambroche***Solovki Sea Cadet School of the Soviet Navy of USSR in 1942–1945:
Anthropological Perspective**

The article considers the social and psychological factors, which influenced the formation of the personality of Solovki sea cadets during the Great Patriotic war. In the notice the previously unpublished documents of the Central naval archive are introduced into scientific circulation. They enable us to reconstruct everyday life of Cadet School of the Soviet Navy on the Solovki Islands in 1942–1945.

Keywords: Sea cadet school of the Soviet Navy; Solovetki Islands; military and historical anthropology; the Great Patriotic war; the Solovki sea cadets.

Г.С. Иванов

Развитие легкой промышленности и торговли в Москве и области в послевоенные годы

В работе рассматривается развитие легкой промышленности и торговли Москвы и Московской области в послевоенный период с 1946 по 1950 годы в условиях преодоления последствий Великой Отечественной войны и удовлетворения потребностей населения в товарах.

Ключевые слова: СССР; Москва; Московская область; МГК (Московский городской комитет); МК (Московский комитет); торговля; легкая промышленность.

Уровень потребления товаров и услуг населением является наглядной иллюстрацией уровня жизни. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» в годы Великой Отечественной войны сплотил тружеников тыла. По всей стране, в том числе и в Москве и Московской области, гражданские предприятия освоили выпуск продукции военного назначения. Но война завершилась, страна начала возвращаться к мирной жизни. И первоочередными стали вопросы социального характера.

Послевоенный план развития народного хозяйства предусматривал отмену карточной системы, переход к развернутой торговле и рост материального благосостояния населения благодаря систематическому снижению цен на основные товары. Для реализации намеченных целей были решены следующие задачи: с помощью снижения цен на коммерческие товары и повышения пайковых цен удалось провести выравнивание розничных цен; были созданы запасы товаров, необходимые для поддержания бездефицитной торговли; существенно расширены сеть и площади торговых организаций; и самое главное — ликвидация государственной торговой монополии и разрешение частной и кооперативной торговли (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 21. Л. 9–10).

Чтобы наполнить рынок промтоварами и продовольствием и избежать дефицита, поднять уровень благосостояния населения, Совет министров СССР 9 ноября 1946 года принял постановление «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами широкого потребления кооперативными предприятиями» [1: с. 38]. В целях стимулирования торговли правительство разрешило предприятиям местной промышленности и кооперации закупать у крестьян пищевые продукты и сырье, предоставило налоговые льготы, разрешило устанавливать цены на готовую продукцию под государственным контролем, освободило от выполнения

непрофильных заказов [1: с. 38–39]. Одной из важнейших задач было восстановление торговой сети в рамках довоенного уровня, а также ее развитие — открытие новых торговых точек. Немаловажную роль играло развитие системы общественного питания, открытие новых ресторанов, кафе, столовых, чайных, закусочных, а также предприятий диетического питания. Всю сеть планировалось восстановить на довоенном уровне к 1950 году [1: с. 41, 42, 44].

В условиях послевоенного дефицита товаров широкого потребления, промкооперации Московской области предстояло решить следующие задачи: восстановить и расширить сеть производств на местах; расширить ассортимент товаров; улучшить качество продукции (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 94. Д. 1. Л. 1).

Благодаря мерам поддержки со стороны правительства промкооперация Московской области смогла уже к концу 1946 года открыть 57 магазинов и 181 палатку, реализовав через них продукции на 200 миллионов рублей (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 94. Д. 1. Л. 53). В 1947 году Облпотребсоюз имел уже 265 торговых точек в городах и поселках, из них в Москве — 59, общий объем кооперативной торговли составлял почти четверть всех объемов торговли (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 90. Д. 32. Л. 168). Промкооперация уже по результатам первого полугодия 1947 года перевыполнила план по выпуску товаров, что позитивно влияло на преодоление дефицита (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 90. Д. 32. Л. 169).

В Москве благодаря напряженной работе отдела торговли и общественного питания МГК ВКП (б) только за 1946 год торговая сеть увеличилась на 631 точку. Понижение цен на ряд коммерческих товаров повысило потребительский спрос, в связи с чем изменился профиль многих магазинов и пунктов общественного питания. По сравнению с 1945 годом сеть коммерческой торговли увеличилась на 306 объектов, а розничный товароборот составил 11,6 миллиардов рублей, превысив аналогичные показатели 1945 года почти вдвое (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 17. Л. 4–5).

Общее количество единиц торговой сети на 1 января 1948 года

(ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 234. Л. 2)

	01.01.1941	01.01.1947	01.01.1948
Магазины	2858	2980	3248
Палатки	4333	2541	3611
Всего:	8191	5521	6859
Фабрики-кухни	16	17	15
Рестораны, столовые	1053	1455	1332
Чайные, закусочные	175	133	133
Буфеты и прочие	2313	1295	2138
Всего:	3557	2900	3618

Существенную роль в преодолении дефицита товаров и поддержании продовольственного баланса в Москве сыграли колхозные рынки. Только в 1946 году колхозы Московской области увеличили суммарные продажи

продовольствия на рынках столицы на 121 % по сравнению с 1945 годом (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 17. Л. 8).

Отмена карточной системы и разрешение частной торговли предоставили покупателю право выбора, что, в свою очередь, привело к позитивным переменам. Расширился ассортимент товаров, повысилась культура обслуживания покупателей, стало улучшаться санитарное состояние торговой сети и предприятий общественного питания. Благодаря растущему спросу населения на товары и поддержке руководства МГК ВКП (б) уже к середине 1948 года торговая сеть была восстановлена на довоенном уровне и превысила ее размеры на 19 %. Следующим этапом на пути развития Москвы стало расширение торговли и сети предприятий общественного питания в окраинные районы города, внедрение новейшей техники, развитие системы доставки «под заказ». Важным шагом, направленным на повышение культуры торговли, стало активное внедрение практики фасовки продукции в индивидуальную упаковку до ее поступления в магазины (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 21. Л. 10–13).

Рост торговой сети и товарооборота, безусловно, означал рост продажи основных продуктов питания населению, о чем свидетельствуют данные таблицы, приведенной ниже.

Продажа товаров населению в г. Москве (за 1-е полугодие)

(ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 21. Л. 10)

Наименование товаров (в тысячах тонн)	1940 год	1947 год	1948 год
Хлеб	558,0	377,0	480,6
Крупы и макароны	79,4	24,9	64,9
Мясная и рыбная продукция	144,7	67,9	71,6
Жиры	27,0	18,7	25,7
Сахар и кондитерские изделия	108,0	32,3	71,5

Однако, основываясь на приведенных статистических данных, можно утверждать, что кондитерские изделия, а также мясная и рыбная продукция были не так востребованы, как основные продукты питания по двум причинам: первая — высокая стоимость, вторая — малые объемы товаров.

Потребление продовольствия на душу населения в г. Москве (за 1-е полугодие)

(ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 43. Д. 21. Л. 11)

Наименование товаров (в килограммах)	1940 год	1947 год	1948 год
Хлеб	127,5	88,7	111,8
Крупы и макароны	18,2	5,8	15,9
Мясная и рыбная продукция	33,2	15,9	16,7
Жиры	6,2	4,4	6,9
Сахар и кондитерские изделия	24,8	7,6	16,6

Анализ обеих таблиц наглядно иллюстрирует рост потребления населением продовольственных товаров, который уже в 1948 году вплотную приблизился к довоенным показателям. Без сомнения, позитивным фактором в повышении уровня жизни населения стало разрешение частной торговли.

В Москве работало 122 предприятия пищевой промышленности, которые обеспечивали город готовыми продуктами (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 232. Л. 1). После войны отрасль быстро восстанавливалась, уже в 1947 году 119 успешно выполнили план и только три хлебозавода (им. Сталина, им. Микояна и им. 17 партсъезда) не смогли выполнить план в связи с простоями из-за ремонта оборудования. На довоенный уровень выпуска продукции вышло только 40 предприятий, в том числе «Красный Октябрь», «Большевик», «Идеал», «Молмашстрой» и другие (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 232. Л. 2). Не удалось достичь намеченных планов по выпуску молока и мяса, однако по ряду изделий план удалось перевыполнить.

Выпуск продуктов сверх плана в 1947 году в тоннах
(ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 232. Л. 3)

Кондитерские изделия	22 457,7
Макаронные изделия	2165,4
Колбасные изделия	716
Сахар	8100
Мука	39 400
Рыбпродукты	2200

Увеличению производства продукции способствовала работа, проделанная отделом пищевой промышленности МГК. На предприятиях были организованы соревнования работников и совещания стахановцев, которые позволили распространять передовой опыт по организации производства. Как показала практика, эти мероприятия позволили предприятиям реализовать имеющиеся скрытые резервы и повысить объемы выпуска товаров. Были проведены два совещания-выставки по вопросам улучшения качества и оформления готовой продукции, на которых присутствовали секретарь МК и МГК Г.М. Попов, секретари Парфенов, Фирюбин, Данилов, а также министры вкусовой и легкой промышленности. На этих совещаниях Г.М. Попов дал указания руководителям кондитерских, парфюмерных, табачных и винных предприятий по пересмотру действующей этикетировки и названий, о выпуске новых сортов продукции в связи с подготовкой к празднованию 800-летия Москвы.

На заседаниях коллегий министерства пищевой и вкусовой промышленности обсуждались вопросы улучшения качества продукции, расширения ассортимента и улучшения ее оформления. Были разработаны конкретные мероприятия, направленные на улучшение и поддержание работы отрасли. Художественные советы при министерствах произвели проверку всего выпускаемого ассортимента и этикетировки. Из-за плохого оформления, низкого качества бумаги и прочим

причинам было запрещено для выпуска 175 этикеток. Были доработаны отдельные товары, не отвечавшие требованиям качества, а некоторая продукция снята с производства, например, были сняты с выпуска сорта печенья «Карпатская смесь», «Северное», «Походное», конфеты «Зима» и прочие. Прошли совещания представителей предприятий и торговых организаций в целях устранения недостатков по качеству и оформлению продукции. В результате проведения вышеперечисленных мероприятий улучшились качество, ассортимент и оформление продукции. Значительно был расширен ассортимент в сравнении с 1940 годом. Например, кондитерская фабрика «Красный Октябрь» выпускала в 1940 году 254 вида товаров, а в 1947 году более 300; фабрика «Дукат» вышла на довоенный уровень и выпускала 5 сортов табака и 18 сортов сигарет (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 42. Д. 13. Л. 17-19). Было проведено специальное совещание руководителей предприятий и начальников плановых отделов по вопросу о досрочном выполнении пятилетнего плана, в результате чего 42 предприятия из 122 взяли на себя обязательства о выполнении плана за 4 года (ЦГА Москвы. Ф. П-4. Оп. 42. Д. 13. Л. 22).

Довоенный уровень выпуска продукции в натуральном выражении был достигнут в 1948–1949 годах (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 232. Л. 4). Важнейшим условием успешного выполнения и перевыполнения планов стало широкое развертывание социалистического соревнования на предприятиях, направленное на увеличение выпуска продукции, улучшение ее качества, привлечение всех резервов предприятий и повышение производительности труда.

В целях выполнения и перевыполнения плана товарооборота и привлечения в торговую сеть большего количества промышленных товаров для снабжения населения перед работниками торговли встала задача — не только изыскать возможно большее количество дополнительных товаров на предприятиях государственной, местной и кооперативной промышленности, но и производить товары самими торгующими организациями, а также изыскивать пути дополнительного расширения товарного ассортимента.

На территории Московской области располагалось 91 предприятие текстильной промышленности и 34 предприятия легкой промышленности. Процессы их восстановления были связаны с рядом проблем (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 56. Л. 73). На предприятиях текстильной промышленности региона было сосредоточено порядка 28 % мощностей во всесоюзном масштабе (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 1). Однако предприятия текстильной промышленности работали слабо. Еще в 1945 году текстильные предприятия области не выполнили план и произвели продукции меньше, чем в 1944 году. В Москве насчитывалось 37 текстильных и 81 предприятие легкой промышленности, которые также имели большой вес в общесоюзном масштабе, но так же, как и в Московской области, текстильная отрасль сильно отставала от намеченных результатов (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 229. Л. 1–4). Для преодоления

сложившейся проблемы МК ВКП (б) разработал программу по увеличению выпуска продукции и вынес ее на обсуждение объединенного пленума МК и МГК ВКП (б). На пленуме были подвергнуты критике руководство предприятий и первичных партийных организаций (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 1).

Пленум МК и МГК ВКП (б) принял постановление «Об улучшении работы предприятий текстильной промышленности гор. Москвы и Московской области». Московской партийной организации было поручено провести мероприятия по улучшению работы текстильной промышленности. Хозяйственных руководителей и партийные организации обязали к концу 1946 года добиться увеличения выработки хлопчатобумажных и шерстяных тканей на 25 %, шелковых — на 50 % против фактического среднемесячного выпуска их за 1945 год, обеспечить пуск в работу 245 тысяч прядильных веретен и 6 тысяч ткацких станков, повысить к концу 1946 года рост производительности труда против 1945 года не менее чем на 15–20 %. Партийные организации должны были поднять уровень партийно-политической работы, широко развернуть соревнование по профессиям, использовать все формы наглядной агитации для распространения передового опыта работы мастеров высокой производительности труда — лучших стахановцев текстильной промышленности (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 2).

Партийные организации предприятий развернули политическую работу по ознакомлению рабочих, служащих и инженерно-технических работников с законом о пятилетнем плане и мобилизации коллективов на борьбу по его выполнению, широко распространили опыт успешного выполнения хозяйственных задач передовиками производства, стремились популяризовать среди рабочих идеи о присоединении к всесоюзному соревновательному движению (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 3). 30 мая 1946 года было проведено совещание стахановцев текстильного производства Москвы и Московской области, на котором работники Волкова, Шарова, Крюкова и другие поделились передовым опытом по вопросам повышения производительности труда и увеличения выпуска продукции (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 34). Эта работа дала положительные результаты. Отдельные предприятия на протяжении 1946 года занимали во всесоюзном соревновательном движении первые места 47 раз, вторые места — 80 раз, третьи места — 92 раза (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 3). В 1946 году текстильные предприятия области выпустили продукции в общесоюзном производстве х/б тканей — 17,1 %, шерстяных — 47,2 %, шелковых — 29,5 %, искусственных тканей — 65 %, чулочно-носочных изделий — 16 %, верхнего трикотажа — 23,5 %, готовой пряжи — 45 %. Текстильная промышленность составляла основу всей легкой промышленности Московской области. Многие предприятия выходили победителями во всесоюзных социалистических соревнованиях, занимая первые места. На предприятиях развернулось стахановское движение (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 1).

Однако нередко на пути развития производства вставали бюрократические преграды. Так, в 1947 году предприятия текстильной промышленности Московской области были вынуждены сократить производство до 90–95 % от планов по причине ограничения подачи электроэнергии в связи с выделенными лимитами потребления (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 56. Л. 30). План по валовой продукции 1947 года выполнили только 69 предприятий текстильной промышленности из 91. Больших успехов удалось добиться в выпуске шерстяных и суровых шелковых тканей, который превзошел довоенный (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 56. Л. 73). Предприятия отрасли испытывали большую нужду в деталях к оборудованию и в сырье (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 95. Д. 2. Л. 35).

На текстильных предприятиях Москвы также возникали проблемы с выполнением планов. В 1948 году Трехгорная мануфактура имени Дзержинского и 1-я Ситценабивная фабрика не получили необходимого количества суровья, в связи с чем они были вынуждены обратиться за помощью в Министерство текстильной промышленности, так как возникла угроза срыва плана по выпуску готовой продукции (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 56. Л. 38).

Для Московской и областной промышленности 1948 год должен был стать переломным, так как она достигла основных запланированных показателей по восстановлению и перед ней открывались перспективы роста. Работники ряда предприятий взяли на себя смелые обязательства выполнить пятилетний план в три – три с половиной года (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 67. Д. 7. Л. 12). Ряд предприятий уже в первом квартале 1949 года достигли уровня выпуска валовой продукции, запланированного на 1950 год (ЦГА Москвы. Ф. П-3. Оп. 94. Д. 4. Л. 4–5).

Рост и развитие производства товаров легкой промышленности и продовольственных товаров в послевоенные годы стали возможны благодаря политике правительства, направленной на разрешение частной торговли. Большую роль сыграла партийная работа, направленная на агитацию трудящихся за социалистическое соревновательное движение. Эти меры повысили производительность труда и содействовали внедрению наиболее оптимальных производственных схем. Успешное выполнение планов четвертой пятилетки позволило заложить прочный фундамент для развития региона в 1950-е годы. Однако выравнивание цен отрицательно сказалось на темпах роста промкооперации, местной промышленности и частной торговли, так как установление потолка цен не отвечало их интересам.

Литература

1. *Попов Г.М.* Пятилетний план восстановления и развития городского хозяйства Москвы на 1946–1950 годы: доклад на XX сессии Моск. гор. сов. деп. трудящихся. М.: Московский рабочий, 1946. 56 с.

Literatura

1. *Popov G.M.* Pyatiletnij plan vosstanovleniya i razvitiya gorodskogo hozyajstva Moskvy na 1946–1950 gody: doklad na XX sessii Mosk. gor. sov. dep. trudyashhixsya. M.: Moskovskij rabochij, 1946. 56 с.

G.S. Ivanov

**The Development of Light Industry and Trade
in Moscow and Moscow Region in the Postwar Years**

In this work the author considers the development of light industry and trade in Moscow and Moscow region in the postwar period from 1946 to 1950 in the conditions of overcoming of the consequences of the Great Patriotic War and satisfaction of the needs of the population in goods.

Keywords: The USSR; Moscow; Moscow Region; MCC (Moscow City Committee) of the CPSU (b); MC (Moscow Committee) of the CPSU (b); trade; light industry.

Б.С. Ляпустин

Место экономических законов и фамилии в современных исследованиях экономики древнего Рима

Преодолевая недостатки старых подходов в изучении экономики, западные антиковеды выработали два новых направления исследований. Одни, изучая фамилии элит, отсутствующие в источниках сведения заимствуют из средневековой и новой истории. Другие стоящие проблемы решают, широко используя законы политэкономии. Автор дает оценку этим направлениям и предлагает свое видение проблемы.

Ключевые слова: древний Рим; экономика; фамилия; экономическая теория.

Последние десятилетия исследований античной экономики прошли под знаком критики основных недостатков теории М. Финли, согласно которой греко-римский мир не имел динамики развития, не был ориентирован на экономический рост, был индифферентен к инновациям, экономическое поведение было далеко от рационализма, в нем не было ни внутрирегиональных, ни внутрилокальных рынков и т. д. [2; 5]. В результате поисков нового в западном антиковедении на сегодняшний день обозначились два направления исследований, которые пытаются преодолеть однобокость и ограниченность старых подходов, открыть новые возможности к более глубокому изучению хозяйственной и деловой жизни в античности и вывести исследования по экономической истории древнего Рима на новый уровень.

Одно из них было заявлено французским историком Жаном Андро, в выступлении на международной конференции в Риме [7]. В своем докладе он дал критическую оценку ведущим подходам в изучении античной экономики в XX веке. По его мнению, историки-марксисты внесли определенный вклад в исследование понимания специфики древних обществ, однако этот вклад не был решающим, так как марксистская экономическая теория не разрушила в мировом антиковедении рамки спора между модернистами и антимоdernистами (примитивистами). Это было, по его мнению, связано во многом с тем, что марксистская теория, базирующаяся на способе производства, которая

акцентирует внимание на системе угнетения и эксплуатации, носит скорее не экономический, а социологический характер. А это приводило к однобокости исследований [7: р. 190–191]. (На то, что в марксистском учении практически не различаются социологические и исторические аспекты процессов, что суживало поле исторических исследований, указывали и советские историки [1: с. 28–29]). Другим слабым местом марксистской теории является то, что поскольку экономический анализ был разработан для исследования капиталистической экономики, ученым приходилось оперировать категориями и понятиями, присущими главным образом буржуазному обществу. Поэтому повсеместное использование современных политэкономических терминов в исследовании древних обществ вело к модернизации (о «бессознательном модернизме» в исследовании антиковедов-марксистов, оперирующих категориями и структурами современного капитализма, писала еще Е.М. Штаерман [6: с. 35, 39]).

Автор, сам долгое время находившийся под влиянием экономической антропологии, возглавляемой Годелье, представители которой активно использовали учение Маркса о способе производства, считает, что марксизм не стоит сбрасывать со счетов. Он интересен, если не исключается применение в исследовании и других политэкономических теорий. Однако более важным для понимания античной экономики является вопрос о возможности использования понятий и категорий современной политэкономической науки. Здесь Ж. Анро принципиально расходится с М. Финли, который считал, что экономика древних обществ не являлась самостоятельным базисом общества, а находилась в зависимости от социальной структуры, политики и религии. В античном обществе не знали таких понятий, как «труд», «капитал» «прибыль» и т. д., на которых базируется современная капиталистическое производство и предпринимательство. Поэтому никакие современные политэкономические теории для изучения античной экономики не могут применяться. И такая оценка была справедлива, но только по отношению к узким подходам классической политэкономии и марксистского политэкономического учения.

Ошибка историков, по мнению Ж. Андро, заключалась не в том, что они обращались к экономическим теориям современности, а в том, что ограничивались только одним подходом. По его мнению, использовать законы экономической науки в исторических исследованиях можно, но при их применении необходимо исходить из трех главных постулатов (которые категорически отрицаются финлианцами): 1) доиндустриальные общества имели некую форму экономики; 2) эта экономика так же, как и наша, может быть изучена; 3) экономика античности, как и современная, подчиняется общим законам. Соблюдение этих принципов позволит активно использовать в историческом исследовании современные экономические теории, не подвергая себя опасности сползания в модернизм [7: р. 177].

В качестве одного из таких универсальных законов современной политэкономии, по которым функционировали экономики и древних, и современных

обществ, может быть теория движения капиталов и платежного баланса. Эта универсальная для всех эпох и экономик теория объясняет, по мнению Ж. Андро, резкие изменения в движении товарных и денежных потоков в древнем Риме в эпоху империи. Начиная с времени правления Августа Италия от доминировавшей в эпоху республики продажи товаров в провинциях перешла к активному ввозу товаров из них. Это было связано с тем, что вслед за политическим господством в Римской империи наступило монетарное господство. Все подданные должны были принимать имперскую монету. Система налогообложения провинций, денежные эмиссии, движение частных денежных сумм и государственные расходы концентрировали денежные ресурсы в Италии, и это привело к переносу покупательной способности из провинций в Италию [7: р. 178]. Ж. Андро весьма позитивно оценивал возможность такого избирательного использования политико-экономических законов для раскрытия специфики и механизмов экономического развития античного Рима и призывал развивать его и дальше. Он сам в последние десятилетия сосредоточил усилия на изучении ростовщичества, банковского дела и движения денежных потоков в древнем Риме, видя в этом ключ к раскрытию сущности античной экономики.

Другое направление, которое получило наиболее широкое распространение в последнее время в Англии, стал дедуктивный метод исследования древнеримской экономики. Сторонники этого метода стремились решить проблему ограниченности источниковой базы по хозяйственной деятельности в античном Риме при полном отсутствии каких-либо статистических данных по экономической деятельности, поскольку, как справедливо отметил М. Финли, мышление античного человека не включало в сферу повседневной деятельности такое явление, как статистическая отчетность. Достаточно полно это направление представлено в монографии В. Йонгмана о Помпеях [9] и в статье Н. Розенштайна [10]. В центре их внимания оказываются хозяйства римской элиты. Чтобы получить количественные данные, которых нет в источниках, историки этого направления пытаются рассуждать по аналогии. Они обращаются к любым конкретным свидетельствам всех эпох и государств, как древней эпохи, так и Средневековья и даже капиталистической Америки.

Так, Н. Розенштайн, чтобы вычислить, какие площади должны были быть заняты под зерновыми, виноградниками и оливками, чтобы прокормить население Рима, сначала делает предположение о средней урожайности сельскохозяйственных культур в эпоху республики. Он собирает все известные сведения вплоть до эпохи Нового времени. Затем берет предположительное число римлян в это время и примерное потребление в течение года сельскохозяйственной продукции на человека. Далее он берет предполагаемое число представителей римской элиты (сенаторов и всадников), у которых были товарные виллы вокруг Рима. И затем высчитывает, на какой площади собирали урожай пшеницы. Разделив ее на предполагаемое число сельских поместий, поставлявших зерно в столицу, он находит искомую цифру, сколько земли было занято

на каждой вилле под зерновые. В итоге у автора получается, что, допустим, при 1 000 000 потребителей один владелец должен был возделывать в поместье 8,5 югеров виноградников, 7,74 югеров оливковых рощ и 85,3 югеров хлебного поля [10: р. 9]. А если допустить, что норма потребления была выше, то и порядок чисел также увеличивается. Автора не смущает ни величина несомненных ошибок при такой системе подсчета, ни то, что Рим потреблял также пшеницу, ввозимую из провинций, ни наличие крестьянских хозяйств. Но эти полученные цифры принимаются уже как абсолютные данные, на которых историк далее выстраивает новые системы доказательств.

Для придания веса своим вычислениям сторонники дедуктивного метода также обращаются к экономической теории. В. Йонгман, приступая к исследованию экономики Помпей, заявляет, что для получения необходимых ему, но отсутствующих в источниках количественных данных применяет метод «компаративистской статистики», взятой из современной политэкономии. Сравнивая сельское хозяйство Кампании в эпоху античности с производством продукции в Кампании раннего Нового времени, он, опираясь на данную теорию, вводит недостающие сведения [9: р. 137–154]. Автор приходит к выводу, что по аналогии с ранним Новым временем помпейская долина должна быть занята под зерновые, так как в Помпеях должна была ощущаться острая нехватка хлеба. А далее он высчитывает площадь, занятую под зерновые культуры. Исходя из того, что в городе было около 500–600 богатых домов атриумного типа, то, следовательно, 500–600 городских семей, обитавших в этих домах, должны были потреблять большое количество хлеба, которое могло поступать из близлежащих поместий. Поэтому на семью элиты, представителей *ordo decurionum*, в их поместьях должно было приходиться до 30 га зернового поля. Таким образом, даже сто фамилий декурионов, владевших виллами, были способны обеспечить Помпеи хлебом [9: р. 146].

Негативную оценку дедуктивному методу, примененному Йонгманом, дал в свое время Ж. Андро. Французский историк отметил, что выводимые автором абсолютные величины о производстве и потреблении вина и хлеба в Помпеях — это абсурд, так как от одного подсчета к другому возрастает степень ошибок [8: р. 132]. Можно только приблизительно догадываться о средней урожайности в античной Кампании. Единственным позитивным моментом, по мнению Ж. Андро, стало то, что было обращено внимание на проблему обеспечения Помпей зерном.

Такой подход к изучению древнеримской экономики, продиктованный намерениями восполнить источниковую базу данными, взятыми из других эпох и даже из других географических регионов, нарушает принцип историзма и уводит в субъективный мир гипотетических построений. Да и метод «компаративистской статистики» научно корректен только для обществ, где уже сложилась статистическая отчетность как форма экономического мышления. А античное общество в их число не входит. От одного рассуждения к другому

возрастает степень допущений, а следовательно, и ошибок. Впрочем, по мнению Ж. Андро, результаты этих исследований могут заслуживать внимания лишь относительно примерного порядка цифр и соотношения пропорций, где речь идет о вилке минимальных и максимальных значений в допущениях авторов. Но выведенные авторами конечные цифры являются, безусловно, некорректными и ошибочными.

Полностью присоединяясь к критической оценке дедуктивного метода, данной Ж. Андро, следует признать, что предложение французского историка о переходе исследователя на поле политэкономической науки весьма интересно и актуально. В нем заложен большой потенциал углубленного изучения экономики древнего Рима на строго научной основе. Однако это ставит перед историками вопрос: как совместить экономические законы, взятые из политэкономической науки, с изучением феноменов древности в рамках исторического знания?

Прежде чем дать ответ на этот непростой вопрос, следует обратить внимание, что и в предложениях Ж. Андро, и в дедуктивном методе конечная цель исследования — это реальный собственник, глава римской фамилии. Именно с ним связаны и производство, и потребление продукции, и потоки товаров, и потоки денежных средств. Именно мотивация поведения главы фамилии, несомненно, предопределяла все своеобразие хозяйственной жизни и экономики древнего Рима. Учитывая это, наиболее оптимальным представляется исследование реальных форм хозяйствования в античном обществе и протекавших там экономических процессов на основе цивилизационного подхода, который был предложен отечественным ученым М.А. Баргом и был апробирован его последователями при исследовании различных периодов отечественной и всемирной истории, в том числе и истории древнего Рима [1; 3; 4: с. 29–37].

М.А. Барг, высоко оценивая марксистскую методологию, в свое время совершившую переворот в историософской традиции [1: с. 27–28], отмечал, что формационный подход порождал и ряд недостатков. Так, при рассмотрении экономического базиса господствующий способ производства фактически затмевает фундаментальное свойство докапиталистических обществ — наличие многоукладности в хозяйственной жизни [1: с. 29]. Это же обнаруживается и в сфере социальной, где основные классы-антагонисты (для античности это, прежде всего, рабы) вытесняют из поля зрения историков остальные социальные структуры и формы их связей, исследование которых, по мнению Е.М. Штаерман, сегодня имеет первостепенную важность [6: с. 48]. Формационный подход, в чем Андро и Барг единодушны, обеспечивая понимание объективных процессов, все же не исчерпывает и не охватывает всего многообразия экономического развития в истории, так как за его рамками оказываются многие важные элементы общества, без которых может обойтись политэкономический анализ, но без которых историческое исследование будет односторонним.

На основе цивилизационного подхода проблемы и вопросы, которые назрели в области исследования экономики античного Рима, можно решить наиболее плодотворно. Основанием цивилизации служит общество, важнейшим элементом которого выступает семья. В древнем Риме таким основным элементом была фамилия, семейно-родовая община, которая с точки зрения способа производства была явлением маргинальным, а при цивилизационном подходе оказывается в центре внимания.

Поэтому вывести исследования по экономической истории на новый уровень, не впадая в модернизм, можно только при учете того, что в античном Риме центральной фигурой выступает римский гражданин, глава фамилии. Именно он с присущими ему сакральными и морально-этическими представлениями олицетворял собой и реализовывал на уровне повседневной практики неразрывное единство социального, политического, экономического и духовного начал. Общие законы реализуются через реальное поведение и действия людей, а античный гражданин и его фамилия в древнем мире имели ряд специфических черт и отличий, от структур и их представителей в последующих цивилизациях. Это не может не вносить нюансы в формы и пути реализации всеобщих экономических законов в древнем Риме. Представляется, что только с учетом и выявлением этого своеобразия следует использовать экономические законы в исторических исследованиях. А там, где за широкими социологическими схемами пропадает реальный человек, корректно и плодотворно законы, взятые из политэкономической науки, на поле античности работать не будут. Поэтому к трем пунктам, сформулированным Ж. Андро, следует добавить четвертый пункт: корректно и плодотворно могут быть использованы только те экономические законы, которые реализуются через хозяйственную жизнь и деятельность *pater familias* и возглавляемой им фамилии.

Литература

1. Барг М.А. Цивилизационный подход к истории. Дань конъюнктуре или требование науки? // Коммунист. 1991. № 3. С. 27–35.
2. Кошеленко Г.А. Экономика Древней Греции в современной зарубежной литературе // Древний Восток и античный мир / под ред. В.И. Кузищина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. С. 115–127.
3. Ляпустин Б.С. Римская фамилия и новый подход к истории экономики древнего Рима // Вестник МГИМО — университета. 2009. № 5 (8). С. 133–139.
4. Ляпустин Б.С. Хозяйственная жизнь фамилии в древнем Риме в эпоху Поздней республики. М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2014. 218 с.
5. Штаерман Е.М. Рец. на: М.Д. Finley. The Ancient Economy. Berkeley – Los Angeles, 1973 // ВДИ. 1977. № 2. С. 165–175.
6. Штаерман Е.М. Экономическая история Рима (проблемы и методы) // Экономическая история. Проблемы и исследования / под ред. Ю.Н. Розалиева. М., 1987. С. 32–48.
7. Andreau J. L'Italie impériale et les provinces: déséquilibre des échanges et flux monétaires. In: L'Italie d'Auguste à Dioclétien. Actes du colloque international de Rome (25–28 mars 1992). Rome: École Française de Rome, 1994. P. 175–203.

8. *Andreau J.* Pompéi et ravitaillement in blé et autres produits de l'agriculture (I-er siècle ap. J.C.). In: Le ravitaillement en blé de Rome et des centres urbains des débuts de la République jusqu'au Haut Empire. Actes du colloque international de Naples (1991). Naples – Rome: Centre J. Bérard–École Française de Rome, 1994. P. 129–134.

9. *Jongman W.* The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam: J.C. Gieben, 1988. 415 p.

10. *Rosenstein H.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 2008. № 3. P. 1–26.

Literatura

1. *Barg M.A.* Civilizacionny'j podxod k istorii. Dan' kon'yunktury ili trebovanie nauki? // Kommunist. 1991. № 3. S. 27–35.

2. *Koshelenko G.A.* E'konomika Drevnej Grecii v sovremennoj zarubezhnoj literature // Drevnij Vostok i antichny'j mir / pod red. V.I. Kuzishhina. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. S. 115–127.

3. *Lyapustin B.S.* Rimskaya familiya i novy'j podxod k istorii e'konomiki drevnego Rima // Vestnik MGIMO — universiteta. 2009. № 5 (8). S. 133–139.

4. *Lyapustin B.S.* Xozyajstvennaya zhizn' familii v drevnem Rime v e'poxu Pozdnej respubliki. M.: Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta, 2014. 218 s.

5. *Shtaerman E.M.* Rec. na: M.J. Finley. The Ancient Economy. Berkeley – Los Angeles, 1973 // VDI. 1977. № 2. S. 165–175.

6. *Shtaerman E.M.* E'konomicheskaya istoriya Rima (problemy' i metody') // E'konomicheskaya istoriya. Problemy' i issledovaniya / pod red. Yu.N. Rozaliev. M., 1987. C. 32–48.

7. *Andreau J.* L'Italie impériale et les provinces: déséquilibre des échanges et flux monétaires. In: L'Italie d'Auguste à Dioclétien. Actes du colloque international de Rome (25–28 mars 1992). Rome: École Française de Rome, 1994. P. 175–203.

8. *Andreau J.* Pompéi et ravitaillement in blé et autres produits de l'agriculture (I-er siècle ap. J.C.). In: Le ravitaillement en blé de Rome et des centres urbains des débuts de la République jusqu'au Haut Empire. Actes du colloque international de Naples (1991). Naples – Rome: Centre J. Bérard–École Française de Rome, 1994. P. 129–134.

9. *Jongman W.* The Economy and Society of Pompeii. Amsterdam: J.C. Gieben, 1988. 415 p.

10. *Rosenstein H.* Aristocrats and Agriculture in the Middle and Late Republic // JRS. 2008. № 3. P. 1–26.

B.S. Lyapustin

The place of Economic Laws and Familia in Modern Studies of the Economy of Ancient Rome

Western antiquists have developed two new areas of research, while overcoming the drawbacks of old approaches in the study of economy. While learning familias of the elite, some borrow the information, which is missing in sources, from medieval and modern history. Others solve the standing problems, widely using the laws of political economy. The author assesses these areas and offers his vision of the problem.

Keywords: ancient Rome; economy; familia; economic theory.

М.В. Барабанов

Вступление европейских сообществ и постсоциалистических восточноевропейских стран на путь создания объединенной Европы: замыслы и результаты

В статье освещаются основные события, раскрывающие замыслы ведущих стран ЕЭС после крушения социализма в Восточной Европе о создании «единой Европы» путем поспешного принятия в Евросоюз большинства восточноевропейских стран; подводятся итоги этих замыслов.

Ключевые слова: объединенная Европа; европейская интеграция; постсоциалистические страны; ЕЭС; Общий рынок; европейские сообщества; ЕС.

Европейский союз (ЕС) переживает сегодня, как известно, сложные времена. Одни исследователи видят истоки нынешних проблем в Евросоюзе в самой «европейской идее», заведомо, по их мнению, не реализуемой. Другие — в прошлой деятельности ЕЭС и Европейского сообщества¹, когда так и не удалось в полной мере сочетать, как утверждает эта группа аналитиков, интересы всего сообщества, вытекавшие из общеевропейских интеграционных процессов, и национальные интересы каждой страны — члена Сообщества.

Думается, что нынешние трудности в функционировании ЕС берут свои истоки в конце 1980 – начале 1990-х годов, когда после крушения социализма начался ускоренный процесс включения в европейскую экономическую и политическую интеграцию бывших восточноевропейских социалистических стран, когда был дан зеленый свет непродуманному до конца расширению Евросоюза. Приход в целом неподготовленных «новичков» спровоцировал в ЕС процесс централизации принимаемых решений.

Отсюда возникает необходимость еще раз вернуться к истории, развернувшейся на рубеже веков, — к истории формирования «принципиально» новых отношений между Европейским сообществом и постсоциалистическими восточноевропейскими странами с благовидной целью создания новой объединенной Европы.

---

¹ После вступления в силу «Договора о слиянии» в июне 1967 года ЕЭС, ЕВРАТОМ, ЕОУС стали именовать европейские сообщества или европейское сообщество. Многие аналитики продолжали использовать термины ЕЭС, Общий рынок.

После крушения социализма в Европе «восстановление независимости восточноевропейских народов» (по западной терминологии) стало восприниматься на Западе как беспрецедентный шанс положить «конец периоду европейской междоусобицы, начавшемуся в 1914 году» и «создать подлинно свободную Европу» [16: p. 214].

Политики, аналитики, эксперты и ученые, принадлежащие к политическому классу ведущих западноевропейских стран, принялись рассуждать о путях создания новой объединенной Европы. Они вспомнили о глубоких исторических корнях «европейской идеи» [20: p. 42].

Многие исследователи предложили отказаться от самого понятия «Восточная Европа», поскольку, с их слов, все бывшие коммунистические страны рассматривали себя как «неотъемлемую часть Западной Европы» [18: p. 48].

Тем не менее на Западе еще долго будет бытовать термин «Восточная Европа»². И дело здесь не в «погрешности дефиниции», замечает российский исследователь И.И. Орлик, — этим термином «подчеркивались маргинальность, отличие (подчас весьма существенное) от гораздо более развитых в экономическом и политическом отношениях, по степени давно обретенной суверенности стран Западной Европы» [8: с. 14].

Падение коммунистических режимов впервые открыло реальные возможности объединения Европы. Однако возникшая и постоянно усилившаяся социально-политическая и экономическая нестабильность препятствовали, по мнению западных экспертов, «воцарению мира и демократии в Европе».

Тогдашние официальные лица на Западе, например вице-президент КЕС Ф. Андриесен, признавали, что развитие демократии в восточноевропейских странах невозможно без срочной помощи. А помощь будет оказана только в том случае, подчеркивали в Брюсселе, если в отношениях будет достигнут определенный уровень доверия [9: p. 7].

Чтобы не допустить краха социальных и экономических реформ в Восточной Европе и восстановления там национально-авторитарных режимов, создающих угрозу экономике и безопасности западноевропейцев, Европейское сообщество предполагало оказывать восточноевропейским странам техническую и экономическую помощь, наладить сотрудничество и содействовать экономическому развитию, предоставлять гуманитарную помощь, обеспечивать потребности перспективного развития «большой и единой Европы» [14: p. 15].

Финансирование этой деятельности должно было осуществляться в основном из бюджета Европейского сообщества и частных фондов [15: p. 13]. По оценкам западных экспертов, на нужды структурной перестройки в Восточной Европе необходимо было израсходовать фантастическую сумму — не менее 2 трлн долл. [17: s. 109].

---

² Использование в нашем случае терминов «Восточная Европа», «Западная Европа», «восточноевропейские страны» обусловлено тем, что они связаны с делением мира в годы холодной войны на Запад (мир капитализма) и Восток (мир социализма).

Краеугольным камнем фундамента объединенной Европы, по замыслам западных «строителей», должна была стать экономическая и политическая интеграция разрозненных ранее двух частей европейского континента [11: р. 21]. Ф. Андриесен считал, что понятие «европейская интеграция» устарело и теперь следовало бы говорить об «интеграции Европы», придавая этому термину более широкое значение [9].

Анализ зарубежных публикаций, вышедших на рубеже 1980–1990-х годов, показывает, что в Западной Европе тогда многих охватила эйфория, уверенность в том, что процессы «европеизации» постепенно набирают силу, что Европа станет вскоре мощнейшей экономической силой глобального масштаба [12: р. 12].

Казалось, что накопленный экономический потенциал позволит Европе направлять ресурсы для достижения общих целей, успешно решить современные экономические, технологические, финансовые, экологические и другие проблемы. При этом европейцы верили в то, что не произойдет излишней «зарегулированности» и централизации, не будет посягательства на суверенитет национальных государств.

Европейский союз оказался главным полюсом притяжения для восточноевропейских стран и их новых политических элит [12: р. 12]. Новые руководители восточноевропейских стран стремились как можно быстрее «войти» в Европу, надеясь, таким образом, безболезненно решить все накопившиеся внутренние проблемы. Восточноевропейские страны, которые характеризовались средним уровнем экономического развития, вдруг уверовали в возможность достижения благосостояния, просто став членами богатого и преуспевающего Евросоюза [8: с. 19].

Что касается простых жителей восточноевропейских стран, то надо признать, что еще до свержения коммунистической власти большинство из них симпатизировало Западу. У многих восточноевропейцев было искреннее убеждение в своей идентичности с западноевропейцами, и Европейское сообщество пыталось сберечь это убеждение.

В это же время в политических и научных кругах Старой Европы развернулась полемика, связанная с возможными проблемами, вытекающими из процесса интеграции в Евросоюз бывших социалистических стран Восточной Европы. Многие специалисты довольно трезво и обстоятельно рассуждали о форме отношений бывших европейских социалистических стран с Европейским сообществом, считая, что значительное увеличение числа участников ЕС осложнит его функционирование [11: р. 23].

Официальная оценка ЕС в ходе полемики о возможности вступления восточноевропейских стран в Сообщество отличалась вначале сдержанностью. Считалось, что на тот период времени «по различным, в том числе и стратегическим экономическим, соображениям предпосылки для вступления этих стран в ЕС отсутствовали» [21: с. 53].

Наиболее предпочтительным, с точки зрения большинства европейских специалистов, являлось бы заключение между ЕС и восточноевропейскими странами соглашений об ассоциации. В их основу должен был быть положен принцип «помощь — для самопомощи», который означал открытие в одностороннем порядке рынка ЕС для товаров из Восточной Европы, расширение экономического и научно-технического сотрудничества, развитие политического и культурного диалога со всеми странами Восточной Европы [10; 17; 13].

Предполагалось, что вступающие в Сообщество страны должны будут полностью адаптироваться к духу коммунитарности, т. е. принять сложившуюся систему законов Сообщества и основные принципы его политики. В то же время Сообщество должно было создать социально-политическую структуру, благоприятную для значительного географического расширения своих границ. Для этого необходимо было выполнение трех условий: создание климата терпимости; четкое разделение функций различных уровней власти; реальная демократизация до уровня Сообщества.

Терпимость означала, что каждое государство имеет право на сохранение своих политико-экономических и других традиций.

Четкое разделение функций различных уровней власти предполагало, что на уровень ЕС должны выноситься только те вопросы, которые могут быть эффективно решены на национальном уровне.

Реальная демократизация на уровне Сообщества должна была состоять, по мнению некоторых специалистов, в проведении прямых выборов в Европарламент, в его непосредственном участии при принятии решений по бюджетным и кадровым вопросам, расширения его законотворческой деятельности. Ведь дело доходило до курьеза: министры Сообщества отвечали перед своими парламентами и не несли ответственности перед органами ЕС; в то же время принимаемые ими законы были обязательны для прямого исполнения в странах ЕС [9: p. 8].

В сентябре 1990 года Комиссия ЕС разработала «Общие параметры соглашений об ассоциации» со странами Восточной Европы. Римский договор 1957 года допускал, как известно, разработку весьма широкого спектра вариантов ассоциации [1].

Документ Комиссии устанавливал в качестве исходных условий ассоциации не только экономические, но и политические критерии, включая верховенство закона, уважение прав человека, многопартийность, свободные выборы.

На базе «Общих параметров соглашений об ассоциации» начались переговоры с Чехословакией, Польшей и Венгрией, в ходе которых они столкнулась с серьезными проблемами. Соглашения, подписанные 16 декабря 1991 года, не предусматривали, в частности, свободного движения ни товаров, ни людей.

Лишь в последний момент Европейское сообщество согласилось включить в них положение о том, что вступление в Сообщество представляет «конечную, хотя и не автоматическую цель» ассоциации. Все это, полагал исследователь

С.Ф. Крамер, внушало сомнения в успехе реформирования и приобщения к ЕС даже этих трех государств. В то же время соглашения с ними включали риск воздвигнуть новый барьер между Польшей, Чехословакией, Венгрией и их менее благополучными соседями [16: р. 214].

Формирование последовательной и всесторонней стратегии Европейского сообщества по отношению к Восточной Европе осложнялось, конечно, расхождениями в интересах отдельных западноевропейских стран и несогласованностью их национальных курсов. Речь идет, прежде всего, о Германии и Франции. Ни для кого не было секретом, что именно эти страны развернули борьбу за политическое влияние над «освобожденными» от социализма восточноевропейскими странами. И шансов в этой борьбе было больше у Германии, поскольку та после объединения страны стала самой крупной и населенной страной ЕС.

Тем не менее многие аналитики полагали, что «германская политика в отношении Востока логична и ясна» [16: р. 214], что немцы отдают себе отчет в том, что их партнеры, как на Западе, так и на Востоке, опасаются экономического превосходства Германии и что, наконец, поведение Германии подтверждает, что она не претендует на роль политического лидера Европы.

Что касается политики Франции, то, по мнению некоторых экспертов, она имела «извилистые очертания» [16: р. 214]. Французское руководство опасалось, что расширение Сообщества за счет стран Восточной Европы, культурно и экономически близких Германии, даст дополнительные преимущества ФРГ. Поэтому Ф. Миттеран выдвинул идею конфедерации, реализация которой должна была «удержать народы Востока вне рамок ЕС при установлении с ним привилегированных связей» [16: р. 214]. При этом французского президента нисколько не смущало его стремление выступать в качестве защитника интересов восточноевропейских государств, опираясь на исторические традиции.

Но концепция общеевропейской конфедерации (с участием России, но без США) никогда с момента ее провозглашения в декабре 1989 года не пользовалась большой популярностью ни во Франции, ни вне ее, а по мере конкретизации начала вызывать все более резкую оппозицию.

Состоявшаяся 12–14 июня 1991 года в Праге международная конференция, посвященная идее конфедерации, закончилась, по общему мнению, провалом. Взвешенные предложения, исходящие из некоторых политических кругов, из научного сообщества стран Запада были отвергнуты. Курс на постепенную интеграцию постсоциалистических восточноевропейских стран в «единую» Европу был свернут.

По большому счету, это было ожидаемо. Во-первых, действия руководства ЕС по ускоренной интеграции в свои ряды бывших социалистических восточноевропейских стран были политически мотивированными в силу основной причины: существование по соседству с группой постсоциалистических государств

с социально-экономическими и этническими проблемами и неустойчивой демократической структурой было потенциально опасным для Евросоюза. Причем в Сообществе основной опасностью для «молодых демократий» считали не коммунизм как политическое движение или идеологию, а «взрывоопасную смесь авторитарной политической культуры, социал-популизма, антисемитизма, шовинизма и ксенофобии» [21: s. 34].

Во-вторых, в европейской элите произошло изменение видения единой Европы: это не «Европа народов», предусматривающая, как говорят политологи, «сохранение коллективных идентичностей»; это «Европа как плавильный котел», построенная по «унифицированным лекалам глобального Запада» [5]. И тогда европейские лидеры заговорили о форсированном расширении на Восток, прикрываясь лозунгами о необходимости «утверждения демократии и стабильности в Восточной Европе».

Западные страны обещали кандидатам в члены Евросоюза многое, о чем те мечтали, причем «закрывая глаза на то, что эти страны не полностью соответствуют западноевропейским политическим и экономическим стандартам» [8: с. 19].

Государствам Восточной Европы в ходе подготовки к их членству в ЕС была оказана значительная финансовая помощь. «Например, Венгрия в 1990–1999 годах получила около 1 млрд экю; 42 % этой суммы было предназначено на развитие экономики и преобразование ее структуры, 22 % — на развитие инфраструктуры, 21 % — на усовершенствование подготовки кадров, 15 % — на подготовку к европейской интеграции и развитие прочих отраслей хозяйства» [7].

В Сообществе оказание финансовой помощи рассматривали, прежде всего, как катализатор развития, подчеркивая, что эта помощь «должна иметь соответствующие политические предпосылки» [21: s. 42].

Присоединение Восточной Европы, безусловно, позволяло усилить экономический и политический вес ЕС в мире. Специалисты указывали на впечатляющие долгосрочные результаты крупного расширения Европейского союза. Все заранее восторгались еще не состоявшимся — тем, что в случае удавшегося расширения ЕС будет насчитывать 400 млн человек и обладать самым высоким ВВП в мире [20: p. 46].

И только не многим в Европе было ясно, что Евросоюз взял курс на «пошаговое» освоение пространства стран Восточной Европы «под себя» [3]: «оказание материальной помощи – предоставление финансовых ресурсов – постепенное открытие рынка – выдвигание критериев членства – разработка стратегии подготовки к членству в ЕС – захват рынка, его трансформация под стандарты общего рынка ЕС».

В июне 1993 года на сессии Европейского совета в Копенгагене было принято решение о возможном приеме ассоциированных стран Восточной Европы в качестве равноправных членов ЕС [7].

Прошли десятилетия, почти все бывшие социалистические восточноевропейские страны стали членами Европейского союза. Надо признать, что в результате

членства в ЕС «новички» добились немало; в то же время осталось много нереализованных ожиданий и надежд.

Если смотреть на современный Евросоюз как на конкретное европейское политико-административное образование с конкретным внутренним политико-административным устройством, то встает главный вопрос: насколько далеко вперед продвинулись создатели проекта объединенной Европы, довольно поспешно приняв в Евросоюз большинство восточноевропейских стран? Для большинства специалистов, а самое главное — для большинства «старых европейцев» ответ на этот вопрос является отрицательным. Почему?

Во-первых, причина нынешних проблем ЕС кроется в его ускоренном расширении. Вместо 12 относительно равных экономически и близких культурно европейских государств появилось 28 — с большими контрастами в развитии. Вероятно, выход Великобритании из Евросоюза вызван именно нежеланием населения тратить средства на Восточную Европу, ежегодно перечисляя в бюджет ЕС два миллиарда евро.

Во-вторых, страны — основатели ЕС столкнулись, как они считают, с проявлением абсурдности в политике «новых европейцев», которая прямо противоречит декларируемым общеевропейским ценностям. Не прошло и десяти лет после вступления в ЕС, как страны Восточной Европы начали отвергать либеральные ценности, в том числе в области свободы прессы, морали и семейных отношений, религии и культурных традиций. И эта «деструктивная политика» некоторых восточноевропейских стран, утверждают многие аналитики на Западе, будет нарастать.

В-третьих, в самом Европейском союзе, в так называемой сердцевине европейского объединительного процесса, существует ряд серьезных институциональных проблем. В нынешнем Европейском союзе, по образному выражению некоторых российских аналитиков, есть «страны-локомотивы», есть и «страны-вагоны» [2]. И, конечно, при принятии решений последнее слово остается всегда за «странами-локомотивами». Прямо говоря, ведущие страны ЕС во главе с Берлином при принятии решений подминают под себя слабые страны Евросоюза, прежде всего восточноевропейские государства.

В-четвертых, главные страны Евросоюза пытаются жестко навязывать всем другим членам ЕС свое видение «общей» европейской политики, «общего» европейского дома. Налицо — диктат со стороны крупных стран ЕС. К примеру, они постоянно рассказывают сказки восточноевропейским странам-«новичкам» о том, что «Евросоюз — не клуб христианских держав» (к вопросу о христианской морали), что «космополитическая Европа» якобы «давно миновала этап национальных государств», что «Европа немыслима в национальных категориях мышления» и т. п. [19: р. 70]. При этом всеми силами оберегают свою идентичность, национальную и культурную самобытность. Конечно, такой двойной стандарт вызывает возмущение у элит восточноевропейских стран.

В-пятых, появились признаки острой конкуренции между «новичками» — восточноевропейскими странами — членами ЕС. Оправдывается прогноз о том, что вступление государств Восточной Европы в ЕС «не преодолет раскол Европы, а разногласия и противоречия в ЕС будут нарастать» [6: с. 49]. Все это отдалает мечту о демократической и единой Европе

Наконец, в-шестых, не может быть единой Европы без уважительного отношения со стороны ЕС к России. «Превращение Восточной Европы в Западную, а западных территорий Советского Союза в Восточную Европу стало новой системной геополитической трансформацией, направленной против России», — писал упомянутый выше И.И. Орлик [7].

Быстро проведенное вовлечение бывших восточноевропейских социалистических стран в западные экономические интеграционные структуры и в военные структуры, в конечном счете, не служило, как справедливо утверждают российские исследователи И.Г. Жиряков и М.В. Макаренков, интересам создания единой Европы [4: с. 195–196].

Заметим, что несмотря на все вышеизложенное, в сегодняшних условиях острого противостояния Запада (включая, конечно, страны Восточной Европы) с Россией отказываться от планов выстраивания нормальных взаимоотношений нашей страны с Европейским союзом нельзя.

Литература

1. Договор об учреждении Европейского экономического сообщества от 25 марта 1957 г. (ЕЭС) // Документы Европейского союза: в 3 т. Т. 1. М.: Право, 1994. С. 95–288.
2. *Болдырев Ю.* Выход Британии из ЕС — нам бы их проблемы... URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151367/?aft=1> (дата обращения: 28.12.2016).
3. *Глинкина С.П.* Анализ трансформационных процессов в посткоммунистических странах: попытка развенчания некоторых мифов. URL: <http://www.imerieurasia.ru/baner/transformation.ppt> (дата обращения: 28.12.2016).
4. *Жиряков И.Г., Макаренков М.В.* Австрия и европейская экономическая интеграция в контексте отношений Запад – Восток. М.: ИИИУ МГОУ, 2016. 220 с.
5. *Коровин В.* Европа забыла о Шенгене // Взгляд. Деловая газета. 2015. 20 января.
6. *Кульми Д.* Строительство Европы в сфере обороны // Современная Европа. 2000. № 3. С. 47–51.
7. *Орлик И.И.* Центрально-Восточная Европа: от СЭВ до Евросоюза // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 3–9. URL: www.perspektivy.info/print.php?ID=59591 (дата обращения: 28.12.2016).
8. Основные тенденции во взаимоотношениях России и стран Центрально-Восточной Европы / отв. ред. И.И. Орлик. М.: ИЭ РАН, 2015. 426 с.
9. *Andriessen P.* Political control in the process of integration // Europ. affairs. Amsterdam, 1991. № 6. P. 6–9.
10. *Balazs P.* New opportunities for integration in Central-Eastern Europe // Interw. spectator. Roma, 1990. Vol. 25. № 3. P. 184–188.
11. *Bangemann M.* The process of European unification // Studia diplomatic. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.

12. Business welcomes united Europe // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 11–14.
13. *Finder J.* The KG policy in Eastern Europe // *Intern, spectator Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 174–183.
14. From the Single Act to Maastricht and beyond, the means to match our ambitions // *Bull. of the Europ. communities. Supp L 1*. Luxembourg, 1992. Febr. 12. P. 15.
15. *Kramer H.* The EC and the Stabilization of Eastern Europe // *Ausseripolitik*. Hamburg, 1992. Vol. 43. № 1. P. 12–21.
16. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *World Today*. L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
17. *Langguth G.* The single European market: also an opportunity for Eastern Europe? // *Hamburg*, 1992. Vol. 43. № 2. S. 107–114.
18. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes*. P., 1991. № 12. P. 46–58.
19. *Ulrich B.* Comprendre l'Europe telle qu'elle est // *Le Debat*. P., 2004. № 129. P. 70.
20. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatic*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.
21. *Weidenfeld W., Huterber M.* Osteuropa: Herausforderungen – Problemen – Strategien // *Forschungsgruppe Europa*. Mainz, 1991. S. 53.

Literatura

1. Dogovor ob uchrezhdenii Evropejskogo e'konomicheskogo soobshhestva ot 25 marta 1957 g. (EE'S) // *Dokumenty' Evropejskogo soyuza: v 3 t.* T. 1. M.: Pravo, 1994. S. 95–288.
2. *Boldy'rev Yu.* Vy'ход Britanii iz ES — nam by' ix problemy'... URL: <http://svpressa.ru/politic/article/151367/?aft=1> (data obrashheniya: 28.12.2016).
3. *Glinkina S.P.* Analiz transformacionny'x processov v postkommunisticheskix stranax: popy'tka razvenchaniya nekotory'x mifov. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/transformation.ppt> (data obrashheniya: 28.12.2016).
4. *Zhiryakov I.G., Makarenkov M.V.* Avstriya i evropejskaya e'konomicheskaya integraciya v kontekste otnoshenij Zapad – Vostok. M.: IIIU MGOU, 2016. 220 s.
5. *Korovin V.* Evropa zaby'la o Shengene // *Vzglyad*. Delovaya gazeta. 2015. 20 yanvarya.
6. *Kul'mi D.* Stroitel'stvo Evropy' v sfere oborony' // *Sovremennaya Evropa*. 2000. № 3. S. 47–51.
7. *Orlik I.I.* Central'no-Vostochnaya Evropa: ot SE'V do Evrosoyuza // *Novaya i novejschaya istoriya*. 2009. № 2. S. 3–9. URL: www.perspektivy.info/print.php?ID=59591 (data obrashheniya: 28.12.2016).
8. Osnovny'e tendencii vo vzaimootnosheniyax Rossii i stran Central'no-Vostochnoj Evropy' / otv. red. I.I. Orlik. M.: IE' RAN, 2015. 426 s.
9. *Andriessen P.* Political control in the process of integration // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 6–9.
10. *Balazs P.* New opportunities for integration in Central-Eastern Europe // *Interw. spectator. Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 184–188.
11. *Bangemann M.* The process of European unification // *Studia diplomatic*. Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 21–30.
12. Business welcomes united Europe // *Europ. affairs*. Amsterdam, 1991. № 6. P. 11–14.
13. *Finder J.* The KG policy in Eastern Europe // *Intern, spectator Roma*, 1990. Vol. 25. № 3. P. 174–183.

14. From the Single Act to Maastricht and beyond, the means to match our ambitions // Bull. of the Europ. communities. Supp L 1. Luxembourg, 1992. Febr.12. P. 15.
15. *Kramer H.* The EC and the Stabilization of Eastern Europe // *Ausserpolitik.* Hamburg, 1992. Vol. 43. № 1. P. 12–21.
16. *Kramer S.Ph.* Western Europe's «eastern question» // *World Today.* L., 1991. Vol. 47. № 12. P. 212–215.
17. *Langguth G.* The single European market: also an opportunity for Eastern Europe? // Hamburg, 1992. Vol. 43. № 2. S. 107–114.
18. *Ruhl L.* Defense: La longue marche fr. — allem. // *Rev. des deux mondes.* P., 1991. № 12. P. 46–58.
19. *Ulrich B.* Comprendre l'Europe telle qu'elle est // *Le Debat.* P., 2004. № 129. P. 70.
20. *Ungerer W.* European perspectives and Central Europe // *Studia diplomatic.* Bruxelles, 1991. Vol. 44. № 4. P. 41–51.
21. *Weidenfeld W., Huterber M.* Osteuropa: Herausforderungen – Problemen – Strategien // *Forschungsgruppe Europa.* Mainz, 1991. S. 53.

M.A. Barabanov

**Entering of the European Communities
and Post-Socialist Eastern European Countries the Path
of Creation of «United» Europe:
Intentions and Results**

The article highlights the major events that reveal the intentions of the leading EEC countries after the collapse of socialism in Eastern Europe to create the “united Europe” by the hasty integration of most of Eastern European countries to European Union. The author summarizes the results of these ideas.

Keywords: United Europe; European integration; post-socialist countries; EEC; «United market»; European communities; EU.

**Рецензия на книгу:
Federalism in Greek Antiquity /
Eds. Hans Beck and Peter Funke.
Cambridge: Cambridge University
Press, 2015. 636 p.**

Полис (как город-государство и одновременно гражданская община) служил основой общественной и политической жизни Древней Греции. При этом социальное, культурное, политическое и экономическое развитие древнегреческой цивилизации в значительной степени определяли крупнейшие полисы, особенно такие как Афины и Спарта. Именно ими были созданы крупнейшие военные союзы, или симмахии (συνμαχία), классической эпохи. Тем не менее помимо симмахий в Элладе существовал и другой вектор политической интеграции — федеративные объединения (κοινόν, συμπολιτεία) полисов и племен (Фессалийский, Акарнанский, Беотийский, Аркадский, Ахейский, Этолийский и другие союзы). Древнегреческие союзы охватывали большую часть территории и гражданского населения Эллады, так что исследование их истории имеет очень большое научное значение. В отечественной историографии отсутствуют общие труды о федеративных союзах Древней Греции, но имеются основательные исследования, посвященные отдельным союзам и отдельным проблемам их истории [3; 4; 6; 7; 8; 10; 13; 16]. При этом современная отечественная историография проявляет все больший интерес к изучению федеративной Эллады [1; 2; 5; 9; 11; 12; 14; 15; 17].

В этой связи для современных исследователей древнегреческих союзов представляет немалый интерес выход в свет коллективной монографии «Федерализм в греческой античности» под редакцией Ханса Бека и Питера Фанка.

Книга представляет собой сборник из двадцати девяти статей, каждая из которых уделяет внимание как проблеме федеративных отношений в Элладе, так и рассмотрению особенностей тех или иных союзов. В первой статье

«Учреждение федерализма в греческой античности» Ханс Бек и Питер Фанк обращают внимание на то, что полисы постоянно поддерживали густую сеть отношений, главным элементом которых являлась проксения — гостевая дружба как между полисами, так и между частными лицами. Эти связи напрямую воздействовали на межполисную интеграцию, которая «повлияла на ход греческой истории так же, как стремление к независимости» (р. 3). Далее авторы справедливо отмечают сложившийся полисоцентризм в изучении Древней Греции при пренебрежительном отношении к «племенным государствам» (tribal states). Главную роль в формировании такого подхода сыграл Фукидид, который представляет греческие этносы как «болото» (backwaters) с меньшим культурным и политическим развитием, которые, следовательно, менее достойны рассмотрения (р. 3–4). Очевидно, что до сих пор некоторые исследователи Древней Эллады придерживаются полисоцентризма, при этом крайне скептически относясь к «племенным государствам» (р. 3–4). Авторы уделяют внимание и вопросу о применении категории «федерация» к союзам Древней Греции, проблеме прав *ἔκκλησις* и *ἐπιγαμία*, региональной идентичности и территориальности (р. 5–23). Среди причин создания федеративных союзов они отмечают альтернативность, которую предоставляла федеральная интеграция, которая позволила многим городам-государствам избежать афинского и спартанского влияния, если не политического подчинения (р. 27).

Во второй статье «Федерализм и этническое происхождение» Джонатан Холл анализирует взаимовлияние этносов на формирование федеративных государственных институтов (р. 30–48). Автор характеризует этногенез как очень длительный процесс, который продолжался даже в классический период в таких областях, как Ахайя и Этолия. При этом он справедливо отмечает, что полис и этнос представляют собой совершенно разные категории: первая касается места, вторая народа (р. 47). При этом этническая принадлежность являлась не просто предпосылкой для федерализации, а скорее одним из способов, с помощью которого она была произведена (р. 48).

Клаус Фрайтаг в статье «Акарнания и Акарнанская лига» рассматривает сложный процесс формирования федеративного государства. Среди особенностей союза автор отмечает дискуссионную проблему сочетания в нем этноса и полисов (р. 66). При общем числе населения Акарнании в пределах тридцати пяти тысяч основное число полисов (примерно двадцать пять) было сосредоточено в прибрежной зоне, остальные жители жили в глубине страны по деревням (комам) (р. 68). Ключевую роль в формировании этноса акарнанов сыграла колонизация коринфянами Керкиры и прибрежной зоны Акарнании (р. 70). В статье прослеживается формирование Акарнанского союза, борьба акарнанов с коринфскими колониями, позже с этолийцами (р. 70–76). В отличие от прочих союзов в III в. до н. э. Акарнанию возглавляли семь стратегов, но союз не избежал эллинистических тенденций централизации власти и между 216 и 206 гг. до н. э. союз возглавляет один стратег (р. 80). К. Фрайтаг

подробным образом рассматривает административные механизмы союза, которые во многом соблюдают основные тенденции интеграционных процессов в Элладе в III в. до н. э. Интересно, что Акарнанский союз наладил союзную чеканку монет лишь к III в. до н. э., что позволяет датировать окончательное формирование Акарнанского союза тем же веком.

Питер Фанк в статье «Этолия и Этолийская лига» обращает внимание на сильную фрагментацию этолийского племени на различные подплемена, которые в свою очередь были разделены на многочисленные меньшие подъединицы (р. 86, 93, 95). При этом этолийцы как единая этническая и политическая единица начала действовать не ранее Пелопоннесской войны (р. 87). Особенно интересно в статье показана взаимосвязь этолийского мифотворчества с направлениями внешней политики Этолийского союза. При помощи мифов этолийцы не только укрепляли свое политическое самосознание, но и обосновывали право на лидерство над Локридой и Элидой (р. 91). Расширению сферы влияния этолийцев также способствовала гибкая двойная форма гражданства, которая существенно расширяла интеграционный потенциал союза (р. 101–102). При этом автор ставит под сомнение распространение прав *ἔγκτησις* и *ἐπιγαμία* на федеральном уровне, подобно Халкидскому союзу (р. 104–105). В завершении П. Фанк подробно рассматривает эволюцию государственных структур Этолийского союза вплоть до его распада в I в. до н. э (р. 108–117).

Афанасиос Ризакис делит свою статью «Ахейская лига» (р. 118–122) на пять частей: 1) «Политический союз ахейцев и их дуалистическая идентичность»; 2) «Федеральные институты»; 3) «Административная структура лиги»; 4) «Разделение власти между местным уровнем и федеральным центром»; 5) «Разрешение конфликтов и арбитраж». В отличие от этолийцев в Ахейском союзе права *ἔγκτησις* и *ἐπιγαμία* имели федеральное значение, при этом только граждане, родившиеся в полисе, могли участвовать в его делах (р. 122). Особое внимание А. Ризакис уделяет арбитражной функции федеральных властей как важного фактора политической стабильности союза (р. 129–131).

Эффективный подход в изучении древнегреческих союзов предлагают Ханс Бек и Ангела Гантер в статье «Беотия и Беотийская лига» (р. 132–157). Интеграцию в Беотии следует рассматривать не по отдельной траектории развития, а одновременно в комплексе параллельных процессов племенной, культурной, военной, дипломатической, религиозной и политической интеграции (р. 138). Авторы предлагают взглянуть под другим углом на проблему «мидизма» Беотийского союза в эпоху Греко-персидских войн. Х. Бек и А. Гантер, сопоставляя союзные отряды при Фермопилах, указывают, что беотийцы отправили вместе с коринфянами, тегейцами и мантинейцами отряды примерно в пятьсот человек, но только беотийцев Геродот обвиняет в слабой приверженности общегреческому делу (р. 139–140).

При образовании Беотийского союза ведущую роль сыграло этническое родство и противоборство Орхомена и Фив. Главным элементом этой борьбы была

система подчинения более мелких соседних общин — *συντέλεια* (р. 141–145). В 364 г. до н. э. после разрушения Орхомена Фивы окончательно взяли инициативу беотийской интеграции в свои руки (р. 150). С 338 г. до н. э., после поражения греков при Херонее, начинается период упадка Беотийского союза, а в 245 г. до н. э. союз попадает в зависимость от Этолийского союза (р. 156).

Денис Ноепфлер затрагивает проблему нестабильности Эвбейской диги (р. 158–178). Автор выделяет следующие причины этой нестабильности: географическая раздробленность и разнообразие этнического происхождения (р. 158–160). В начале IV в. до н. э. Халкида становится федеральным центром союза, главным образом ввиду своего важного географического положения (р. 165). Тем не менее Эвбейский союз оставался рыхлым образованием, находившимся под влиянием внешних сил. Так, в 357 г. до н. э. союз распался из-за борьбы профиванских и проафинских сил (р. 165). Неустойчивость Эвбейского союза также характеризовалась отсутствием общего календаря и общего гражданства (р. 169). Общее гражданство появляется только в 194 г. до н. э. при помощи римлян. В целом автор отмечает, что на Эвбее так и не сложилось прочного федеративного государства, которое так и осталось в зачаточном состоянии (р. 170–177).

Схожее географическое разделение локрийского этноса отмечает Джованни Даверио Рокк (р. 179–198). Географическое разделение Локриды на Восточную и Западную было обосновано мифотворчеством локрийского этноса (р. 179–182). Восточная Локрида была более густонаселена и имела своим союзным центром полис Опунт (р. 182–187). Интересно, что союзное правительство Опунта называлось «Тысяча», что, по мнению автора, выражало формализацию учреждений первичного собрания, превращая их в федеральную организацию (р. 186–187). Западная Локрида имела союзный центр в Навпакте, в котором заседала союзная эклессия (р. 192).

Так же под влиянием географического фактора развивался фокидский этнос (р. 199–221). В статье «Фокида» Джереми Макинерни прослеживает схожее с прочими союзами мифотворчество фокидян, которое отражает их территориальные претензии к соседним этносам (р. 199–204). Существенным фактором этногенеза и сплочения фокидян автор считает постоянную угрозу со стороны Фессалии (р. 207). Окончательно Фокинский союз сформировался после Греко-персидских войн. Федеральные институты были схожи с соседними союзами (р. 208–214). В IV в. до н. э. в процессе усиления союзного государства фокейцы начинают претендовать на Дельфы как исконно фокидскую землю, что привело к третьей Священной войне в 356–346 гг. до н. э. (р. 215–216) и к краху союзного государства. Д. Макинерни отмечает высокую степень клановости в союзных органах власти к тому времени, что показывает слабость федеративных структур (р. 217). Несмотря на то, что в III в. до н. э. союз был восстановлен, в 235 г. до н. э. он становится частью Этолийского союза, а в 146 г. до н. э. был вовсе распущен Л. Муммием (р. 220–221).

Интересную категорию «микрофедерализм» применяет по отношению к дорийцам и этейцам Денис Руссет (р. 222–231). Оба этих этноса имели всего четыре города и находились под влиянием соседних союзов. Дорида никогда не играла значительную политическую роль в регионе, часто ее называли метрополией Пелопоннесских дорийцев (р. 222). Д. Руссет отмечает крайнюю скудность информации относительно федеральных институтов дорийцев. Из эпиграфических источников видно, что ведущим городом Дориды был Китиний (р. 223–224). Что касается этейцев, то до классического периода о них ничего не известно. В V–IV вв. до н. э. этейцы начинают совместно выступать на внешнеполитической арене, чеканить союзную монету (р. 227). Гераклея становится федеральным центром союза (р. 227). Но в конце III – начале II в. до н.э. этейцы попадают под этолийскую зависимость (р. 228–230).

К VI в. до н. э. формируется Фессалийский союз, образованный в результате реформ Алева Рыжего из Лариссы. На основе глубокого анализа источников Ричард Бучон и Бруно Хелли подробнейшим образом описывают структуру объединения (р. 231–249). В результате реформ Фессалия была поделена на четыре тетрады, жители которых назывались перизками. Они были хорошо интегрированы с фессалийцами, при этом сохраняя местное самоуправление (р. 233). В соответствии с указанным делением выстраивалась федеральная и военная структура магистратов. Так, в договоре с Афинами со стороны фессалийцев выступают четыре полемарха от каждой тетрады отдельно (р. 234). Гражданские группы, владеющие землей и обязанные пополнять союзное войско, возглавлялись тагами. Авторы указывают на широкое значение слова «таг», которое в дальнейшем при Ясоне из Фер получило значение титула верховной власти (р. 237–238). Неоднозначным выглядит сравнение Фессалийского союза V и IV вв. до н. э. со Вторым Афинским союзом, так как в обоих случаях главным элементом союза выступала армия. Все же, какие бы федеративные черты во Втором Афинском союзе не просматривались, он так и остался на уровне гегемонистской симмахии, что продемонстрировал его скорый распад. Если взглянуть на союзные магистраты Фессалийского союза, то становится очевидно, что фессалийцам федеративные интеграционные процессы были гораздо ближе, нежели Афинам в IV в. до н. э. (р. 240–249).

Множество сходных моментов между Аркадским и Беотийским союзами выделяет Томас Хейн Нильсен в статье «Аркадская конфедерация» (р. 250–268). Автор рассматривает массу проблемных вопросов, на основе чего делит статью на следующие части: 1) Аркадская конфедерация в V в. до н. э.; 2) Аркадская амфиктиония в V в. до н. э.; 3) Местные военные лиги в V в. до н.э.; 4) Синтелия Орхомена; 5) Синтелия Мантиней. Субэтнические федерации Паррасии и Майналии; 6) Аркадский синойкизм до синойкизма Мегалополиса; 7) Аркадская конфедерация 370–363 гг. до н. э. Статья интересна тем, что в ней рассматриваются дискуссионные вопросы, на которые автор предлагает остроумные ответы. Сравнение федеративной интеграции с синойкизмом полисов помогает

понять механизмы генезиса союзных отношений не только в Аркадском союзе, но и в прочих союзных объединениях (р. 257–263).

Элементы интеграционных процессов также можно проследить и в Мессении. Нино Лураги в статье «Следы федерализма в Мессении» (р. 286–297) указывает на наличие той или иной формы политической интеграции в Мессении начиная с середины IV века до н. э., когда она была освобождена от спартанского владычества (р. 286). Автор анализирует роль полисов Мессены и Ифомы в формировании региональной интеграции и отмечает их ведущую роль в этом процессе (р. 287–291). При этом ввиду скудных доказательств сложно с уверенностью говорить о федеративном государстве мессенцев, хотя автор отмечает увеличение эпиграфических доказательств, связанных с этим вопросом (р. 285–286).

Элизабет Мейер в статье «Молосия и Эпир» рассматривает структуру союза эпиротов (р. 298–318). Эпиграфические данные позволяют утверждать, что союз эпиротов был окончательно сформирован в конце III – начале II в. до н. э. (р. 300). Основой объединения служили небольшие этнические группы (14 племен и 157 субплемен!) во главе с царем, при этом все этносы были представлены в совете десяти демиургов, которые принимали решение о выдаче общесоюзной проксении иностранцам (р. 302–303). Интересной особенностью Эпирского союза было то, что молоссы как ядро племенной интеграции распространили царскую власть на весь союз и сами являлись основой объединения (р. 304–315). Безусловно, росту объединения способствовали молосские цари, самым великим из которых стал Пирр (р. 317).

Мнение о том, что Македонское царство было врагом полисных государств, обоснованной критике подвергает Мильтиад Хацопулос в статье «Федеративная Македония» (р. 319–340). На основе эпиграфических данных автор прослеживает помимо духовных связей и гражданские, которые увеличивали возможности смешанного брака (эпигамии) и приобретения собственности (энктесис) по всей стране (р. 328). Интересным представляется то, что хотя во внешней политике местные македонские общины были полностью подчинены царской власти, во внутренних делах обладали широкими правами самоуправления (р. 331). Такое положение дел стало возможным после реформ Филиппа II, после которых за пределами Македонии стали образовываться полисы с присоединением соседних деревень (ком), так как только крупные общины имели право на статус полиса (р. 335). Удивительно, но именно Филипп II и последующие за ним македонские цари были инициаторами создания местных симполитий (р. 336). При этом образованные полисы были не просто пассивными частями македонского царства, а принимали активное участие во внутривластной жизни. М. Хацопулос указывает двадцать семь законов и указов, голосование по которым осуществлялось македонскими городами (р. 338). Царь же со своей стороны требовал от местных властей публикации всех его постановлений и занимался разбором судебных

процессов между различными полисами и этносами (р. 338). Таким образом, перед нами предстает картина сочетания сильной царской власти, с одной стороны, и полисных идеалов самоуправления — с другой, что и позволило Филиппу II создать мощное государство, которое смогло просуществовать довольно длительное время, пока не было завоевано Римом (р. 340). Теперь становится очевидным, что создание Коринфской лиги после поражения греков при Херонее в 338 г. до н. э. было обычным для Филиппа II стилем управления, который он широко практиковал в Македонии.

Еще один опыт федеративного объединения можно наблюдать на примере Халкидского союза. Михаэль Царнт в статье «Халкидика и халкидяне» рассматривает происхождения жителей полуострова и влияние афино-спартанского противостояния на формирование Халкидского союза (р. 343–357). На основе эпиграфического материала автор подтверждает ведущую роль Олинфа в создании союза (р. 343–354). М. Царнт указывает на то, что халкидяне предприняли гораздо больше шагов для создания общего гражданского права, чем большинство греческих федеральных земель. Прежде всего автор имеет ввиду союзное право эпигамии и энктесис (р. 356–357).

Костас Бураселис рассматривает койнон Эгейских островов как синтез между симмахией и гегемонистской лигой (р. 358–376). Союз островов по большей части был инструментом внешней политики Антигонидов и Полемеев (р. 360–363). После ослабления указанных эллинистических монархий в Эгейском море функцию гегемона союза взял на себя Родос (р. 363–365). К. Бураселис также рассматривает союзные объединения полисов Кеоса и Лесбоса. Интересно, что в основе союзных объединений на островах Кеоса и Лесбоса автор выделяет в основе не федеральную интеграцию, а синойкизм (р. 375–376) что представляется некорректным выводом, так как синойкизм является неотъемлемой составной частью греческого федерализма.

Обратившийся к истории Крита Ангелос Ханиотис в статье «Федерализм на Крите: Критский койнон и койнон Ореи» заключает, что нет никаких доказательств существования федеральных структур на Крите до раннего эллинистического периода (р. 377–402). Автор отмечает значительную рыхлость койнона, который состоит из трех союзов вокруг крупнейших городов Крита: Гортины, Кносса и Литта (р. 379–380). Постоянная вражда этих союзов приводила к частому перемещению городов от одного союза к другому, что значительно ослабляло Критский койнон (р. 381). В отличие от прочих койнонов у критян не было общего гражданства и постоянной федеральной армии (р. 382). Важным союзным органом была диаграмма — учреждение, которое разрешало конфликты между разными полисами и их гражданами (р. 383). Таким образом, Критский койнон представляется одним из самых слабых интеграционных объединений эллинистической Греции.

Элементы федерализма в Малой Азии в статье «Ликийская лига» рассматривает Ральф Бервальд (р. 403–418). Союз окончательно формируется

к началу III века до н. э. Союз выпускал общую монету и имел союзные органы власти (р. 404–411). Из-за скудости эпиграфических и нарративных свидетельств автор с осторожностью приходит к выводу, что Ликийский союз был продуктом социально-экономического кризиса II–I вв. до н. э. и попыткой местных элит решить эти проблемы общими усилиями (р. 412–418).

Элементом федерализма западных греков посвящены статьи Майкла Фронды «Италийская лига и Южная Италия» (р. 386–418) и Алекса Маколи «Федерализм в Керенаике?» (р. 419–433). Авторы уделяют внимание особенностям внутреннего самоуправления греческих объединений в Африке и Южной Италии и влиянию внешних факторов на развитие интеграционных процессов.

Сборник завершают статьи, затрагивающие вопросы частного характера в развитии федеративных объединений Греции. Это статьи Курта А. Рафлауба «Предшественники федеральных земель: сотрудничество и интеграция через альянс в архаической и классической Греции» (р. 434–452), Бернхарда Смаркцика «Греческие лиги поздней классики и эллинистического времени и их место в истории греческого федерализма» (р. 452–470), Шейла Эйджер «Мирное урегулирование конфликтов в мире федеральных земель» (р. 471–486), Эмили Маккил «Экономика федерации в древнегреческом мире» (р. 487–502), Чинция Беарзот «Древние теоретические размышления о федерализме» (р. 503–511), Густав Адольф Леманн «Греческий федерализм, повторное открытие Полибия и создание американской конституции» (р. 512–523).

В заключение следует отметить, что рассматриваемый коллективный труд представляет собой еще один существенный шаг на пути изучения древнегреческих федераций, их особенностей и влияния на ход истории античной Греции. Не вызывает сомнений, что данная книга существенно усилит интерес отечественных ученых к исследованию греческих союзов, что представляется немаловажным в контексте изучения кризиса греческих полисов, роли прав энкtesis и эпигамии в койнонах, взаимозависимости синоикизма и формирования союзов полисов и других дискуссионных вопросов, касающихся механизмов эллинской интеграции.

Литература

1. *Алехин В.П.* О роли Эпаминонда в Фивах эпохи гегемонии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2010. Вып. 16. Т. 19. С. 29–33.
2. *Бахшиев И.И.* Проблема взаимоотношений Ахейской лиги и Этолийского союза (к вопросу о политическом сепаратизме древних греков) // От древности к новому времени: проблемы истории и археологии. Уфа, 2006. Вып. 9. С. 61–64.
3. *Васильевский В.Г.* Политическая реформа и социальное движение в древней Греции в период ее упадка. СПб., 1869. 326 с.
4. *Власюков С.Ю.* Этолийский союз эллинистического времени (социально-экономические отношения и политическая организация): дис. ... канд. ист. наук. М., 1991. 323 с.
5. *Власюков С.Ю.* Этолийское народное собрание // *Antiquitas aeterna*. Казань, 2005. Вып. 1. С. 107–121.

6. Жебелев С.А. Ахайка. СПб., 1903. 382 с.
7. Кутергин В.Ф. Беотийский союз в 379–335 гг. до н. э. Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 1991. 184 с.
8. Лурье С.Я. Беотийский союз. СПб., 1914. 215 с.
9. Минаев О.В. Фессалия в VIII–IV вв. до н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2008. 17 с.
10. Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период: дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 231 с.
11. Нефедкин А.К. Реформирование союзной кавалерии ахейцев Филопеменом // Вестник древней истории. 2012. № 1. С. 155–163.
12. Сизов С.К. Аристотель и греческие федерации (к истолкованию ARISTOT. POLIT. 2. 1261 A 29) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2013. Вып. 12. С. 226–236.
13. Сизов С.К. Ахейский союз. М.: Прометей, 1989. 170 с.
14. Сизов С.К. Федерализм и религия в эллинистической Греции // Из истории античного общества. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2007. С. 264–285.
15. Сизов С.К. Федеральное собрание в союзе акарнанов (III–II вв. до н. э.) // Из истории античного общества. Вып. 13. Н. Новгород, 2010. С. 106–124.
16. Сизов С.К. Федеративные государства эллинистической Греции: Ахейский и Этолийский союзы: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 659 с.
17. Фролов Э.Д. Явление федерализма в политической жизни античной Греции // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 7. 2008. С. 13–22.

Literatura

1. Alexin V.P. O roli E'paminonda v Fivax e'poxi gegemonii // Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. E'konomika. Informatika. 2010. Vy'p. 16. T. 19. С. 29–33.
2. Baxshiev I.I. Problema vzaimootnoshenij Axejskoj ligi i E'tolijskogo soyuza (k voprosu o politicheskom separatizme drevnix grekov) // Ot drevnosti k novomu vremeni: problemy' istorii i arxeologii. Ufa, 2006. Vy'p. 9. S. 61–64.
3. Vasil'evskij V.G. Politicheskaya reforma i social'noe dvizhenie v drevnej Grecii v period ee upadka. SPb., 1869. 326 s.
4. Vlasyukov S.Yu. E'tolijskij soyuz e'llinisticheskogo vremeni (social'no-e'kononicheskie otnosheniya i politicheskaya organizaciya): dis. ... kand. ist. nauk. M., 1991. 323 s.
5. Vlasyukov S.Yu. E'tolijskoe narodnoe sobranie // Antiquitas aeterna. Kazan', 2005. Vy'p. 1. S. 107–121.
6. Zhebelev S.A. Axajka. SPb., 1903. 382 s.
7. Kutergin V.F. Beotijskij soyuz v 379–335 gg. do n. e'. Saransk: Izd-vo Mord. un-ta, 1991. 184 s.
8. Lur'e S.Ya. Beotijskij soyuz. SPb., 1914. 215 s.
9. Minaev O.V. Fessaliya v VIII–IV vv. do n. e': avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Ivanovo, 2008. 17 s.
10. Mozhajskij A.Yu. Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskij period: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2007. 231 s.

11. *Nefedkin A.K.* Reformirovanie soyuznoj kavalerii axejcev Filopemenom // Vestnik drevnej istorii. 2012. № 1. S. 155–163.
12. *Sizov S.K.* Aristotel' i grecheskie federacii (k istolkovaniju ARISTOT.POLIT. 2. 1261 A 29) // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. 2013. Vy'p. 12. S. 226–236.
13. *Sizov S.K.* Axejskij soyuz. M.: Prometej, 1989. 170 s.
14. *Sizov S.K.* Federalizm i religiya v e'llinisticheskoy Grecii // Iz istorii antichnogo obshhestva. N. Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta, 2007. S. 264–285.
15. *Sizov S.K.* Federal'noe sobranie v soyuze akarnanov (III–II vv. do n. e'.) // Iz istorii antichnogo obshhestva. Vy'p. 13. N. Novgorod, 2010. S. 106–124.
16. *Sizov S.K.* Federativny'e gosudarstva e'llinisticheskoy Grecii: Axejskij i E'tolijskij soyuzy: dis. ... d-ra ist. nauk. SPb., 1992. 659 c.
17. *Frolov E'.D.* Yavlenie federalizma v politicheskoy zhizni antichnoj Grecii // Mnemon. Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira. Vy'p. 7. 2008. S. 13–22.

И.В. Васин

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
2017, № 1 (25)**

Амбросе Татьяна Витальевна — аспирант кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (tatyanka-is@yandex.ru).

Багашвили Инна Ревазовна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (inna.bagashvili@uralchem.com).

Барабанов Максим Валерьевич — кандидат политических наук, магистр истории (maxim112007@yandex.ru).

Васин Иван Вячеславович — аспирант кафедры всеобщей истории МГПУ (rome2009@list.ru).

Гусева Инна Евгеньевна — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (ieguseva@mail.ru).

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГПУ (ershtamaris@yandex.ru).

Иванов Геннадий Сергеевич — аспирант кафедры истории МГПУ (igs105@mail.ru).

Исаков Владимир Алексеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории МГПУ (isakov-va@yandex.ru).

Касаров Георгий Георгиевич — доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры отечественной истории МГПУ (Kasarov@mgroup.ru).

Квасов Олег Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова (kvasovoleg@yandex.ru).

Кискидосова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (tak_74@mail.ru).

Ляпустин Борис Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО МИД РФ (bsl51@mail.ru).

Подшибякин Сергей Сергеевич — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (mr.visenka@rambler.ru).

Фатеев Андрей Витальевич — аспирант кафедры отечественной истории МГПУ (andyfateev@gmail.com).

Юрьев Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ (yurev1303@mail.ru).

Authors
of «Vestnik Moscow City University»,
Series of «Historical Studies», 2017, № 1 (25)

Ambroche Tatiana Vitalievna — postgraduate student of the department of History of Russia, M.V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University (tatyanka-is@yandex.ru).

Bagashvili Inna Revazovna — postgraduate student of the department of History of Russia, MCU (inna.bagashvili@uralchem.com).

Barabanov Maksim Valerievich — Ph.D. (Political Science), Master of History (maxim112007@yandex.ru).

Vasin Ivan Vyacheslavovich — postgraduate student of department of World History, MCU (rome2009@list.ru).

Guseva Inna Evgenievna — postgraduate student of the department of History of Russia, MCU (ieguseva@mail.ru).

Ershova Tamara Vitalyevna — Doctor of History, professor of department of History of Russia, MCU (ershtamaris@yandex.ru).

Ivanov Gennadiy Sergeevich — postgraduate student of the department of History of MCU (igs105@mail.ru).

Isakov Vladimir Alekseevich — Doctor of History, professor of department of World History, MCU (isakov-va@yandex.ru).

Kasarov Georgy Georgievich — Doctor of History, professor-consultant of department of History of Russia, MCU (Kasarov@mgpu.ru).

Kvasov Oleg Nikolaevich — Doctor of History, docent, Head of the department of Philosophy and Social and Humanities, G.F. Morozov Voronezh State University of Forestry and Technologies (kvasovoleg@yandex.ru).

Kiskidosova Tatiana Alexandrovna — Ph.D. (History), Head of the history sector, Khakass research institute of language, literature and history (tak_74@mail.ru).

Lyapustin Boris Sergeevich — Ph.D. (History), docent of department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations of the MFA of Russia (bsl51@mail.ru).

Podshibyakin Sergei Sergeevich — postgraduate student of department of History of Russia, MCU (mr.visenka@rambler.ru).

Fateev Andrey Vitalievich — postgraduate student of department of History of Russia, MCU (andyfateev@gmail.com).

Yurev Alexander Ivanovich — Doctor of History, professor of department of Modern History of Russia, MTTSU (yurev1303@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля — верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы и постраничные сноски, не должен превышать 18–20 тыс. печатных знаков (0,4–0,5 п. л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами — в светлом курсивном начертании, греческими буквами — в светлом прямом. Рисунки должны выполняться в графических редакторах. Графики, схемы, таблицы не могут быть сканированными.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине, полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещается аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком использованной литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.05–2008 «Библиографическая ссылка» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на интернет-ресурсы и архивные документы даются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи после списка литературы на русском языке приводится фамилия автора, заглавие, аннотация статьи, ключевые слова (*Keywords*) и список литературы (*References*) на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных требований автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgri.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

По вопросам публикации статей в журнале «Вестник МГПУ» серии «Исторические науки» обращаться к ответственному редактору *Федору Александровичу Михайловскому* (e-mail: f.mikhailovsky@yandex.ru).

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Исторические науки»
№ 1 (25), 2017

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № ФС77-62499 от 27 июля 2015 г.

Главный редактор:
доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В.В. Рябов*

Заместитель главного редактора:
доктор исторических наук, профессор *Ф.А. Михайловский*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*
Редактор:
И.Е. Посоха
Корректор:
К.М. Музамилова
Перевод на английский язык:
А.С. Джанумов
Техническое редактирование и верстка:
О.Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр ГАОУ ВО МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1
Телефон: 8-499-181-50-36
E-mail: Vestnik@mgpu.ru

Подписано в печать: 23.03.2017 г. Формат 70 × 108 ¹/₁₆
Бумага офсетная

Объем 7,5 усл. печ. л. Тираж 1000 экз.